

Autumn—Winter 2009

Осень—Зима 2009

DUM SPIRO, SPERO

Пока дышу, надеюсь (лат.)

экспертиза

экспертиза

рекомендации

обзоры

обзоры

SPERO | № 11/2009

Autumn—Winter 2009

S
O
C
I
A
L

SPERO

P
O
L
I
C
Y

SPERO

E

expertise

R

recommendations

O

interviews

SPERO | № 11/2009

Осень—Зима 2009

С
П
Э
Р
О

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА:

экспертиза

рекомендации

обзоры

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Павлова-Сильванская Марина Павловна (председатель)	к. и. н., консультант журнала «Pro et Contra» московского центра Карнеги
Аузан Александр Александрович	д. э. н., профессор, зав. кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, президент Института нацио- нального проекта «Общественный договор», президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
Васильев Сергей Александрович	д. э. н., зам. председателя Внешэкономбанка, научный руководитель Международного центра социально- экономических исследований «Леонтьевский центр»
Вишневский Анатолий Григорьевич	д. э. н., действительный член РАЕН, директор Института демографии ГУ–ВШЭ, главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
Лукьянов Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
Малева Татьяна Михайловна	к. э. н., ДВА, директор Независимого института социальной политики (НИСП), главный редактор журнала
Плискевич Наталия Михайловна	зам. главного редактора журнала «Общественные науки и современность», редактор журнала «Social Science», ст. н. с. Института экономики РАН
Полетаев Андрей Владимирович	д. э. н., профессор, зам. директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ–ВШЭ, зав. сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН
Ясина Ирина Евгеньевна	к. э. н., ведущий научный сотрудник Института экономики переходного периода, руководитель Клуба региональной журналистики

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор	Малева Татьяна Михайловна, к. э. н., ДВА, директор НИСП
Зам. главного редактора	Синявская Оксана Вячеславовна, к. э. н., зам. директора НИСП
Ответственный редактор	Фетисова Марина Игоревна, директор публикационной программы НИСП
Члены редколлегии	Зубаревич Наталья Васильевна, д. г. н., директор региональной программы НИСП Овчарова Лилия Николаевна, к. э. н., зам. директора НИСП

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭКСПЕРТЫ О МОДЕРНИЗАЦИИ

Дж. Боноли

**ВРЕМЯ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ.
ПОСТИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ
И АДАПТАЦИЯ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ
В РАЗВИТЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ДЕМОКРАТИЯХ**

7

В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Е.М. Авраамова, Е.В. Кулагина

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ
КАК РЕСУРС ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ**

29

А.Е. Чирикова

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ ДЛЯ СРЕДНЕГО КЛАССА: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ

41

А.Я. Бурдяк

ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В РОССИИ: ПОРТРЕТ ЗАЕМЩИКА

61

М.Л. Князева

СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВА, СУДЬБЫ НАРОДА

77

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА

Е.А. Горина

**РАСХОДЫ НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ В РЕГИОНАХ РФ С РАЗЛИЧНОЙ
БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬЮ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ**

115

А.В. Клепиков, Е.Ю. Шаталова

**КОНВЕНЦИЯ О ПРАВАХ ИНВАЛИДОВ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИИ**

133

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

Н.В. Мкртчян

**МИГРАЦИОННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ:
ОЦЕНКИ И ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА**

149

ОБЗОРЫ

А.Я. Бурдяк, Е.Б. Головляница

**МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ ЗАЕМЩИКОВ
В ИПОТЕЧНОЙ СИСТЕМЕ США И РОССИИ**

165

SUMMARIES

SUMMARIES

173

ВРЕМЯ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ.

**ПОСТИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И АДАПТАЦИЯ
ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ В РАЗВИТЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ
ДЕМОКРАТИЯХ^{1,2}**

Боноли Дж., профессор социальной политики Швейцарской высшей школы государственного управления (IDHEAP) в Лозанне (Швейцария)

Перевод В. Ф. Танина, под ред. Т. М. Малевой

Западные государства всеобщего благосостояния создавались в послевоенные годы с главной целью — защитить кормильцев семьи (в основном мужчин) от тех последствий, которыми чревата утрата возможности получать заработок на рынке труда. Однако с тех пор структура социальных рисков значительно изменилась, и в настоящее время социальные риски включают негарантированную занятость, долгосрочную безработицу, неполные семьи, в которых работающий родитель либо имеет низкий заработок, либо не может совмещать работу и заботу о семье. Изменения в структуре социальных рисков привели к адаптации государств всеобщего благосостояния лишь в странах Северной Европы, в странах континентальной и Южной Европы этот процесс был гораздо менее выражен. В данной статье при рассмотрении этого расхождения в направлениях социальной политики высказывается мнение о том, что в странах Северной Европы ее переориентация стала возможной, поскольку новые социальные риски сформировались там до вступления послевоенных государств всеобщего благосостояния в стадию зрелости. Эта концепция опирается на статистический анализ, в котором временные факторы ключевых социально-экономических процессов сопоставляются с уровнями расходов на соответствующие меры.

Западные государства всеобщего благосостояния задумывались и создавались в послевоенные годы с одной основной целью — защитить наемных работников от социальных рисков, которые определялись характером занятости и моделями семьи. Прежде всего усилия были направлены на снижение зависимости положения кормильцев и их семей от превратностей ситуации на рынке. Процесс превращения труда в товар, начавшийся с промышленной революцией и наступлением капитализма, впервые за два столетия обращался вспять [Esping-Andersen, 1990; Polanyi, 1957]. Послевоенные государства всеобщего благосостояния обеспечивали надежную защиту от утраты заработка вследствие болезни, нетрудоспособности, старости или отсутствия занятости. Учитывая доминирующие в то время модели семьи, эти меры были адресованы мужчине-кормильцу. Прямых мер защиты женщин в послевоенной системе почти не было, за исключением случаев вдовства, т.е. потери мужчины-кормильца. Послевоенные государства всеобщего благосостояния,

¹ Печатается по изданию: Time Matters. Postindustrialization, New Social Risks, and Welfare State Adaptation in Advanced Industrial Democracies // Comparative Political Studies 2007. Vol. 40. № 5 (May). P. 495—520. © 2007 Sage Publications 10.1177/0010414005285755 <http://cps.sagepub.com> hosted at <http://online.sagepub.com> с любезного разрешения правообладателя.

² Данная статья написана на основе работы, представленной на ряде конференций, и учитывает сделанные на этих конференциях комментарии участников. В частности, хочу поблагодарить Клауса Армингеона (Klaus Armingeon), Йохана Клазена (Jochen Clasen), Эвелин Хьюбер (Evelyne Huber), Лейн Кенурти (Lane Kenworthy), Джейн Льюис (Jane Lewis), Бруно Пальера (Bruno Palier), Лили Скруггз (Lyle Scruggs), Нико Сигель (Nico Siegel) и Джона Стивенса (John Stephens). (Прим. авт.)

по всей видимости, были хорошо приспособлены к тем обществам, в которых они зародились и развивались, — индустриальным обществам со стабильной структурой семьи и четким разделением труда в семье между женщиной и мужчиной. Они гарантировали безбедное существование почти каждой семье и обеспечивали высокий уровень социальной солидарности.

Начиная с 1970-х гг. ситуация коренным образом изменилась. Ряд социально-экономических процессов вызвал преобразование общества, и сегодня неспособность отца семьи получать доход на рынке труда является уже не единственным и, возможно, даже не самым значительным риском. Постиндустриальные рынки труда характеризуются более высоким неравенством в уровне заработной платы, в результате чего для работников с низкой заработной платой доступ к занятости не гарантирует безбедного существования. Нестабильность семьи, повышение количества разводов и неполных семей привели к снижению роли мужчины-кормильца и появлению новых социальных проблем, к решению которых послевоенные государства всеобщего благосостояния оказались не готовы. Выход женщин на рынок труда хотя и снизил зависимость благосостояния семьи от мужчины-кормильца, однако породил новые проблемы. В результате ориентация социальной политики переместилась с мужчины — кормильца семьи на женщин и молодежь, которые зачастую обладают более низкой профессиональной квалификацией.

Однако встает вопрос: смогли ли государства всеобщего благосостояния адаптировать свои механизмы к новым направлениям? Сравнительные исследования социальной политики показывают, что однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. Некоторые государства довольно успешно приспособились к изменившемуся характеру социальных рисков. Прежде всего это относится к странам Северной Европы, где есть развитая система мер поддержки женщин и семей в целом, где безработные имеют доступ к широкому спектру активных программ на рынке труда и где неравенство по заработной плате выросло незначительно. В то же время государства континентальной и Южной Европы не сумели переориентироваться с учетом изменившейся природы социальных рисков. В таких странах, как Италия или Германия, целью большинства мер социальной защиты по-прежнему остается замещение доходов; они рассчитаны на основных кормильцев (мужчин) и не учитывают появление новых социальных рисков, связанных с характером занятости и изменениями моделей семьи. Либеральные государства всеобщего благосостояния в конечном итоге несколько сместили акцент с мужчины-кормильца на новые группы риска, однако при этом большее внимание уделяется структуре стимулов, а не защите от новых рисков.

Цель настоящей статьи — исследовать причины различий в направлениях социальной политики, особенно между странами Северной и континентальной Европы. Почему начиная с 1970-х гг. некоторые государства всеобщего благосостояния переориентировались на защиту от новых социальных рисков, в то время как другие страны сохраняли парадигму, сформированную в ранние послевоенные годы? Различия в национальных системах социальной политики не являются новым феноменом в сравнительных социальных исследованиях, но на настоящем этапе развития интересен тот факт, что страны, наиболее продвинувшиеся в формировании социальной защиты от новых рисков, не были самыми щедрыми в области социального обеспечения среди послевоенных государств всеобщего благосостояния. Как будет показано ниже, расходы на традиционные социальные риски, связанные с индустриальным обществом, были самыми высокими в странах континентальной Европы. В отличие от преобладающего в научной литературе подхода, я полагаю, что наиболее

щедрую защиту кормильцев (мужчин) обеспечивали не государства всеобщего благосостояния стран Северной Европы, а как раз государства континентальной и Южной Европы. Создается впечатление, что щедрое послевоенное государство всеобщего благосостояния и высокий уровень защиты от новых социальных рисков — взаимно исключают, или, по крайней мере, обратно пропорциональные, понятия. Данное наблюдение противоречит доминирующим сравнительным теориям социальной политики, согласно которым расширение концепции государства всеобщего благосостояния, и сегодня, и в прошлом, — следствие растущего влияния левых сил и движений трудящихся.

Для исследования этой проблемы в данной статье вводится временной фактор анализа формирования социальной политики. По мнению П. Пирсона [Pierson, 2004], аналитики часто забывают о важности временных факторов, таких как последовательность или временное соответствие ключевых событий. В настоящей статье показано, что включение независимых временных переменных в модель формирования социальной политики повышает способность такой модели к объяснению весьма озадачивающих на первый взгляд наблюдений. В модели рассматривается ряд важных изменений, таких как социальные перемены, политическая мобилизация акторов и эффекты политической обратной связи, а также проводится временное позиционирование этих явлений. В результате выстраивается картина, которая характеризуется различной конфигурацией значимых независимых переменных для разных стран в ключевые моменты времени и которая позволяет объяснить наблюдаемые расхождения в процессах адаптации государств всеобщего благосостояния. Другими словами, страны, переживавшие постиндустриальные социальные преобразования в 1970-е гг. (страны Северной Европы, англоговорящие страны), оказались в более благоприятной ситуации для создания новой системы защиты от социальных рисков, поскольку нагрузка на социальную систему в связи со старением населения и щедрыми пенсионными обещаниями в то время была незначительной. В странах же континентальной и Южной Европы, где такие преобразования, как негарантированная занятость и нестабильность семьи, происходили с временным отставанием в 20–30 лет, наблюдался рост новых вызовов к сфере социального обеспечения при высочайшей конкуренции между ними, что оставляло узкий коридор для маневра при формировании защиты от новых социальных рисков³.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ И НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

В настоящей статье новые социальные риски понимаются как снижение благосостояния граждан в результате социально-экономических процессов, которые произошли в течение последних трех-четырёх десятилетий и которые обычно относят к явлению постиндустриализации. Наиболее значимыми из них являются деиндустриализация занятости и развитие сферы услуг (терциаризация занятости), массовое вступление женщин в сферу занятости, возросшая нестабильность семьи и появление нестандартных форм занятости. Эти тенденции по отдельности и во взаимосвязи друг с другом изменили структуры социальных рисков в западных обществах (по теме концепции новых социальных рисков см. [Bonoli, 2006; Hemerijck, 2002; Jenson, 2002;

³ Подобные аргументы приводят Э. Хьюбер и Д. Стивенс [Huber, Stephens, 2006] и В. Фарджион [Fargion, 2000]. Однако в этих исследованиях не сделано попытки эмпирического тестирования временной гипотезы.

Taylor-Gooby, 2004]. Краткая характеристика этих тенденций дана в настоящем разделе. Данные, характеризующие исследуемые социальные процессы, приводятся ниже, в разделе, посвященном количественному анализу.

Деиндустриализация и развитие сферы услуг (терциаризация занятости)

За последние годы одним из наиболее значимых источников социального риска стала деиндустриализация и ее последствия в условиях массовой безработицы в промышленности и особенно на рынках труда, где доминирует сектор услуг. Хотя за прошедшие четыре-пять десятилетий общий уровень занятости не снизился, замещение рабочих мест в промышленности рабочими местами в секторе услуг привело к безработице среди работников, ранее занятых на промышленных предприятиях, которые оказались неспособны к повторному вхождению на рынок труда в новом качестве. Главным следствием этого явления стала длительная безработица — социальный риск, практически неизвестный во время «славных тридцатых». Однако длительная безработица среди работников промышленности, возможно, не является самым значимым социальным последствием деиндустриализации, особенно потому, что она представляет собой временное явление, связанное с переходом от преимущественно индустриальной к преимущественно сервисной экономике. По мере того как когорты уволенных промышленных рабочих достигнут пенсионного возраста, этот вид безработицы постепенно сойдет на нет.

Однако спад занятости в производстве и расширение занятости в сфере услуг коренным образом изменили рынки труда, особенно для категорий низкоквалифицированных работников, производящих низкую добавленную стоимость. Такие работники всегда находились в невыигрышной ситуации. Однако в послевоенные годы они были заняты главным образом в промышленном производстве и выигрывали от повышения производительности вследствие технологического прогресса — их заработок рос соответственно росту доходов остального населения. Сильное влияние профсоюзов среди промышленных рабочих также было гарантией их трудовых доходов и безбедного существования. Сегодня низкоквалифицированные работники заняты преимущественно в секторе услуг с низкой добавленной стоимостью или являются безработными. Сферы услуг с низкой добавленной стоимостью, такие как розничная торговля, уборка, сфера общественного питания и т.д., как известно, создают незначительную основу для повышения производительности [Pierson, 1998]. В странах, где оплата труда определяется в основном рыночными механизмами (США, Великобритания, Швейцария), это означает, что низкоквалифицированным работникам угрожает серьезный риск нищенской заработной платы. Иная ситуация наблюдается в странах, где оплата труда, особенно в ее нижнем диапазоне, регулируется государством (через законодательство, устанавливающее высокий уровень минимальной заработной платы) или социальными партнерами (через систему коллективных договоров). При этих условиях обеспечивается защита заработной платы низкоквалифицированных работников, но возможности создания рабочих мест в этих секторах ограничены, поэтому многие низкоквалифицированные работники на практике остаются без работы [Iversen, Wren, 1998]. В целом слабые или устаревшие профессиональные навыки сегодня чреватые серьезным риском снижения благосостояния, который в наше время значительно выше, чем в послевоенные годы. Формируются новые социальные риски долгосрочной безработицы (для лиц с низкой квалификацией) и низкооплачиваемой занятости.

Вступление женщин на рынки труда

Очевидно, что само по себе массовое вступление женщин на рынок труда не является источником социального риска. В любом случае семейные пары с двумя работающими членами семьи лучше защищены от риска бедности. Новый риск, скорее, проистекает из противоречия между материнством и уходом за детьми с оплачиваемой занятостью. С 1970-х гг. в Северной Европе мы наблюдаем постепенное вхождение женщин, особенно замужних женщин с маленькими детьми, на рынки труда. Это означает, что типичное разделение труда в семье, характерное для «славных тридцатых», ушло в прошлое. Домашняя работа и уход за детьми, которые раньше бесплатно выполнялись домохозяйками, теперь стали удовлетворяться за счет внешних услуг со стороны либо государства, либо рынков. Во многих странах родители (чаще всего женщины) сталкиваются с серьезными проблемами в поиске адекватных способов ухода за детьми. Это является мощным источником фрустрации и может привести к значительному снижению благосостояния семьи, например, когда одному из родителей приходится работать неполную рабочую неделю из-за отсутствия соответствующих дошкольных учреждений. Однако невозможность сочетать работу и семейные обязанности может привести не только к фрустрации. С одной стороны, риск бедности у работающей пары с детьми относительно меньше, чем у семей с одним кормильцем-мужчиной [Esping-Andersen, 2002, p. 58], с другой — риск бедности у работающей пары, особенно при низких доходах, увеличивается в связи с конфликтом между работой и семейными обязанностями. Такое противоречие между работой и семейными функциями характерно прежде всего для родителей с маленькими детьми, а также для работников, имеющих на руках больных (престарелых) родственников, которые нуждаются в уходе.

Рост нестабильности семьи

Начиная с ранних послевоенных лет во многих странах резко возросла нестабильность семьи. Статистика разводов, внебрачных детей и неполных семей показывает, что семейные узы сегодня менее крепки, чем полвека назад. Как и фактор вхождения женщин на рынок труда, сама по себе нестабильность семьи не является социальным риском, но риск представляют собой последствия этого процесса. Например, во всех странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с ростом неполных семей связана большая распространенность бедности. Более того, распространенность бедности особенно высока среди одиноких родителей, не имеющих работы [Ibid, p. 37]. Для них, чтобы избежать бедности, жизненно важно сочетать работу и семейные функции. Кроме того, большинство систем социального обеспечения ориентированы на стабильные семьи, состоящие в браке, и развод часто приводит к потере социальной поддержки одним или обоими родителями. Например, в рамках пенсионных систем разведенные женщины зачастую попадают в наименее защищенную категорию.

Нестандартная занятость

Сдвиги в постиндустриальной структуре занятости привели к появлению на современных рынках труда типов (профилей) карьеры, совершенно отличающихся от стандарта «славных тридцатых» — мужчины, с молодого возраста имеющего полную постоянную занятость и получающего стабильную и растущую зарплату. Тем не менее системы социального обеспечения (и в первую очередь пенсионного), которые мы унаследовали с послевоенных

лет, все еще жестко ориентированы на традиционные представления о карьере человека на рынке труда. В большинстве западноевропейских стран пенсионное обеспечение оптимально для работников, имевших полную занятость в течение всего периода рабочего стажа. Неполная занятость, так же как и перерывы в рабочем стаже, обычно означает снижение размера пенсионных выплат. Результатом появления новых типов карьеры на рынке труда при отсутствии адаптации пенсионной системы может стать перерастание сегодняшних проблем рынка труда и низкооплачиваемой занятости в проблему бедности людей старшего поколения, которая проявится через 30–40 лет. С точки зрения индивидуального работника, отклонение от стандартного типа карьеры может привести к слабой поддержке со стороны системы социального обеспечения и, соответственно, потери благосостояния.

Характер адаптации государства всеобщего благосостояния к новым социальным рискам

Социальные риски, сформировавшиеся в течение последних двух-трех десятилетий, обычно недостаточно компенсируются социальной системой государств всеобщего благосостояния, унаследованной из послевоенных лет. В некоторых случаях, однако, модель защиты, предназначенная для помощи рабочим, занятым в промышленном производстве, оказалась вполне подходящей и для новых групп риска. Можно вспомнить, например, системы переговоров о размере заработной платы в странах Северной Европы или в Германии, которые существовали с послевоенных лет и вплоть до настоящего времени продолжают выполнять функцию защиты наименее обеспеченных работников. Соглашения по заработной плате, основанные на принципах солидарности и всеобщем охвате, предотвратили появление проблемы бедных работников в этих странах. Однако в большинстве случаев меры, направленные на защиту промышленных работников-мужчин от потери заработка, малоприспособлены в отношении большинства новых групп риска. Если государства всеобщего благосостояния и в дальнейшем хотят обеспечивать социальную стабильность, характерную для послевоенных лет, и соответствовать ожиданиям граждан, они должны адаптироваться.

В настоящем разделе автором предпринята попытка оценить, в какой степени разные страны отреагировали на появление новых социальных рисков. В целях ясности изложения я провожу разграничение между первым комплексом мер, получившим название «*меры индустриальной социальной политики*» или «*меры послевоенной социальной политики*», и вторым — «*меры в отношении новых социальных рисков*» или «*меры постиндустриальной социальной политики*». Первая группа состоит из мер, цель которых — замещение доходов наемных работников, в особенности работников, выполняющих функцию кормильцев, когда они теряют доход на рынке труда. Функциональные системы, такие как законодательство по защите занятости (защите от увольнения), также должны рассматриваться как часть индустриального государства всеобщего благосостояния. Меры в отношении новых социальных рисков, со своей стороны, обеспечивают защиту от рисков и проблем, связанных с социально-экономическими преобразованиями, описанными выше, и в целом включенных в понятие постиндустриализации. Отметим, что данная классификация относится не ко всем социальным мерам, традиционно считающимся частью государства всеобщего благосостояния, и не касается прежде всего здравоохранения, которое нельзя однозначно отнести к той или иной группе. Конечно же, со временем риски в

сфере здоровья изменились, но на способность политики в области здравоохранения обеспечивать надежную защиту от этих рисков это не повлияло. Всеобщий доступ к прогрессивным методам лечения был и остается лучшим средством защиты как от старых, так и от новых рисков в сфере здоровья. Есть также меры, которые в зависимости от их характера могут быть отнесены либо к одной группе, либо к обеим. Например, назначение пенсий по единым твердым ставкам обеспечило эффективную защиту работникам промышленности от бедности в старости и оказалось абсолютно адекватным механизмом в отношении сегодняшней нестандартной занятости. В свете вышеизложенного последующий анализ следует рассматривать как аппроксимацию, а не точное описание реальных расхождений между странами.

Однако для чего мы проводим это разграничение между двумя группами мер социальной политики? Во-первых, эти меры являются способами реагирования на различные социально-экономические преобразования. Послевоенное государство всеобщего благосостояния можно рассматривать как долгожданный ответ на огромные потрясения и социальную нестабильность, которые принесла индустриализация. Меры в отношении новых социальных рисков, наоборот, представляют собой попытки справиться с проблемами, которые практически не связаны с индустриализацией и обусловлены более поздними социальными изменениями. Во-вторых, что, может быть, еще более важно, различны целевые группы, на которые направлены эти два комплекса мер. Конечно, невозможно провести четкую границу между группами, выигрывающими от той или иной социальной системы. Однако сегодня совершенно ясно, что послевоенное государство всеобщего благосостояния направлено на защиту работников старшего поколения (в основном мужчин), в то время как от мер в отношении новых социальных рисков выигрывают главным образом женщины и более молодые люди, зачастую с низкой профессиональной квалификацией. Очевидно, что послевоенная социальная политика и социальная защита от новых рисков имеют разнонаправленные цели. В-третьих, как станет ясно из нижеследующего, в результате анализа государств всеобщего благосостояния с учетом разграничения между этими двумя социальными системами можно сделать вывод о необходимости пересмотра некоторых пространственных убеждений в отношении ранжирования государств всеобщего благосостояния по степени обеспечения защиты от социальных рисков.

Стратегия, которой я следовал при анализе социальной политики и социальной защиты от новых социальных рисков, состоит из двух этапов⁴. На первом этапе при сравнительном анализе социальной политики на основе вторичных источников я выделяю основные черты каждого комплекса мероприятий в различных режимах социального обеспечения. На втором этапе я провожу дескриптивный количественный анализ с использованием данных по социальным расходам, представленных ОЭСР.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В ПОСЛЕВОЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

В литературе по сравнительному анализу социальной политики сформировалось мнение, что наиболее развитые и щедрые системы социальной защиты характерны для социально-демократических государств всеобщего благосостоя-

⁴ Для краткости мы привели интегральные данные, более полный анализ представлен в [Huber, Stephens, 2006, p. 143–168].

ния Северной Европы [см. Castles, Mitchell, 1992; Esping-Andersen, 1990; Huber, Ragin, Stephens, 1993; Korpi, 1983; Palme, 1990]. Этот вывод делается на основе оценки совокупного эффекта мер, соответствующих индустриальному государству всеобщего благосостояния, а также мер, представляющих собой защиту от новых социальных рисков. Такой подход очевиден в основополагающей работе Г. Эспин-Андерсена [Esping-Andersen, 1990] по государствам всеобщего благосостояния: производимое автором ранжирование государств согласно обеспечиваемому ими уровню декоммодификации в значительной степени зависит от обусловленности пособий и выплат, которая ниже у социально-демократических государств всеобщего благосостояния. Выплаты по замещению доходов в государствах всеобщего благосостояния континентальной Европы столь же щедры, но обычно требуют более длительного трудового стажа. Такое различие, очевидно, очень важно для новых групп социального риска, которые наиболее защищены в социально-демократических государствах всеобщего благосостояния. В то же время данный фактор был менее значим для промышленных рабочих тридцатых годов. Полная занятость позволяла работникам без проблем выплачивать взносы, предусмотренные в рамках социальных систем государств всеобщего благосостояния континентальной Европы. Кроме того, внесение взносов и принцип уравнивания, положенные в основу социального страхования, являлись гарантией против бесплатного участия (*free riding*) со стороны других социальных групп [Baldwin, 1990; Clasen, 1997]. Это согласуется с приверженностью к системам социального страхования, которую демонстрируют профсоюзы во всей континентальной Европе, а также их требованиями, чтобы государство не использовало социальное страхование как инструмент общей социальной политики [Palier, 2002].

Если, следуя обозначенному в настоящей статье подходу, проводить разграничение между индустриальной социальной политикой и политикой защиты от новых социальных рисков, необходимо дать оценку стандартному подходу, который присутствует в литературных источниках. Меры защиты от типичных промышленных социальных рисков, по-видимому, были более развиты в государствах всеобщего благосостояния континентальной Европы (таких, как Германия, Италия или Франция), чем обычно принято считать. И не только потому, что система социального страхования особенно четко отвечала такой цели, но и потому, что промышленные работники в континентальной Европе имели дополнительные преимущества по сравнению с работниками стран Северной Европы. Первым таким преимуществом было более щедрое пенсионное обеспечение. Оно сложилось не за счет более высоких ставок замещения (которые были примерно одинаковыми в странах континентальной и Северной Европы), а за счет более раннего выхода на пенсию, как законодательно установленного, так и фактического. В 1980 г. мужчины во Франции или Италии выходили на пенсию в среднем на три года раньше, чем их коллеги в Швеции или Дании, получая при этом примерно одинаковый размер пенсий [Scherer, 2001]. В целом как законодательный, так и фактический возраст выхода на пенсию в странах континентальной Европы, по сравнению со странами Северной Европы, был на несколько лет ниже. С точки зрения промышленного рабочего, который являлся основным объектом социальной защиты индустриального государства всеобщего благосостояния, такое различие весьма значимо, о чем свидетельствует отрицательное отношение работников к повышению пенсионного возраста.

Вторым определяющим фактором стало то, что законы о защите занятости были (и остаются) значительно более строгими в странах континенталь-

ной и особенно Южной Европы. В этих странах защита работников от превратностей рынков опирается не только на программы замещения доходов, но и — в большой степени — на сохранение занятости с помощью мер, препятствующих увольнению работников работодателем [Bonoli, 2003; Whiteside, Salais, 1998]. В 1960-е гг. английский политэкономист Э. Шонфилд [Shonefield, 1964] с удивлением отметил, что во Франции работники имеют «квазиправо собственности» на свои рабочие места. По сути, в таких странах, как Италия, Франция и Германия, в целях обеспечения экономической безопасности наемных работников использовались жесткие законы по защите занятости в качестве программ замещения доходов. Такая форма защиты не включалась в анализ Г. Эспин-Андерсена [Esping-Andersen, 1990], но может рассматриваться как функциональный эквивалент декомодификации. В любом случае она была следствием требований рабочих и профсоюзов.

Если учитывать все вышеприведенные факторы, становится ясно, что в отношении степени защиты, предоставляемой промышленным рабочим, государства всеобщего благосостояния континентальной Европы были не менее развиты, чем государства Северной Европы. Они не только использовали иные средства экономической безопасности, но и более явно концентрировали свои усилия на промышленных рабочих. Такое предположение соответствует точке зрения исследователей, изучавших влияние христианской демократии на социальную политику и полагавших, что христианско-демократическая модель государства всеобщего благосостояния характеризуется щедрыми денежными пособиями, замещающими доходы по заработной плате, и недостаточно развитым сектором социальных услуг [Huber, Stephens, 2001; van Kersbergen, 1995].

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Если обратиться ко второй группе интересующих нас социальных мер (связанных с новыми социальными рисками, описанными выше), то очевидно, что в наибольшей степени продвинулись в предоставлении такой защиты страны Северной Европы [Taylor-Gooby, 2004; Timonen, 2004]. Во-первых, изначальное устройство социально-демократических государств всеобщего благосостояния, в меньшей степени опиравшееся на социальное страхование и в большей степени — на широкий охват, оказалось гораздо более приспособленным к формирующимся новым постиндустриальным моделям рынков труда и семейных отношений. В результате альянса между рабочими и фермерами в начале XX в. предпочтение было отдано социальным программам (например, пенсионным), финансируемым из государственного бюджета и не предполагающим взносов [Baldwin, 1990; Ferrera, 1993]. И так случилось, что именно эти программы вполне соответствуют новым нестандартным формам карьеры, появившимся в последние два-три десятилетия. Во-вторых, послевоенные системы, основанные на централизованных переговорах по заработной плате и на активной политике на рынке труда [так называемая модель Рехна и Мейднера (Rehn — Meidner model)] и разработанные с целью социальной защиты промышленных рабочих, оказались крайне полезными для защиты работников постиндустриальной сферы услуг от низкооплачиваемой занятости, предотвращения длительной безработицы и социальной изоляции [Benner, Vad, 2000; Rueda, Pontusson, 2000]. Таким образом, социально-демократические послевоенные государства всеобщего

благополучия, хотя и строились в расчете на промышленных рабочих, уже имели некоторые черты, благодаря которым они могли применяться для защиты от новых социальных рисков, появившихся в последующие годы.

Однако более высокий уровень защиты от новых социальных рисков, предоставляемый социально-демократическими государствами всеобщего благополучия, не может быть объяснен только институциональной основой. Такие страны, как Швеция или Дания, смогли учесть изменения в социально-экономической сфере, происходившие с 1970-х гг., и переориентировать соответствующим образом свою социальную политику. Ярким примером является социальная политика в отношении женщин. Начиная с середины 1960-х гг. различий по показателям женской занятости между странами Северной и континентальной Европы практически не наблюдается. В 1965 г. уровень женской занятости составил 53% в Швеции и 49% в Дании в сравнении с 52% в Швейцарии, 49% в Германии и Великобритании и 42% в США [OECD, 2004c]. В Швеции сложилась система предоставления услуг по уходу за детьми; однако это делалось в контексте борьбы с бедностью, а не для того, чтобы обеспечить возможность сочетания занятости с семейными обязанностями [Morel, 2001]. По сути, развитие широкой сети детских учреждений и другие меры по поддержке занятости женщины (матери) последовали за расширением женской занятости, а не предшествовали ей [Leira, 199]. Как и в значительной части стран континентальной Европы сегодня, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в странах Северной Европы работающим матерям в основном приходилось «крутиться» и рассчитывать на неформальную помощь [Leira, Tobio, Trifiletti, 2004; Naumann, 2001]. Переориентация государств всеобщего благополучия Северной Европы началась в 1970-х гг. В 1971 г. в Швеции было введено индивидуальное налогообложение, в 1973 г. был принят первый закон о дошкольном образовании и в 1974-м — закон об отпуске по уходу за ребенком. В Норвегии закон о социальном обеспечении детей был принят в 1975 г.

В странах континентальной Европы и Великобритании ситуация развивалась по-иному. До конца 1980-х гг. женская занятость оставалась стабильной на уровне около 50%, после чего этот показатель начал расти. По сути, женская занятость в странах континентальной и Южной Европы следовала модели североевропейских стран с отставанием в два-три десятилетия. Так, в Швеции в 1972 г. она достигла 60%. Тот же уровень был достигнут в Швейцарии в 1988 г., в Великобритании в 1989 г., в Нидерландах в 1990 г. и в Австрии в 2002 г. В других странах континентальной Европы в течение последнего десятилетия также наблюдалось резкое повышение занятости женщин (примерно на 6 процентных пунктов), однако эти показатели не превышали 60%. В 2003 г. уровень занятости женщин в Германии составил 59%, во Франции — 56% и в Италии — 43% [OECD, 2004a]. В последних трех странах несколько более низкие показатели занятости женщин объясняются высоким уровнем безработицы и низким уровнем занятости (мужской и женской) среди работников старшего возраста. Социальные изменения, вызываемые появлением новых рисков и новых потребностей, очевидно, происходили в разных странах различными темпами. Можно ли сказать то же самое относительно содержания социальной политики? Является ли ее переориентация в Голландии, Швейцарии или Германии только вопросом времени?

Сравнительные исследования по социальной политике показывают, что это не так. Широкий анализ тенденций в социальной политике и политике занятости разных стран, проведенный В. Шарпфом и В. Шмидт [Scharpf and Schmidt, 2000], выявил, что в таких странах, как Италия, Германия, Швейцария

или Австрия, практически не ведется разработка каких-либо широкомащштабных социальных мер в ответ на рост занятости женщин на рынке труда. Состоялись некоторые реформы, часто путем политического обмена или стратегии «превращения недостатков в достоинства» [Levy, 1999]; однако 2000-е гг. в Германии или Италии, очевидно, не схожи с 1980-ми в Швеции или Дании, хотя спрос на услуги детских учреждений может навести на эту мысль. В 1980 г. в Дании и Швеции на услуги семье (в основном услуги по уходу за детьми) тратилось 1,8% и 2,2% ВВП соответственно, в то время как в 2001 г. в Германии и Италии эти расходы составили 1,1% и 0,5% соответственно [OECD, 2004b]. Такой же аргумент можно привести и в отношении иных сфер социальной политики, в частности активных мер на рынке труда, которые имеют особое значение для лиц, находящихся в зоне новых социальных рисков.

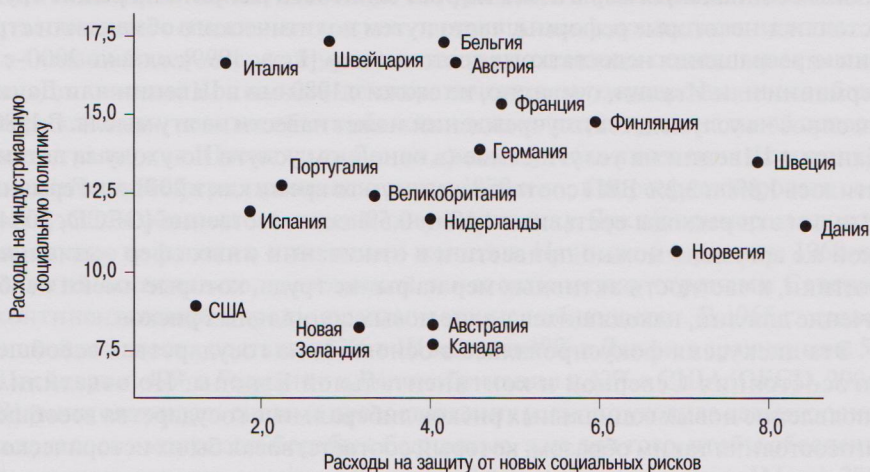
Эта дискуссия фокусировалась в основном на государствах всеобщего благосостояния Северной и континентальной Европы. Но ответили ли на появление новых социальных рисков либеральные государства всеобщего благосостояния таким образом, который соответствовал бы их историческому предпочтению рыночных решений и при котором вмешательство государства уместно только тогда, когда рынок со всей очевидностью не справляется сам? Изменения в требованиях работодателей к профессиональной квалификации работников привели к корректировке заработной платы в сторону ее снижения для низкоквалифицированных работников, что во многих англоговорящих странах, как хорошо известно, привело к росту неравенства [Förster, Pearson, 2002]. Подобным же образом рынки обеспечили необходимые услуги и женщинам в связи с их занятостью на рынке труда. Такая реакция была более явной в США, где низкие ставки оплаты персонала по уходу за детьми содействовали развитию этого сектора.

РАСХОДЫ НА ЗАЩИТУ ОТ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ И НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

Одним из наиболее доступных и широко применяемых показателей в сравнительном анализе социальной политики является доля социальных расходов в ВВП. Однако многие исследователи сомневаются в надежности этого показателя, поскольку его величина зависит от знаменателя (ВВП): он чувствителен к изменениям числа бенефициариев и ничего не говорит о характере использования денежных средств [Esping-Andersen, 1990; Siegel, 2000]. И все же этот показатель дает первую приближительную оценку степени развитости мер в каких-либо социальных сферах в разных странах. Другим его преимуществом является простота. Таким образом, анализ доли расходов на социальные мероприятия по защите от индустриальных и новых рисков в ВВП может служить дополнительной характеристикой представленной выше картины, предлагая более синтетичный подход.

На *рис. 1* показаны различные виды социальных расходов в сравнении либо с мерами индустриальной социальной политики, либо с мерами защиты от новых социальных рисков, которые были классифицированы на основе приведенных выше определений. С одной стороны, меры, направленные прежде всего на замещение доходов отца семьи в условиях полной занятости, рассматриваются как меры индустриальной социальной политики. Они включают пособия по старости, пособия лицам по потере кормильца, пособия по нетрудоспособности и пособия по безработице. С другой стороны, меры,

Рисунок 1. Доля расходов на защиту от индустриальных и новых социальных рисков в странах ОЭСР в ВВП, средние величины за 5 лет (1997–2001 гг.)



Примечание: Вторичные расчеты по данным ОЭСР [OECD, 2004b].

направленные на защиту от постиндустриальных экономических тенденций на рынке труда либо индивидуумов, либо их семей, рассматриваются как меры в рамках политики защиты от новых социальных рисков. Они включают расходы на семью (денежные выплаты и услуги), активную политику на рынке труда, поддержку пожилых⁵ и социальную поддержку (денежные пособия и услуги). Такое разграничение весьма приблизительно и отчасти диктуется структурой данных по социальным расходам в статистике ОЭСР. В то же время оно соответствует определениям, используемым в настоящей статье, как с точки зрения рисков, так и с точки зрения социальных групп, являющихся для тех или иных мер целевыми.

Распределение стран по действиям, предпринимаемым по защите от индустриальных и новых социальных рисков, отражает комментарии, приведенные выше, в разделе, посвященном описанию типов социальной политики. Интересно, что страны группируются по типу социальной системы, но не тем образом, который можно было ожидать на основе декоммодификационного анализа Г. Эспин-Андерсена [Esping-Andersen, 1990]. Что касается индустриальной социальной политики, то наиболее эффективные действия в этом направлении предпринимаются именно в странах континентальной Европы, особенно в Италии, Швейцарии, Австрии и Бельгии — четырех типично консервативных государствах всеобщего благосостояния. В сфере же политики защиты от новых социальных рисков лидерами однозначно являются североевропейские страны, особенно Швеция, Дания и Норвегия. Либеральные государства всеобщего благосостояния, в свою очередь, попадают в нижний левый квадрант графика, и это означает, что в этих странах предпринимаются весьма скромные усилия в рамках той или иной политики.

⁵ Учет услуг для пожилых людей в ряду мер защиты от новых социальных рисков отражает тот факт, что во многих случаях от таких мер выигрывают не столько сами нетрудоспособные старики, сколько их дети, особенно дочери. В отсутствие государственных или рыночных услуг по уходу члены семьи при возможности сами предоставляют неформальные услуги такого рода. Напротив, услуги в связи с утратой трудоспособности отнесены к мерам защиты от индустриальных рисков. Такие услуги включают реабилитацию, направленную на возвращение нетрудоспособных работников на рынок труда.

Конечно, и внутри данных трех кластеров имеются расхождения: Франция и Германия сформировали лучшую защиту от новых социальных рисков, чем другие страны континентальной Европы; Великобритания, которая является, по-видимому, наименее либеральным из государств всеобщего благосостояния, в данной классификации оказывается вместе со странами континентальной Европы в нижней части списка по действиям, предпринимаемым для компенсации индустриальных социальных рисков.

Специальный анализ социальной защиты от индустриальных и новых рисков и основанная на нем группировка стран, представленная на *рис. 1*, позволяют разрешить вопрос, который ставит современная литература по сравнительному анализу социальной политики. Анализ, не выделяющий эти два типа социальной политики, не учитывает и существенных различий в факторах, влияющих на формирование политики по защите от индустриальных и новых социальных рисков. Но, как видно из распределения стран на *рис. 1*, эти различия имеют место. Факторы, способствующие развитию щедрых индустриальных государств всеобщего благосостояния, не могут одновременно способствовать развитию мер защиты от новых социальных рисков. Иначе было бы невозможно объяснить расхождение между ситуацией в странах континентальной и Северной Европы, которое явно наблюдается на рисунке.

ОБЪЯСНЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЯХ

В настоящем разделе обсуждаются три гипотезы, которые могут объяснить характер межстрановых различий, наблюдаемых на *рис. 1*: различные роли, выполняемые социал-демократическими и христианско-демократическими партиями в развитии послевоенных государств всеобщего благосостояния, изменение функций и способности послевоенных государств всеобщего благосостояния к адаптации и динамике наиболее значимых социально-экономических процессов.

Христианская демократия в сравнении с социал-демократией

Как было показано в ряде исследований, социал-демократия была не единственной политической силой, которая определяла развитие государства всеобщего благосостояния. Христианско-демократические партии также играли значимую роль [Huber, Stephens, 2001; van Kersbergen, 1995]. Однако созданные христианскими демократами государства всеобщего благосостояния в меньшей степени предпочитали модели перераспределительного характера, что соответствует межклассовому характеру этих партий, и делали меньший акцент на услуги, особенно услуги, замещавшие домашние обязанности, такие как уход за детьми. Эти особенности объясняются связью с католической социальной доктриной, субсидиарностью и ориентацией на традиционную структуру семьи с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой [Huber, Stephens, 2001].

Такое объяснение кажется убедительным, тем не менее остается ряд вопросов. Во-первых, не учитывается тот факт, что постиндустриальные социально-экономические тенденции, которые привели к переориентации государств всеобщего благосостояния Северной Европы, в 1970-х гг. в этих странах были гораздо более развитыми, чем в континентальной и Южной Европе. В определенной степени это можно объяснить распространенностью в этих странах католицизма, который сдерживал стремление женщин на рынок

труда. Идеология социального партнерства, которую поддерживали христианские демократы, возможно, также сдерживала в этих странах реструктуризацию промышленности и повлияла на последующее сокращение занятости в промышленности. Роль христианской демократии в меньшей степени объясняется идеологическими взглядами христианских демократов и в большей степени тем влиянием, которое имел католицизм на важнейшие социально-экономические процессы того времени. Во-вторых, ослабление христианской демократии в прошлом десятилетии почти во всех западноевропейских странах, в которых христианско-демократические партии были некогда основными, не расчистило путь для широкого развития защиты от новых социальных рисков. В течение прошедшего десятилетия христианские демократы теряли свои традиционно сильные позиции в правительствах Германии, Италии, Нидерландов, Бельгии и Швейцарии. И все же в этих странах модели защиты от новых социальных рисков не стали расти как грибы. В-третьих, по мнению Э. Хьюбер и Д. Стивенса [Ibid, p. 41–44], антипатия христиан-демократов к социальным услугам особенно сильна в области услуг, замещающих семейные обязанности, и не столь значима в сфере образования и здравоохранения. Но есть и другие сферы защиты от новых социальных рисков (такие, как активная политика на рынке труда), которые могут отлично удовлетворять избирателей, не относящихся к рабочему классу. Содействие возврату на рынок труда, конечно же, более привлекательно, чем пассивная компенсация безработицы для избирателей среднего класса, составляющих значительную часть электората христиан-демократов. И все же активная политика на рынке труда, так же как и иные меры защиты от новых социальных рисков, недостаточно развита в государствах всеобщего благосостояния континентальной Европы.

Таким образом, идеологические взгляды христиан-демократов противостоят некоторым мерам по защите от новых социальных рисков, но это вряд ли может служить единственным объяснением расхождения национальных траекторий развития, описанных выше.

Институциональные предпосылки

Как было показано выше, в послевоенные годы все западноевропейские страны создали комплексные системы социальной защиты и регулирования рынков труда, призванные обезопасить население от основных традиционных социальных рисков. Однако для достижения этих целей использовались различные методы. В некоторых странах вмешательство государства было ограничено схемами перераспределения (Великобритания), в других — государства вмешивались в процесс функционирования рынков труда для проведения социальной политики либо через законодательство (Франция, Италия), либо через коллективные соглашения (Германия, североевропейские страны) [Bonoli, 2003; Whiteside, Salais, 1998].

Эти инструменты в большей или меньшей степени были приспособлены к новым социальным потребностям, связанным с переходом к постиндустриальному обществу. Так, в частности, произошло в странах Северной Европы, где социальные трансформации, вызванные появлением новых социальных рисков, не привели к возникновению массовых социальных проблем. По сути, риски, связанные с занятостью в сфере услуг (низкая заработная плата, незащищенность) и с изменениями в структуре семьи (совмещение работы и семейных обязанностей), в ряде случаев были уже адекватно учтены программами, которые получили развитие в рамках послевоенных государств

всеобщего благосостояния, иногда с изначально иными целями. Это имело место в Швеции (и в определенной степени в других североевропейских странах), где в 1950-х гг. был сформирован режим занятости, основанный на эгалитарной системе коллективных договоров по заработной плате и на активной политике в области рынка труда — уже упоминавшаяся модель Рехна и Мейднера (Rehn — Meidner model).

Значение старых институтов велико и потому, что они так или иначе всегда могут адаптироваться. Д. Клазен и Д. Клегг [Clasen, Clegg, 2006, p. 192–210] показали, что включение активных элементов в политику занятости политически более оправданно в странах, где правительства в той или иной степени непосредственно контролируют эти меры — Дании и Великобритании. И наоборот, в Германии и Франции, где страхование по безработице осуществляется социальными партнерами, включение активных элементов оказалось значительно более сложным. Французская система дошкольного образования (*école maternelle*) является часто приводимым примером институтов, которые существуют долгое время и могут адаптироваться к новым потребностям. Дошкольные учреждения были впервые введены в конце XIX столетия в условиях имевшей место в тот период борьбы между республиканцами и католиками за контроль над системой образования. Сегодня благодаря различным формам адаптации, таким как изменение времени начала работы, *école maternelle* представляет собой очень популярный и широко используемый институт дошкольного воспитания детей от 3 до 6 лет [Morgan, 2001].

Получается, что выбор тех или иных мер, который в каждом конкретном случае делали основатели послевоенных государств всеобщего благосостояния, повлиял на степень охвата новых социальных рисков. В некоторых странах, например в Северной Европе, связанные с занятостью новые социальные риски могут даже не восприниматься как таковые, поскольку их появление де-факто предвосхищалось в рамках существующей политики. Однако такие ситуации редки. В большинстве случаев эффективная защита от новых социальных рисков требует формирования новой политики или радикальной переориентации уже существующих.

Временной анализ

Как отмечалось выше, тенденции, повлиявшие на появление новых социальных рисков, развивались в разных странах и регионах различными темпами. В целом Северная Европа и некоторые англоговорящие страны (США, Великобритания и Канада) были первой группой стран, вступивших в постиндустриальную эру в 1970-х гг. За ними примерно на десятилетие позже последовала континентальная Европа, а Южная присоединились еще позже. В данной статье излагается гипотеза, что временные различия в протекании важнейших постиндустриальных социально-экономических явлений не только порождают феномен догоняющих процессов, но и могут привести к формированию постоянных различий в политике защиты от новых социальных рисков.

Это предположение основано на следующем доводе. В странах, относительно рано вступивших в постиндустриальную стадию, новые потребности, порождаемые происходящими социальными трансформациями, сталкивались с относительно низкой конкуренцией. Люди, оказавшиеся под угрозой новых социальных рисков, вынуждены были бороться на политической арене за большую защиту от этих рисков, но они могли рассчитывать на широкую поддержку тех акторов, которые обычно выступают за расширение системы

социального обеспечения, — левых сил и профсоюзов. В то же время в странах, в которых постиндустриальные общества начали развиваться позже, требования защиты от новых социальных рисков сталкиваются с сильной конкуренцией со стороны необходимости сохранения, несмотря на старение населения, текущего уровня социальной защиты, который давало индустриальное государство всеобщего благосостояния. На это нужны огромные ресурсы, но такая позиция может рассчитывать на значительную поддержку населения, в то время как группы, сталкивающиеся с новыми социальными рисками, политически слабы с точки зрения участия как в ключевых демократических политических институтах, так и в выборах [Bonoli, 2005; Norris, 2002]. Одним из последствий дисбаланса сил между старыми и новыми группами социального риска является тот факт, что политические акторы, заинтересованные в получении максимального числа голосов избирателей, однозначно делают ставку на защиту индустриального государства всеобщего благосостояния, а не на развитие новых мер социальной политики. Демографические тенденции и различия в возрастных группах таковы, что для политиков, стремящихся привлечь максимум избирателей, выгодно играть роль защитников пенсионной системы, а не борцов за обеспечение детских учреждений, низкого подоходного налога либо активной политики на рынке труда.

Противоречивые и конкурентные требования к различным мерам социальной политики действуют во всем политическом диапазоне, но могут иметь особенно сильное влияние на традиционные избирательные сектора, которые выступают за системы социального обеспечения, такие как левые избиратели и партии, а также рабочее движение. Это видно на примере усиливающегося раскола между модернизаторами и традиционалистами в рядах левых сил в большинстве стран континентальной Европы⁶. Такой раскол снижает шансы на развитие системы защиты от новых социальных рисков, особенно потому, что левые политики находятся в той же системе мотиваций, что и все остальные, и поэтому, скорее всего, если придется выбирать, выберут путь социальной защиты индустриального государства всеобщего благосостояния.

В этой системе аргументации критически важен временной фактор. Шансы стран Европы переориентировать свою социальную политику так, чтобы ответить на изменения социально-экономических условий, зависят от того, как важнейшие социально-экономические тенденции будут вписываться в существующую систему государств всеобщего благосостояния во времени. Этими важнейшими процессами являются постиндустриализация и рост социальных расходов индустриальной политики всеобщего благосостояния в связи с совокупным влиянием демографического процесса старения населения и щедрых пенсионных обещаний. Чтобы государство всеобщего благосостояния могло успешно переориентироваться, эти два процесса не должны происходить одновременно.

Проверка данной гипотезы отнюдь не простая задача и требует применения специфических методов анализа, далеких от общепринятой методологии сравнительных исследований социальной политики, но способных дать интересные результаты. Для начала следует решить, каким образом охарактеризовать страны с точки зрения степени развития на определенный момент времени различных постиндустриальных социально-экономических тенденций. В *таблице* представлено решение этой задачи с использованием

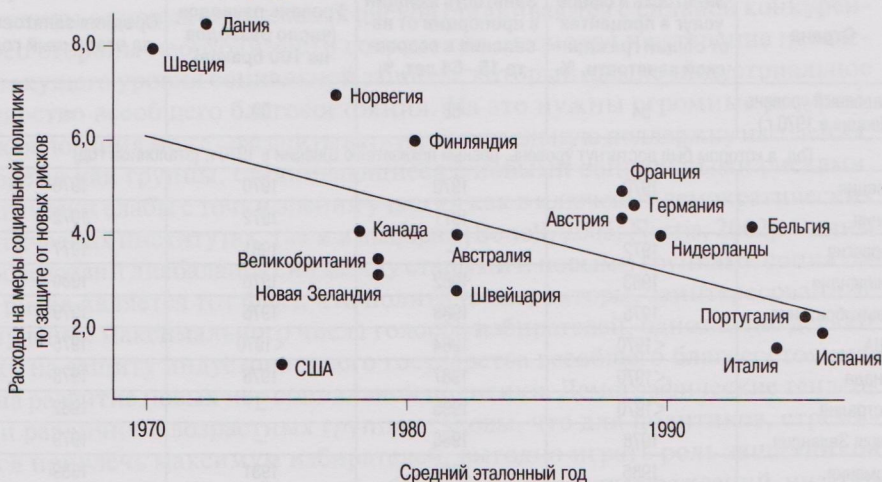
⁶ См., например, борьбу в рядах Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) по вопросам социально-экономической политики [Hering, 2004] или раскол в Италии между левоцентристами и коммунистической партией [Ferrera, Gualmini, 2000].

Таблица. Временное соотношение важнейших постиндустриальных процессов в 18 странах ОЭСР

Страна	Занятость в сфере услуг в процентах от общей гражданской занятости, %	Занятость женщин в пропорции от населения в возрасте 15–64 лет, %	Уровень разводов (число разводов на 100 браков)	Средняя занятость за эталонный год
Эталонный уровень (Швеция в 1970 г.)	54	58	30	–
Год, в котором был достигнут уровень, равный показателю Швеции в 1970 г. (эталонный год)				
Швеция	1970	1970	1970	1970
Дания	–	1971	1972	1972
Норвегия	1972	–	1981	1977
Финляндия	1983	1982	1976	1980
Великобритания	1975	1988	1975	1979
США	<1970	1984	<1970	1975
Канада	<1970	1987	1978	1978
Австралия	<1970	1995	–	1982
Новая Зеландия	1978	1988	–	1979
Германия	1986	2001	1981	1989
Франция	1978	>2003	1982	1988
Нидерланды	–	1998	1981	1990
Швейцария	1980	1987	1980	1982
Бельгия	–	>2003	1984	1993
Австрия	1988	1994	1982	1988
Италия	1985	>2003	>2003	1994
Испания	1989	>2003	>2003	1996
Португалия	1992	1990	>2003	1995

в качестве эталона социально-экономических показателей Швеции в 1970 г. Как отмечалось выше, 1970 г. — начало переориентации шведского государства всеобщего благосостояния. Такой выбор эталона в значительной степени произволен, но он дает нам критерий, который можно использовать при сравнении всех стран (критерии часто выбираются произвольно, значимыми же являются относительные отклонения). Далее, для всех стран ОЭСР, по которым имеются достаточно длительные временные ряды данных, фиксируется год, в который был достигнут эталонный уровень (т.е. уровень Швеции в 1970 г.). Для обобщения динамики трех социально-экономических факторов — деиндустриализации, роста женской занятости и нестабильности семьи — для каждой страны рассчитан средний эталонный год (округленное среднее от трех лет, в которые был достигнут эталонный уровень по каждому из этих параметров). Средний эталонный год не следует понимать как попытку точно определить момент, в который общество данной страны становится постиндустриальным. Он просто показывает относительную степень развития в разных странах тех социальных тенденций, которые, как было отмечено выше, влияют на формирование новых социальных рисков. В некоторых странах шведский уровень 1970 г. был достигнут ранее 1970 г. В широком смысле это соотношение отражает степень развития системы защиты от новых социальных рисков, как было сказано выше. Североевропейские страны, раньше других вступившие в фазу постиндустриализации, имеют наиболее развитые системы защиты от этих рисков. За ними следуют страны континентальной Европы, которые достигли шведского уровня постиндустриализации в конце 1980-х гг., и далее — южно-европейские страны. Однако англоязычные страны, по-видимому, не впи-

Рисунок 2. Взаимосвязь между средним эталонным годом и расходами на меры социальной политики по защите от новых рисков, средние показатели за 1997–2001 гг.



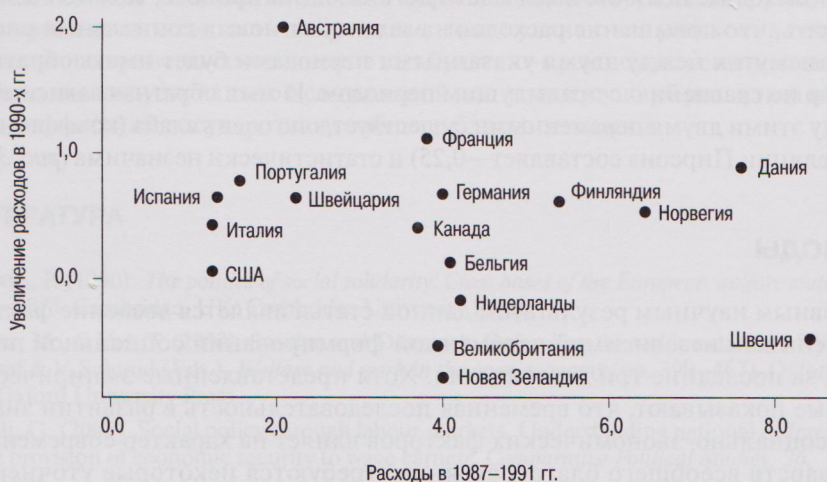
Примечание: Подробные данные см. в табл. и на рис. 1.

сываются в эту схему. В этих странах социально-экономические изменения постиндустриального характера происходили быстро, но не сопровождалось развитием системы защиты от новых социальных рисков; впрочем, в этих странах отсутствуют и системы социальной политики «всеобщего благосостояния», аналогичные созданным в послевоенный период в континентальной Европе и Скандинавии. Наблюдаются различия и внутри групп стран. Например, Финляндия оказалась отстающей в группе скандинавских стран, равно как Австралия и Новая Зеландия — в группе англоязычных стран.

Простой статистический анализ показывает, что рассчитанный выше средний эталонный год связан с уровнем расходов на меры защиты от новых социальных рисков, как это показано на рис. 2. Две переменные явно взаимосвязаны, коэффициент корреляции Пирсона составляет $-0,57$ при одностороннем уровне значимости $0,01$. Связь становится еще заметнее, если внимание к новым социальным рискам, оцениваемое как доля социальных расходов по защите от них, рассматривается как зависимая переменная (коэффициент Пирсона достигает $-0,64$; график не приводится). Это позволяет предположить, что в странах, менее склонных к решению социальных проблем за счет государства (а это в первую очередь англоязычные страны), также наблюдается связь между временной последовательностью в социально-экономическом развитии и развитием мер социальной политики по защите от новых рисков, но в контексте более низких социальных расходов.

Представленная в настоящей статье гипотеза взаимоувязывает расходы на системы защиты от индустриальных и от постиндустриальных социальных рисков. Однако между этими двумя функциями нет однозначной отрицательной связи (см. рис. 1). Почему? Дело в том, что взаимоувязка асимметрична. Высокие уровни расходов на индустриальную социальную политику препятствуют формированию защиты от новых социальных рисков, в то время как высокие расходы на защиту от новых социальных рисков не препятствуют продолжающемуся росту расходов на индустриальную социальную политику. По сути, последние зависят не столько от политических решений, сколько

Рисунок 3. Рост расходов на меры социальной политики по защите от новых рисков в 1990-х гг. и в связи с объемом расходов в 1987–1991 гг.



Примечание: Более подробная информация приведена на рис. 2. Увеличение расходов на меры социальной политики по защите от новых рисков в 1990-х гг.: разница между средним уровнем расходов в 1987–1991 и 1997–2001 гг.

от неизбежных процессов, таких как старение населения и совершенствование программ социальной поддержки. В результате страны, в прошлом создавшие обширную систему защиты от новых социальных рисков, будут продолжать наращивать и социальные расходы по индустриальной социальной политике. Средний эталонный год положительно, но не значимо связан с расходами на промышленную социальную политику (коэффициент корреляции Пирсона составляет 0,46).

Эти выводы соответствуют вышеизложенной гипотезе временного анализа. Но нет ли им иного, более простого объяснения — например, отсылающего к различиям во времени возникновения новых рисков и к продолжительности периода адаптации социально-политической системы к новым потребностям? Страны, где раньше проявилась вся острота проблем постиндустриального развития, имели в своем распоряжении больше времени на адаптацию и в результате сегодня располагают более развитыми системами защиты от новых рисков. Эта упрощенная гипотеза предполагает, что видимые расхождения между западными государствами всеобщего благосостояния объясняются фактором времени и что в дальнейшем такие страны, как Италия, Германия и Швейцария, разработают адекватные меры, сопоставимые с существующими сейчас в скандинавских странах. Но с учетом имеющихся и прогнозируемых бюджетных ограничений в странах Южной и континентальной Европы этот сценарий выглядит крайне маловероятным. Кроме того, как и все объяснения, которые строятся только на остроте проблем, эта гипотеза не слишком убедительна теоретически и противоречит сравнительным исследованиям в сфере социальной политики в течение трех десятилетий, указывающим на отсутствие прямой связи между остротой проблемы и политическими решениями. И наконец, на эмпирическом уровне это простое объяснение предполагает, что страны, позднее вступившие в эпоху постиндустриализации, сейчас должны пытаться догнать скандинавские страны, наращивая инвестиции в защиту от новых социальных рисков. Однако, как показывает сравнение расходов на защиту

от новых социальных рисков за два периода (1987–1991 и 1997–2001 гг.), этого не происходит. Если бы имел место догоняющий процесс, можно было бы ожидать, что повышение расходов на защиту от новых социальных рисков в промежуток между двумя указанными периодами будет иметь обратный вектор по сравнению с предыдущим периодом. И хотя обратная зависимость между этими двумя переменными существует, она очень слаба (коэффициент корреляции Пирсона составляет $-0,25$) и статистически незначима (рис. 3).

ВЫВОДЫ

Основным научным результатом данной статьи является введение фактора времени как независимой переменной формирования социальной политики за последние три десятилетия. Хотя представленные эмпирические данные показывают, что временная последовательность в развитии значимых социально-экономических факторов влияет на характер современных государств всеобщего благосостояния, требуются некоторые уточнения. Во-первых, такое объяснение должно рассматриваться не как альтернатива популярным теориям развития государств всеобщего благосостояния, а как дополнение к ним. В данном исследовании не опровергается роль таких независимых переменных, как политические ресурсы рабочего класса, сила левых партий либо различия в конституционном устройстве. Как видно на рис. 2, значительная часть дисперсии зависимой переменной остается необъясненной. В частности, в англоязычных странах, особенно в США, слабо развиты меры социальной политики по защите от обоих типов рисков (индустриальных и новых), что объясняется слабостью левых сил в этих странах. Другим фактором, влияющим на развитость мер по защите от новых социальных рисков, могут оказаться межстрановые различия в политической активности женщин [Huber, Stephens, p. 143–168]. Во-вторых, требуется более детальная проверка гипотезы временного соотношения, что можно сделать, используя анализ объединенных временных рядов для переменных с запаздыванием (лагом). В идеальном случае гипотезу следует протестировать на многомерных моделях, включающих и другие переменные, которые рассматриваются в литературе в качестве значимых для объяснения различий в развитии государств всеобщего благосостояния, что выходит за пределы настоящей статьи. В данной статье также предпринята попытка разработки методики интеграции временного фактора в политический анализ. Следуя призыву П. Пирсона [Pierson, 2004] учитывать временные факторы протекания социальных и политических процессов, автор настоящей статьи предложил относительно простой способ, с помощью которого эти временные факторы (такие, как последовательность и продолжительность определенных тенденций и событий либо различия в их скорости) могут быть эмпирически интегрированы в политический анализ. Временные переменные в дальнейшем анализе могут уточняться и включаться в статистические модели анализа политики, предоставляя возможность дальнейшей проверки гипотезы о значимости временного фактора.

Наконец, содержательный вывод данной статьи не позволяет надеяться на улучшение положения тех, кому угрожают новые социальные риски в странах континентальной и Южной Европы. Эти страны упустили «окно возможностей» для переориентации политики всеобщего благосостояния на защиту от новых рисков. В ближайшие два-три десятилетия в связи со ста-

рением населения процесс формирования новой социальной политики будет осложняться. И хотя политическая борьба за качество жизни групп, подверженных новым социальным рискам, может увенчаться успехом, в течение длительного времени соотношение сил будет по-прежнему смещено в пользу сохранения индустриальной социальной политики в ущерб развитию новой версии политики государства всеобщего благосостояния.

ЛИТЕРАТУРА

- Baldwin, P. (1990). *The politics of social solidarity. Class bases of the European welfare state 1875–1975*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Benner, M., & Vad, T. (2000). Sweden and Denmark: Defending the welfare state. In F.W. Scharpf & V. Schmid (Eds.), *Welfare and work in the open economy* (pp. 399–467). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Bonoli, G. (2003). Social policy through labour markets. Understanding national differences in the provision of economic security to wage earners. *Comparative Political Studies*, 36, 983–1006.
- Bonoli, G. (2005). The politics of the new social policies. Providing coverage against new social risks in mature welfare states. *Policy and Politics*, 33, 431–450.
- Bonoli, G. (in press). New social risks and the politics of postindustrial social policies. In K. Armingeon & G. Bonoli (Eds.), *The politics of postindustrial welfare states*. London: Routledge.
- Castles, F.G., & Mitchell, D. (1992). Identifying welfare state regimes: The links between politics, instruments and outcomes. *Governance: An International Journal of Policy and Administration*, 5 (1), 1–26.
- Clasen, J. (1997). *Social insurance in Europe*. Bristol, UK: Policy Press.
- Clasen, J., & Clegg, D. (in press). New labour market risks and the revision of unemployment protection systems in Europe. In K. Armingeon & G. Bonoli (Eds.), *The politics of postindustrial welfare states*. London: Routledge.
- Esping-Andersen, G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge, UK: Polity.
- Esping-Andersen, G. (2002). *Why we need a new welfare state*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Fargion, V. (2000). Timing and the development of social care services in Europe. *West European Politics*, 23 (2), 59–88.
- Ferrera, M. (1993). *Modelli di solidarietà. Politica e riforme sociali nelle democrazie* [Models of solidarity. Social policy and reform in democratic countries]. Bologna, Italy: Il Mulino.
- Ferrera, M., & Gualmini, E. (2000). Italy: Rescue from without? In F. W. Scharpf & V.A. Schmidt (Eds.), *Welfare and work in the open economy* (pp. 351–398). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Förster, M., & Pearson, M. (2002). Income distribution and poverty in the OECD area: Trends and driving forces. *OECD Economic Studies*, 34, 7–38.
- Hemerijck, A. (2002). The self-transformation of the European social model(s). In G. Esping-Andersen (Ed.), *Why we need a new welfare state* (pp. 173–214). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Hering, M. (2004). Turning ideas into policies: Implementing modern Social Democratic thinking in Germany's pension policy. In G. Bonoli & M. Powell (Eds.), *Social Democratic party policies in contemporary Europe* (pp. 102–122). London: Routledge.
- Huber, E., Ragin, C., & Stephens, J. D. (1993). Social democracy, Christian democracy, constitutional structure, and the welfare state. *American Journal of Sociology*, 99, 711–749.
- Huber, E., & Stephens, J. (2001). *Development and crisis of the welfare state. Parties and policies in the global markets*. Chicago: University of Chicago Press.
- Huber, E., & Stephens, J. (in press). Combatting old and new social risks. In K. Armingeon & G. Bonoli (Eds.), *The politics of postindustrial welfare states*. London: Routledge.

- Iversen, T., & Wren, A. (1998). Equality, employment, and budgetary restraint. The trilemma of the service economy. *World Politics*, 50, 507–546.
- Jenson, J. (2002, August). *From Ford to Lego: Redesigning welfare regimes*. Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association, Boston.
- Korpi, W. (1983). *The democratic class struggle*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Leira, A. (1992). *Welfare states and working mothers. The Scandinavian experience*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Leira, A., Tobio, C., & Trifiletti, R. (2004). *Kinship and informal support as resources for the first generation of working mothers in Norway, Italy and Spain*. Unpublished manuscript.
- Levy, J. (1999). Vice into virtue? Progressive politics and welfare reform in continental Europe. *Politics and Society*, 27, 239–273.
- Morel, N. (2001). Politique sociale et égalité entre les sexes en Suède [Social policy and gender equality in Sweden]. *Recherches et Prévisions*, 64, 65–79.
- Morgan, K. (2001, August). *Conservative parties and working women in France*. Presented at the Annual Meeting of the APSA, San Francisco.
- Naumann, I. (2001, July). *The politics of child care: Swedish women's mobilisation for public child care in the 1960s and 1970s*. Presented at the ECSR Summer School on Family, Gender and Social Stratification, Stockholm.
- Norris, P. (2002). *Democratic phoenix. Reinventing political activism*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (2004a). *Employment outlook*. Paris: Author.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (2004b). *Social expenditure database (SOCX)*. Paris: Author.
- Organisation for Economic Co-operation and Development. (2004c). *Statistical compendium [CD-ROM]*. Paris: Author.
- Palier, B. (2002). *Gouverner la sécurité sociale. Les réformes du système français de protection sociale depuis 1945* [Governing social security. The reforms of the French social protection system since 1945]. Paris: Presses Universitaires de France.
- Palme, J. (1990). *Pension rights in welfare capitalism. The development of old-age pensions in 18 OECD countries 1930 to 1985*. Stockholm: University of Stockholm, Swedish Institute for Social Research.
- Pierson, P. (1998). Irresistible forces, immovable objects: Post-industrial welfare states confront permanent austerity. *Journal of European Public Policy*, 5, 539–560.
- Pierson, P. (2004). *Politics in time*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Polanyi, K. (1957). *The great transformation*. Boston: Beacon.
- Rueda, D., & Pontusson, J. (2000). Wage inequality and varieties of capitalism. *World Politics*, 52, 350–383.
- Scharpf, F.W., & Schmidt, V.A. (Eds.). (2000). *Welfare and work in the open economy*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Scherer, P. (2001). *Age of withdrawal from the labour force in OECD countries*. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development.
- Shonfield, A. (1964). *Modern capitalism*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Siegel, N.A. (2000). Jenseits der Expansion? Sozialpolitik in westlichen Demokratien 1975–95 [Beyond expansion? Social policy in western democracies, 1975–1995]. In M.G. Schmidt (Ed.), *Wohlfahrtsstaatliche politik. Institutionen, politischer Prozesse und Leistungsprofil* (pp. 54–89). Opladen, Germany: Leske und Budrich.
- Taylor-Gooby, P. (2004). New risks and social change. In P. Taylor-Gooby (Ed.), *New risks, new welfare?* (pp. 1–27). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Timonen, V. (2004). New risks — Are they still new for the Nordic welfare states? In P. Taylor-Gooby (Ed.), *New risks, new welfare* (pp. 83–110). Oxford, UK: Oxford University Press.
- van Kersbergen, K. (1995). *Social capitalism. A study of Christian democracy and the welfare state*. London: Routledge.
- Whiteside, N., & Salais, R. (1998). Comparing welfare states: Social protection and industrial politics in Britain and France. *Journal of European Social Policy*, 8 (2), 139–154.

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ КАК РЕСУРС
ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ¹**

Авраамова Е.М., д.э.н., профессор, зам. директора Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН

Кулагина Е.В., к.э.н., старший научный сотрудник ИСЭПН РАН

Рост образовательного потенциала населения рассматривается авторами как ресурс, развитие которого способно обеспечить повышение конкурентоспособности в глобализирующемся мире. В этом контексте исследуются количественные и качественные характеристики образовательного потенциала населения с акцентуацией на возможностях доступа к образованию, наиболее востребованному на рынке труда, а также профессионализации получивших высшее образование в секторах экономики, определяющих инновационный потенциал страны.

Глобальная конкуренция, обострившаяся с наступлением мирового финансово-экономического кризиса, вынуждает страны искать ресурсы, с помощью которых кризис может быть преодолен, а национальные экономики получают новый импульс развития. Наряду с другими ресурсами, конкурентоспособность страны и ее способность отвечать новым задачам развития в глобализирующемся мире определяет человеческий потенциал, основной составляющей которого является потенциал образовательный. Именно в него инвестируют наиболее развитые страны, озабоченные выходом из кризиса на новый виток социально-экономического развития.

Наше государство не осталось в стороне от модернизационных процессов, затрагивающих образовательные системы многих стран, которые таким образом решают как экономические задачи — подготовки кадров для новой экономики, или экономики знаний, так и социальные — обеспечения работы «социальных лифтов» за счет расширения доступности качественного образования. Результатом усилий в обоих названных направлениях должен стать рост образовательного потенциала российского населения, который мы и попытаемся оценить. В этой связи нас будут интересовать не столько количественные показатели (динамика численности специалистов, выпускаемых учреждениями начального, среднего и высшего профессионального образования), сколько качественные. При этом мы имеем в виду не качество образования, которое, несмотря на существующие и применяемые методики оценки, определить по формальным показателям довольно трудно. Скорее нас будет интересовать другое: во-первых, возможности доступа к образованию, наиболее востребованному на рынке труда; а во-вторых, уровень образования и дальнейшая профессионализация людей, занятых в экономических сферах, которые определяют инновационный потенциал страны. Подобная постановка вопроса представляется нам вполне оправданной в противовес подходам, рассматривающим проблемы профессионального образования в отрыве от рынка труда, развитие которого отражает приоритеты как экономических агентов, так и регулирующего их взаимодействие государства.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Грант РГНФ №08-02-00233а).

Согласно проекту государственной программы «Образование и развитие инновационной экономики: внедрение современной модели образования в 2009–2012 гг.», разработанному Министерством образования и науки РФ, высшее образование должно стать социальным стандартом поколения россиян, вступающих в активную жизнь в первой четверти XXI в. В систему академического и прикладного бакалавриата планируется «вовлечь» более двух третей выпускников общеобразовательных школ. За счет этого, по мнению идеологов программы, «будет обеспечена долгосрочная конкурентоспособность России в мировой экономике, постоянное порождение инноваций и готовность к восприятию и использованию нового во всех отраслях...»².

Возможность массового вовлечения населения в процесс высшего образования не вызывает никакого сомнения на фоне происходящего бума высшего образования, хотя целесообразность такого развития событий представляется весьма спорной с точки зрения достижения конкурентоспособности страны. Доля занятых с высшим и неоконченным профессиональным образованием уже сейчас составляет самую большую величину (29,3%) в структуре занятых. Согласно данным статистики, на протяжении многолетнего периода в стране сохраняется тенденция увеличения числа высших учебных заведений, а также доли населения, заинтересованного в получении высокого образовательного статуса. За последние 15 лет (с 1993/94 по 2008/09 учебный год) число высших учебных заведений в стране увеличилось почти в 2 раза — с 626 до 1134 единиц. Значительную роль в развитии рынка образовательных услуг сыграли негосударственные вузы, количество которых к 2008/09 учебному году достигло 42% в общей численности (табл. 1). Кроме того, существует множество филиалов вузов, число которых на начало 2007/08 учебного года составило 1701 единицу и имеет тенденции к росту (табл. 2).

В период с 1993/94 по 2008/09 учебный год численность студентов высших заведений увеличилась почти трехкратно — с 2613 до 7513 тыс. чел. (табл. 3). При этом также на трехкратную величину увеличилось количество студентов на 10 тыс. чел. населения — с 176 до 529 чел. Самые высокие темпы роста численности отмечаются в негосударственных вузах (18,5 раза). Одной из причин притягательности коммерческого обучения является широко практикуемая ими заочная форма обучения (70% от общего числа обучающихся в 2008/09 учебном году). В этом плане следует отметить, что государственные вузы пока еще удерживают «рамки приличия» по соблюдению формальных требований к уровню высшего образования. Несмотря на то что в этих учреждениях рост численности студентов заочных отделений также происходит опережающими темпами, их доля пока еще составляет меньше половины — 42% в 2008/09 учебном году. Правомерность существующей пропорции между очным и заочным образованием с точки зрения качества подготовки специалистов вызывает большой вопрос, однако Министерство образования и науки Российской Федерации пока не готово «сказать о том, в чем состоит оптимальность соотношения разных форм обучения и по каким специальностям целесообразно устанавливать ту или иную долю очников»³.

Несмотря на продолжающееся увеличение спроса на услуги высшего профессионального образования, в течение последних 5 лет (2003–2008 гг.) расши-

² Проект Государственной программы «Образование и развитие инновационной экономики: внедрение современной модели образования в 2009–2012 гг.», подготовленной Министерством образования и науки Российской Федерации по поручению Президента Российской Федерации от 17 марта 2008 г. № Пр-427, п. 3; по поручению Правительства Российской Федерации от 22 марта 2008 г. № ВЗ-П45–1745, п. 3, см.: <http://www.hse.ru/data/590/394/1235/program.doc>

³ Выступление Директора Департамента госполитики в образовании И. Реморенко на коллегии Минобрнауки России 25 декабря 2008 г. см.: <http://mon.gov.ru/ruk/dir/remorenko/dok/5107/>

Таблица 1. Число высших учебных заведений (на начало учебного года)

Количество высших учебных заведений	Учебный год							
	1993/94	1995/96	2000/01	2004/05	2005/06	2006/07	2007/08	2008/09
Всего	626	762	965	1071	1068	1090	1108	1134
В том числе:								
государственных и муниципальных	548	569	607	662	655	660	658	660
негосударственных	78	193	358	409	413	430	450	474

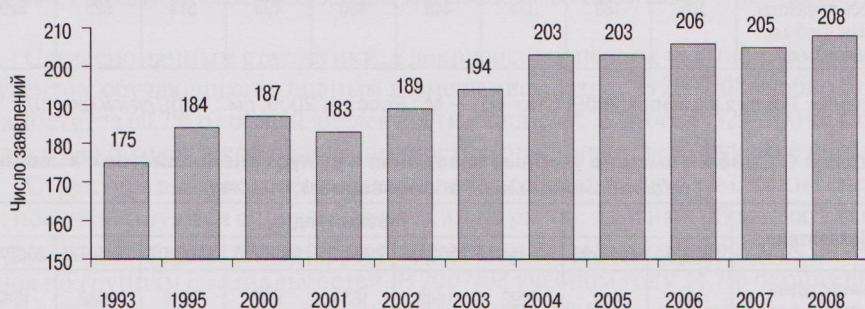
Источник: Россия в цифрах 2009: Стат. сб. — М.: Росстат, 2009; см.: <http://www.gks.ru/>

Таблица 2. Число филиалов государственных и муниципальных высших учебных заведений (на начало учебного года)

Число филиалов высших учебных заведений	Учебный год		
	2005/06	2006/07	2007/08
Всего	1619	1646	1701
В том числе:			
государственных и муниципальных	1100	1114	1135
негосударственных	519	532	566

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели—2008: Стат. сб. — М.: Росстат, 2008.

Рисунок 1. Конкурс на вступительных экзаменах в государственных и муниципальных высших учебных заведениях (на 100 мест подано заявлений о приеме)



Источник: Россия в цифрах 2009: Стат. сб. — М.: Росстат, 2009; см.: <http://www.gks.ru/>

рение рынка образовательных услуг происходит при сохранении баланса между уровнем спроса и количеством учебных мест. Так, конкурс на вступительных экзаменах в государственных и муниципальных вузах остается относительно стабильным — в среднем по учебным заведениям за рассматриваемый период на каждые 100 мест подается от 203 до 208 заявлений о приеме (рис. 1).

Прием студентов в 2008/09 учебном году превысил 1,5 млн чел. — 1 млн 642 тыс. чел., что, однако, было на 40 тыс. чел. меньше, чем по данным 2007/08 учебного года (1 млн 682 тыс. чел.). В целом, под влиянием демографических факторов и, вероятно, в результате введения ЕГЭ, количество принятых студентов сократилось и приблизилось к показателям 2003/04 учебного года (1 млн 643 тыс. чел.). Однако отрицательная динамика приема пока еще не отразилась на общей численности студентов и выпущенных вузами специалистов. Число последних выросло до 1 млн 358 тыс. чел. в 2008/09 учебном году. Та же закономерность наблюдается и по показателю численности выпущенных специалистов на 10 тыс. занятых в экономике, который достиг 198 чел. в 2008/09 учебном году (табл. 4).

Таблица 3. Численность студентов высших учебных заведений
(на начало учебного года), тыс. чел.

Численность студентов	Учебный год								
	1993/94	1995/96	2000/01	2003/04	2004/05	2005/06	2006/07	2007/08	2008/09
Всего	2613	2791	4741	6456	6884	7064	7310	7461	7513
в том числе в учебных заведениях:									
государственных и муниципальных	2543	2655	4271	5596	5860	5985	6133	6208	6215
из них обучалось на отделениях:									
очных	1625	1700	2442	3010	3144	3195	3251	3241	3153
очно-заочных (вечерних)	170	161	259	302	300	300	291	280	269
заочных	748	795	1519	2165	2279	2348	2443	2532	2637
экстернат	—	0,1	51	120	137	142	147	155	156
негосударственных	70	136	471	860	1024	1079	1177	1253	1298
из них обучалось на отделениях:									
очных	37	53	183	267	290	313	331	331	304
очно-заочных (вечерних)	5	14	44	50	61	71	81	72	74
заочных	22	61	243	539	663	684	753	835	904
экстернат	6	7	1	4	10	11	12	14	16
На 10 тыс. чел. населения пришло студентов высших учебных заведений, чел.	176	188	324	448	480	495	514	525	529

Источник: Россия в цифрах 2009: Стат. сб. — М.: Росстат, 2009; см.: <http://www.gks.ru/>

Таблица 4. Прием в высшие учебные заведения и выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием, тыс. чел.

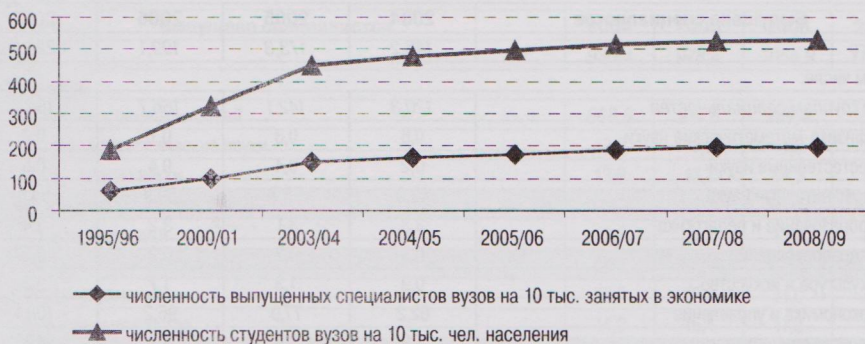
Показатели	Учебный год								
	1993/94	1995/96	2000/01	2003/04	2004/05	2005/06	2006/07	2007/08	2008/09
Принято студентов — всего	590	681	1292	1643	1659	1640	1658	1682	1642
Выпущено специалистов — всего	445	403	635	977	1076	1151	1255	1336	1358
На 10 тыс. занятых в экономике выпущено специалистов высшими учебными заведениями, чел.	63	61	99	149	162	172	188	197	198

Источник: Россия в цифрах 2009: Стат. сб. — М.: Росстат, 2009.; см.: <http://www.gks.ru/>

Так что по количественным параметрам система высшего образования следует поставленным Министерством образования целям стать «социальным стандартом поколения россиян, вступающих в активную жизнь в первой четверти XXI века» (рис. 2).

Подобный социальный стандарт стал социальной нормой: большинство россиян, согласно данным социологических опросов [Левинсон А.Г., 2005], разделяет мнение, что «сейчас неприлично не иметь высшего образования». Образовательная система докризисного периода, благодаря широкой диверсификации ассортимента и цены своих услуг, сделала все для реализации этой нормы. Иными словами, все желающие могли получить образование «по карману».

Рисунок 2. Численность студентов вузов и выпущенных специалистов вузов в 1995–2008 гг.



Источник: Россия в цифрах 2009: Стат. сб. — М.: Росстат, 2009; см.: <http://www.gks.ru/>

Таблица 5. Численность студентов высших учебных заведений, обучавшихся с полным возмещением затрат на обучение (на начало учебного года), тыс. чел.

Численность студентов	Учебный год					
	2002/03	2003/04	2004/05	2005/06	2006/07	2007/08
Всего	5947,5	6455,7	6884,2	7064,6	7309,8	7461,3
в том числе обучавшихся с полным возмещением затрат на обучение	3027,7	3481,9	3881,9	4061,9	4320,4	4529,7
В % от общей численности студентов	50,9	53,9	56,4	57,5	59,1	60,7

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России 2008 г. — М.: Росстат, 2008.

Согласно данным статистики, в докризисный период ежегодно росла доля студентов, обучающихся с полным возмещением затрат. В 2007/08 учебном году она достигла 60,7% от общей численности учащихся. В итоге 4 529 700 чел. обучались на коммерческой основе, полностью оплачивая свое обучение (табл. 5).

Структура выпуска специалистов дает представление о том, какие специальности пользуются спросом населения на рынке платных образовательных услуг. Наиболее ярко это проявляется на примере выпуска негосударственных вузов по группам специальностей. В 2007/08 учебном году 34,7% окончивших вузы получили гуманитарные специальности, 58,6% — специальности в области экономики и управления. Менее 1% специалистов негосударственных вузов получили специальности в области физико-математических (0,1%) и естественных наук (0,27%) (табл. 6).

Нетрудно предположить, что по такому же принципу развивается рынок коммерческих образовательных услуг и в государственных вузах, поскольку в 2007/08 учебном году доля выпущенных специалистов в сфере гуманитарных наук (16%, или 170,8 тыс. чел.), а также «экономики и управления» (33,6%, или 349 тыс. чел.) выглядит довольно внушительно даже на фоне широкого перечня всех остальных групп специальностей. Для сравнения можно обратить внимание на долю выпущенных специалистов в сфере «металлургии, машиностроения и металлообработки» (2,5%, или 26,5 тыс. чел.), «машиностроения и электротехники» (2,4%, или 24,9 тыс. чел.), «приборостроения и оптоэлектроники» (0,7%, или 8 тыс. чел.). Дальнейшее «вовлечение» молодежи в сферу высшего профессионального образования, выбирающей специальности по рассмотренному принципу, далекому от инновационных идей, вряд ли обеспечит конкурентоспособность России в мировой экономике, хотя возможно и установит собственный национальный «социальный стандарт» (табл. 7).

Таблица 6. Выпуск специалистов негосударственными высшими учебными заведениями по группам специальностей в 2004–2007 гг.*, тыс. чел.

Выпущено специалистов	2004	2005	2006	2007
Всего	146,2	173,3	199,1	226,6
в том числе:				
по группам специальностей	120,3	142,1	166,7	184,3
физико-математические науки	0,6	0,3	0,1	0,2
естественные науки	0,2	0,4	0,4	0,5
гуманитарные науки	49,9	55,7	59,9	64,0
образование и педагогика	3,3	3,1	3,2	3,4
здравоохранение	0,3	0,2	0,2	0,2
культура и искусство	0,9	1,3	1,7	2,3
экономика и управление	62,2	77,0	96,2	108,1
другие специальности	2,3	3,4	4,1	4,7
по направлениям подготовки	25,9	31,2	32,4	42,2

* В соответствии с Общероссийским классификатором специальностей образования 2003 г.
 Источник: Российский статистический ежегодник — 2008: Стат. сб. — М.: Росстат, 2008.

Начиная с 2008 г. Министерство образования и науки начало наконец-то осуществлять меры, направленные на изменение создавшейся ситуации, через установление контрольных цифр приема на основании прогнозной потребности в специалистах. Методика и полученные результаты по установлению прогнозной потребности были согласованы в 2007 г. с Минздравсоцразвития России, Минэкономразвития России и Российским союзом промышленников и предпринимателей. На прогнозную потребность в специалистах и, как следствие, на формирование контрольных цифр приема в 2009 г. оказывали влияние следующие факторы:

- принятие Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., которая определила новые параметры развития всех отраслей экономики и социальной сферы;
- утверждение Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 г.;
- создание ряда отраслевых программ развития (например, программы развития транспортной отрасли, агропромышленного комплекса, станкоинструментальной промышленности, лесного хозяйства, авиационной промышленности и др.);
- финансово-экономические трудности кризисного периода, под влиянием которых появляется потребность как в обучении, так и в переобучении специалистов;
- демографический фактор, прежде всего в силу сокращения количества выпускников основной и полной средней школы.

Учитывая отраслевую специфику вузов и отсутствие достаточного количества соответствующих рабочих мест на рынке труда, предлагается сократить в 2009 г. прием на образовательные программы по отношению к прошлому году по таким укрупненным группам, как «Гуманитарные науки», «Экономика и управление» и «Образование и педагогика», увеличив при этом объемы подготовки по направлениям и специальностям, по которым готовятся кадры для приоритетных направлений развития науки, техники и технологий, а также приоритетных национальных проектов⁴.

⁴ Выступление Директора Департамента госполитики в образовании И. Реморенко на коллегии Минобрнауки России 25 декабря 2008 г.; см.: <http://mon.gov.ru/ruk/dir/remorenko/dok/5107/>

Таблица 7. Выпуск специалистов государственными и муниципальными высшими учебными заведениями по группам специальностей в 2004–2007 гг.* , тыс. чел.

Выпущено специалистов	2004	2005	2006	2007
<i>Всего</i>	930,4	978,4	1055,9	1108,9
в том числе:				
<i>по группам специальностей</i>	868,8	914,8	989,4	1037,9
физико-математические науки	18,0	11,8	11,2	11,4
естественные науки	13,9	13,7	14,3	14,7
гуманитарные науки	144,7	145,1	160,3	170,8
социальные науки	10,2	11,2	13,7	15,6
образование и педагогика	127,5	129,0	125,3	128,9
здравоохранение	26,8	28,2	31,0	31,3
культура и искусство	14,9	16,4	17,3	17,0
экономика и управление	269,9	292,7	325,6	349,0
информационная безопасность	0,9	1,3	1,9	2,3
сфера обслуживания	3,8	6,3	8,3	10,0
сельское и рыбное хозяйство	32,7	34,8	36,9	36,4
геодезия и землеустройство	3,0	3,4	3,8	4,0
геология, разведка и разработка полезных ископаемых	9,9	11,3	13,0	13,1
энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	19,9	22,0	23,4	24,9
металлургия, машиностроение и оружие и системы вооружения	0,6	0,6	0,6	0,6
морская техника	3,3	3,4	3,8	4,1
транспортные средства	26,1	29,4	30,4	31,4
приборостроение и оптотехника	6,5	7,1	7,9	8,0
электронная техника, радиотехника и связь	14,6	15,1	15,9	15,7
автоматика и управление	10,5	11,4	12,7	12,6
информатика и вычислительная техника	17,5	17,7	20,5	20,5
химическая и биотехнологии	9,8	10,7	12,5	12,6
воспроизводство и переработка лесных ресурсов	5,8	5,9	6,3	6,5
технология продовольственных продуктов и потребительских товаров	15,7	17,5	19,4	20,1
архитектура и строительство	26,6	29,4	31,8	33,5
безопасность жизнедеятельности, природообустройство и защита окружающей среды	7,6	8,8	10,1	11,1
<i>по направлениям подготовки</i>	61,6	63,6	66,5	71,0

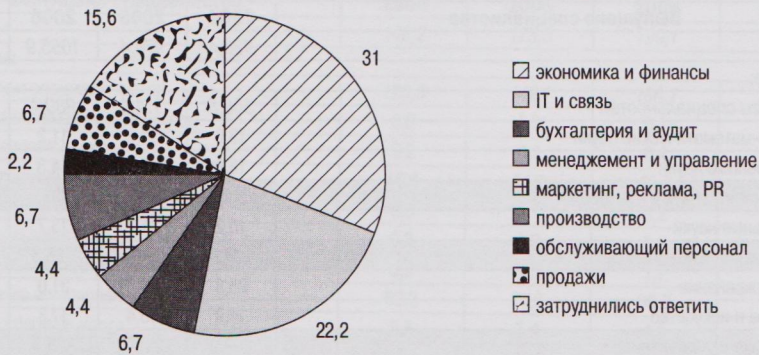
* В соответствии с Общероссийским классификатором специальностей образования 2003 г. *Источник:* Российский статистический ежегодник — 2008: Стат. сб. — М.: Росстат, 2008.

В то же время в сложившейся структуре экономики сделать это будет не так-то просто, поскольку спрос населения на специальности подготовки адекватно реагирует на развивающиеся отрасли народного хозяйства. Согласно мониторингу взаимодействия вузов и бизнес-сообществ, проведенному российским союзом ректоров в январе—марте 2009 г.⁵, на первом месте среди прогнозируемых направлений развития бизнеса, требующих привлечения молодых специалистов, по-прежнему оказывается «экономика и финансы», а не «производство». Так что, вопреки задачам инновационного развития, наиболее востребованными сферами, в которые планируется проводить набор молодых специалистов в 2009 г., являются следующие направления:

- «Экономика и финансы» — 31% компаний планирует проводить набор молодых специалистов на это направление в 2009 г.;

⁵ Мониторинг Российского союза ректоров проводится на основе соглашений о стратегическом партнерстве Союза ректоров с ведущими объединениями бизнес-сообщества: Торгово-промышленной палатой Российской Федерации, Российским союзом промышленников и предпринимателей (работодателей), общероссийскими общественными организациями «Деловая Россия» и «Опора России» и Союзом машиностроителей России.

Рисунок 3. Потребность бизнеса в молодых специалистах в 2009 г., % (по данным мониторинга Российского союза ректоров)



- «IT, связь» — 22,2%;
- «Бухгалтерия, аудит», «Производство», «Продажи» набрали по 6,7%;
- «Менеджмент, управление» и «Маркетинг, реклама, PR» набрали по 4,4%; «Обслуживающий персонал, секретариат» — 2,2% (рис. 3)⁶.

Теперь, установив, что барьеры доступности массового высшего профессионального образования вполне преодолимы, остановимся на проблеме подготовки кадров для инновационной экономики. Статистические и социологические данные [Аврамова Е. М., Александрова О. А., Логинов Д. М., 2006] показывают, что трудовая мотивация молодежи в значительной степени обусловлена конъюнктурными экономическими причинами и имеет четко выраженные тенденции на освоение кадровых позиций из числа высокооплачиваемых рабочих мест в относительно благополучных сферах народного хозяйства. При этом наиболее востребованные отечественной экономикой специальности и направления подготовки находятся в стороне от стратегически значимых для народного хозяйства видов экономической деятельности. Население предпочитает иметь профессии, позволяющие трудоустроиться в сфере торговли, управления, экономики и финансов, т.е. в области регулирования, в самой небольшой степени относящейся к сфере инноваций, если ее оценивать согласно «Руководству Осло» [Proposed Guidelines..., 1997]. Последнее является действующим методологическим документом, подготовленным ОЭСР совместно с Евростатом, и содержит рекомендации по статистике инноваций, которые признаны в качестве международных статистических стандартов.

Предпочтения населения в выборе экономических и управленческих специальностей возникают в ответ на запросы экономики, обеспечивающей более широкие возможности для трудоустройства. Распределение численности занятых по видам экономической деятельности с учетом возрастных групп показывает, что молодое поколение россиян чутко реагирует на структурно-трансформационные процессы в отечественной экономике и стремится соответствовать требованиям ее активно развивающихся направлений, в то время как занятость в стагнирующих и проблемных секторах народного хозяйства сохраняется преимущественно за населением старших возрастов. Данная тенденция наблюдается в динамике по годам (2000–2007 гг.)⁷.

⁶ Российский союз ректоров см: <http://rsr-online.ru/anketa3.php>

⁷ Несмотря на очевидные расхождения в методологии сбора статистической информации в соответствии с возрастной структурой распределения занятых по отраслям экономики на основе ОКОНХ (2000 г.) и распределения занятых по видам экономической деятельности на основе ОКВЭД (2007 г.).

Так, сферы торговли, управления, финансов и кредита остаются наиболее привлекательными для молодежи, численность которой в этих секторах сохраняется стабильно высокой и имеет тенденцию к росту. В структуре занятых этими видами деятельности доля трудящихся в возрастном интервале 20–29 лет стала занимать доминирующее положение к 2007 г.: 30% в торговле, 38,4% в финансовой деятельности, 27,6% в государственном управлении. В свою очередь, за счет доминирующей доли занятых в старших возрастах (40–49 лет) обеспечивается деятельность в сельском хозяйстве (30,4%), рыболовстве (34,1%), добывающих (28,7%) и обрабатывающих производствах (27,9%), в производстве электроэнергии, газа и воды (29,3%). Таким образом, виды деятельности, в наибольшей степени ответственные за производство валового внутреннего продукта и экономическое развитие государства, остаются «на плечах» у старшего поколения, а вовсе не у молодежи. Активное стремление последней к обучению и трудоустройству по экономическим и управленческим специальностям приводит к высокой конкуренции на рынке труда и необходимости достижения как можно более высокого образовательного уровня. Следует отметить, что, хотя доли занятых со средним профессиональным и начальным профессиональным образованием достаточно велики, для большей части работников в молодых возрастах начальное и среднее профессиональное образование является только промежуточной ступенью для поступления в вуз и поэтому не предполагает своего применения в дальнейшей профессиональной деятельности. Как показывают данные исследований, большинство учащихся, обучавшихся в системе начального и среднего профессионального образования, стремятся впоследствии получить более высокий образовательный уровень. Всего 9% выпускников профтехучилищ считают начальное профессиональное образование достаточным для своей профессиональной реализации; 17% считают необходимым среднее профессиональное образование; 42% — высшее профессиональное образование; 9% — два высших образования [Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. М., 2007].

Поскольку образовательные стратегии молодежи обуславливаются ее трудовыми мотивациями, образовательная структура занятых по видам экономической деятельности выглядит аналогично возрастной структуре. Так, наибольшее количество специалистов, имеющих диплом о высшем образовании, сосредоточено именно в тех областях, где есть возможность трудоустроиться менеджерам, управленцам и экономистам. Это подтверждает тот факт, что население в молодых возрастах адекватно оценивает возможности и перспективы занятости в современных экономических условиях. В этом смысле ресурс высшего профессионального образования оправдывает свое назначение, поскольку обеспечивает наибольшую вероятность закрепления в успешных видах экономической деятельности. Конкуренция за стабильные и высокооплачиваемые места приводит к настолько высокой концентрации специалистов с высшим образованием в финансах (63,5% от общей доли работников) и государственном управлении (44,4%), что этим видам деятельности может «позавидовать» образование (52,7%), а также наука (44,1%)⁸.

Таким образом, накопленный образовательный потенциал населения реализуется преимущественно в высокооплачиваемых сегментах рынка труда, к которым последние десятилетия не относились сферы деятельности, связанные с развитием национальной промышленности. В результате значительное число получивших качественное техническое или естественно-

⁸ Согласно положениям классификатора ОКВЭД, наука причислена к «операциям с недвижимым имуществом».

научное профессиональное образование покидали соответствующие сферы деятельности — перспективные с точки зрения инновационного развития страны, но бесперспективные с точки зрения роста личного благосостояния. В отраслевом разрезе вне зависимости от положения отрасли успешное трудоустройство и карьерное продвижение пока слабо связаны с качеством полученного образования. Работодатель предъявляет требования скорее к уровню, чем к качеству. Рынка труда, на котором приоритет при замещении наиболее привлекательных вакансий, безусловно, отдается обладателям дипломов вузов с более высоким статусом и, как предполагается, гарантирующих более качественное образование, пока нет не только на периферии, но и в региональных центрах, и даже в столичном мегаполисе он достаточно узок. Согласно мнению большинства выпускников вузов, представления о конкурентных преимуществах при трудоустройстве сопряжены с такими ресурсами, как связи и знакомства [Авраамова Е. М., Кулагина Е. В., 2007]. Массового запроса на высокое качество образования со стороны рынка труда не просматривается, и поэтому проводимые в сфере высшего профессионального образования многообразные реформы вряд ли смогут обеспечить повышение его качества, а, скорее, ограничатся перетурбациями в организационно-финансовой сфере.

Остановимся специально на массовых представлениях о развитии системы образования как условия повышения образовательного потенциала, для чего обратимся к результатам нашего исследования⁹, где в качестве респондентов выступали производители и потребители образовательных услуг, а также работодатели.

Все группы респондентов согласны с тем, что система образования должна быть модернизирована. В этом смысле факт увеличения объема финансирования рассматривается как позитивный, однако размеры расходов на образование признаются недостаточными, чтобы решить задачу радикального повышения качества образования до уровня, необходимого для перехода экономики страны на инновационный путь развития. Значительная часть производителей и потребителей образовательных услуг выражают единое мнение в том, что качество образования постоянно снижается. При этом отдельные группы респондентов дают различные объяснения падению качества. Так, непосредственные потребители услуг образования (школьники и студенты) объясняют это преимущественно низким качеством преподавания; педагогическое сообщество — снижением требований при прохождении конкурсной процедуры при приеме в вузы и отсутствием образовательных стандартов, работодатели — нацеленностью образовательных программ на абстрактные, оторванные от требований практики, знания.

Конкретные меры, призванные повысить качество образования, не получили однозначной поддержки ни одной из исследованных групп респондентов. ЕГЭ — как по своему содержанию, так и, главное, по степени организации — не находит сторонников ни в учительском, ни в вузовском сообществе, ни среди школьников и студентов, ни тем более среди их родителей. Последних приводит в состояние растерянности и острого недовольства сложность и слабая проработанность процедур проведения экзамена, непрозрачность подсчета итоговых баллов, спорность и неоднозначность тестовых заданий. В целом, являясь сторонниками более объективной системы оценки знаний, чем это было прежде, респонденты не считают ЕГЭ мерой, способной решить проблему неформальных платежей при приеме в вузы.

Работодатели и представители профессиональных сообществ акцентируют внимание на другой реформе системы образования — введении уровневой

⁹ Исследование проведено ИСЭПН РАН в 2009 г. с использованием метода углубленных интервью.

системы подготовки. Отношение работодателей к переходу на уровневую (бакалавриат — специалитет — магистратура) систему зависит от отрасли, в которой они заняты. Вполне толерантно к введению бакалавриата относятся работодатели — представители таких отраслей, как торговля, услуги и т.п. Напротив, у работников реального сектора экономики — промышленных предприятий в области машиностроения, приборостроения и т.п. — отношение резко негативное. Подобное разделение кажется им бессмысленным, поскольку спектр компетенций, необходимый для их сферы, вполне покрывается традиционными ступенями профессионального образования, объем же подготовки, получаемый бакалаврами, по их утверждению, недостаточен. Пока у работодателей нет ясных представлений об объеме знаний и навыков бакалавров, которые воспринимаются ими как недоучки и по этой причине имеют относительно низкие шансы трудоустройства. В ситуации наступившего кризиса положение бакалавров на рынке труда еще больше усугубится, так как низкие шансы трудоустройства с данным уровнем образования войдут в резонанс с отсутствием материальных возможностей продолжить образование в магистратуре. В результате возникает вероятность появления нетрудоустроенного и разочарованного поколения, что является безусловной угрозой социальной стабильности.

Представители администраций образовательных учреждений в высшей степени скептически относятся к идее перехода в автономные учреждения (АУ). Абсолютному большинству из них не понятны ни смысл такого перехода, ни его порядок, ни плюсы и минусы, вытекающие из него. Респонденты обращают внимание на то, что они не готовы к коренному изменению порядка администрирования, который последует в случае перевода в АУ, однако надлежащая подготовка не проводится, как не ведется и информационная и разъяснительная работа. Инициатива данной реформы воспринимается как еще один стресс для образовательной системы, переживая который она еще больше будет терять в качестве.

Вернемся к проблеме реализации образовательного потенциала. По данным наших исследований, значимость факторов успешного трудоустройства, связанных с наличием того или иного высшего образования, по-прежнему уступает традиционным лидерам — связям и знакомствам и квалификации, сопряженной с опытом работы. В регионах, судя по нашим данным, высокая персонифицированность отношений в сфере труда и, соответственно, доминирующее положение фактора связей при трудоустройстве и карьерных продвижениях еще выше, чем в столице.

В ситуации экономического роста, расширения численности рабочих мест, оживления в ряде ранее депрессивных отраслей значимость социального капитала (связей, знакомств) снижается. Одновременно очищается от сформировавшихся стереотипов конкурентная среда. До наступления финансово-экономического кризиса эти процессы еще только намечались, но свертывание экономического роста без оздоровления институциональной среды вновь выдвинет на первый план неформальные отношения как основу экономических и социальных взаимодействий в сфере образования и занятости.

Массовая трудовая мобильность породила развивающийся спрос на дополнительное образование, который также при более сбалансированной экономике мог бы свидетельствовать о наращивании образовательного потенциала. Но сложившаяся структура экономики и соответствующие ей направления трудовой мобильности задали рамки развития системы дополнительного образования, призванной обеспечивать текущие потребности рынка труда. Это означает, что основной поток дополнительного профессионального образования (за исключением регламентированного постоянного обновления

знаний в сфере медицины и педагогики) сформировался в процветающих до кризиса областях (менеджмент, ИКТ, бухгалтерия). Безотносительно к тому, как справляется данная система с задачами переподготовки кадров, понятно, что направление развития сложившейся системы дополнительного образования пока не соответствует мировым тенденциям, согласно которым она является базой для развития экономики, основанной на знаниях.

Предпосылкой развития системы дополнительного профессионального образования стал сложившийся характер вертикальной восходящей мобильности, когда задачи карьерного роста вынуждают работника достаточно часто менять место работы. На новом месте от него требуются новые компетенции, которые приходится приобретать либо за собственный счет, либо за счет работодателя. Но и карьерные продвижения на старом месте работы также часто связаны с необходимостью повышения квалификации, и это стимулирует работников к переобучению. В результате в ситуации кризиса конкурентные преимущества будут иметь работники, сумевшие подтвердить свою высокую квалификацию, в частности, наличием свидетельства о ее получении. К стратегии получения дополнительного образования будут обращаться и те, кто склонен откладывать выход на рынок труда после получения основного профессионального образования по личным причинам. В этом случае получение образования будет рассматриваться соответствующей группой потребителей как инструмент поддержания социального статуса. Можно предположить, что и оставшийся без работы, но не без средств к существованию «офисный планктон» также в целях поддержания статуса займется получением дополнительного образования. Но какого? В этом состоит основная проблема, поскольку система дополнительного образования подстроена под потребности экономики, которую поразил кризис, а очертания новой экономики — ее структура, приоритетные для государства, а значит, гарантированно финансируемые отрасли не определены.

Подводя итоги, следует отметить, что при росте образовательного потенциала населения в количественном выражении его качество пока не отвечает задачам модернизации российской экономики, а возможности эффективной реализации накопленного образовательного потенциала «гасятся» состоянием институциональной среды, и прежде всего состоянием рынка труда, сформированного и подстроенного под сырьевой тип национального развития.

ЛИТЕРАТУРА

Аврамова Е.М., Александрова О.А., Логинов Д.М. Социальная мобильность выпускников российских вузов // Социальная дифференциация высшего образования. — М.: НИСП, 2006.

Аврамова Е.М., Кулагина Е.В. Поведение молодых специалистов на рынке труда: новые тенденции // Человек и труд. 2007. № 9.

Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.М. Кросс-региональный анализ развития непрерывного образования: результаты исследования // Вопросы образования. 2007. № 2; http://vo.hse.ru/arithiv.aspx?catid=252&z=434&t_no=435&ob_no=453

Левинсон А.Г. Высшее образование как ресурс и как норма // Социальная дифференциация высшего образования. — М.: НИСП, 2005.

Российский статистический ежегодник—2008: Стат. сб. — М, Росстат, 2008.

Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data: Oslo Manual. — Paris: OECD, Eurostat, 1997.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ ДЛЯ СРЕДНЕГО КЛАССА: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ

Чирикова А.Е., д. с. н., главный научный сотрудник Института социологии РАН

Здоровье — важнейший нематериальный ресурс, который позволяет работнику поддерживать свою конкурентоспособность и эффективность на рынке труда и в других сферах экономической деятельности. Формально большинство населения имеет доступ к этому социальному ресурсу, однако в реальном измерении у различных социальных групп возникают проблемы с получением качественных медицинских услуг. Как правило, эта тема обсуждается в контексте социально уязвимых групп населения. Между тем более обеспеченные слои населения тоже вынуждены преодолевать многочисленные барьеры на пути к квалифицированной помощи. В связи с этим правомерен вопрос, насколько система российского здравоохранения удовлетворяет требованиям и ожиданиям российского среднего класса.

Настоящая статья посвящена анализу поведенческих стратегий представителей среднего класса в поддержании своего здоровья по оценкам врачей и самих представителей среднего класса, зависимости этих стратегий от правил, действующих внутри медицинских учреждений.

ВВЕДЕНИЕ

Система здравоохранения не только поддерживает необходимый уровень здоровья населения, но и в конечном итоге развивает культуру здоровья, формирует взгляд на здоровье как на базовую ценность человеческой жизни. Но правомерно и другое утверждение — средний класс оказывает существенное влияние на систему здравоохранения, так как именно эта социальная группа формирует определенные нормы поведения в отношении своего здоровья, которые затем распространяются на других акторов из иных социальных групп. Средний класс и система здравоохранения зависимы друг от друга. Именно поэтому так важно понять, как возможности системы здравоохранения в оказании качественной медицинской помощи соотносятся с установками, ценностями и поведенческими практиками представителей среднего класса.

В фокусе анализа — современные институты поддержания здоровья российского населения: институт государственных гарантий оказания медицинской помощи, правила обращения за медицинской помощью, платные медицинские услуги, предоставляемые в государственных и частных медицинских учреждениях, распространенность и правила неформальной оплаты медицинской помощи.

Специальная задача анализа — выявление барьеров (ограничений) в использовании перечисленных институтов и по оценкам самих представителей среднего класса, и по оценкам врачей, работающих в разных типах

медицинских учреждений, с одной стороны, а с другой — выявление общей направленности влияния институтов здравоохранения на качество и доступность медицинской помощи, за которой обращаются представители среднего класса.

Согласованный анализ оценок врачей и мнений представителей среднего класса относительно того, как сегодня российская система здравоохранения обеспечивает потребности среднего класса, позволит повысить надежность сделанных аналитических выводов. Результаты исследования, в свою очередь, могут лечь в основу долговременной политики развития системы здравоохранения, помогут сформулировать адекватные меры государственной политики в отношении среднего класса.

Эмпирической базой исследования служат интервью с врачами, руководителями государственных и частных медицинских учреждений, проведенные Независимым институтом социальной политики (НИСП) в 2002, 2003, 2007, 2008 гг. в рамках нескольких исследовательских проектов¹.

Оценки врачей дополнены материалами 9 фокус-групп (Москва и Воронеж, отв. исполнитель — д. с. н. А. Левинсон) и 15 глубинными интервью (Москва, отв. исполнитель — д. с. н. А. Чирикова), проведенными с представителями среднего класса в 2008 г. в рамках данного проекта. Для выявления специфики позиций среднего класса по сравнению с малообеспеченными и богатыми людьми использованы материалы вторичного анализа, а также 5 авторских интервью с представителями высшего класса.

Мы отдаем себе отчет в том, что полученные результаты, особенно в отношении оценок среднего класса, не репрезентативны, но надеемся, что они дают возможность прояснить контуры происходящих здесь процессов, что в дальнейшем позволит перейти к более масштабным исследованиям.

НУЖНЫ ЛИ СРЕДНЕМУ КЛАССУ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ БОЛЬНИЦЫ И ПОЛИКЛИНИКИ?

Исследование российского населения с различным материальным достатком, образованием, возрастом, местом проживания, проведенное в 2007 г. Независимым институтом социальной политики, показало, что жители нашей страны по-прежнему предъявляют обширные и безусловные требования к государственным гарантиям оказания медицинской помощи. Большинство опрошенных считает, что следует сохранить право бесплатного доступа к основным видам амбулаторно-поликлинических и стационарных медицинских услуг, включая проведение общих анализов и диагностических процедур, ежегодных диспансеризаций и вакцинаций, услуги медицинских работников на дому у пациента. Еще более единодушны требования населения в отношении бесплатного стационарного лечения. Россияне готовы более или менее терпимо отнестись лишь к введению оплаты за возможность

¹ «Анализ последствий различных стратегий финансового обеспечения государственных гарантий в здравоохранении» (НИСП, 2002; рук. — д.э.н. С.В. Шишкин), «Анализ взаимосвязи формальных и неформальных правил предоставления социальных услуг населению на примере оплаты медицинской помощи» (НИСП, 2002–2003; рук. — д.э.н. С.В. Шишкин), «Анализ различий в доступности медицинской помощи для населения России» (НИСП, 2007; рук. — д.э.н. С.В. Шишкин), «Повышение оплаты труда в бюджетном секторе экономики: социально-экономические возможности и ограничения» (НИСП, 2007–2008; рук. — к.э.н. Л.Н. Овчарова, д.э.н. С.В. Шишкин), «Развитие практик неформальной оплаты медицинской помощи в 2002–2007 гг.» (НИСП, 2007–2008; рук. — д.э.н. С.В. Шишкин).

выбора комфортности условий пребывания в стационаре, а также за право выбора лечащего врача. Во всех остальных случаях императив сохранения государственных гарантий оказания медицинской помощи практически непреерекаем [Российское здравоохранение..., 2008].

Нужна ли система государственных гарантий и бесплатной медицинской помощи среднему классу? Ответ на этот вопрос формулируется и врачами, и представителями среднего класса без альтернатив — да, нужна.

Врачи государственных учреждений убеждены в том, что никакие иные формы не могут заменить для россиян с любым уровнем достатка привычные больницы и поликлиники, какой бы низкий уровень обслуживания они ни демонстрировали. Именно государственные учреждения сформировали должную инфраструктуру, привычные схемы обслуживания населения, и отказаться от института государственных гарантий — означает нарушить привычные устои жизни общества. Недооценка этого психологического фактора чревата серьезными последствиями.

Соглашаясь с тем, что государственная медицина обладает целым рядом недостатков, врачи стационаров и поликлиник уверены, что *«к ним никогда не зарастет народная тропа»*, хотя бы потому, что в медицине бывает много экстренных ситуаций, которые в случае отмены государственных гарантий просто некому будет разрешать. Если речь идет о плановых вмешательствах, представители среднего класса еще имеют выбор, в экстренных случаях сегодня у них такого выбора нет.

Преимуществом бюджетной гарантированной медицинской помощи является, по мнению врачей, сформированная инфраструктура, опыт врачей в ней работающих, возможность оказания комплексных медицинских услуг, а также налаженный механизм предоставления помощи, понятный населению.

Врачи признают, что качество и доступность такой помощи оставляют желать лучшего. Особенно, на их взгляд, в условиях мегаполиса страдает пожилое население, которому не так просто сегодня получить гарантированную помощь в больницах и которое вынуждено со всеми своими недомоганиями идти в поликлиники.

Представители среднего класса оценивают возможности государственной медицины относительно невысоко. Наибольшие нарекания у них вызывают откровенные поборы со стороны врачей и среднего медперсонала, особенно в больницах, огромные временные затраты, которые требуются для получения простейшей справки в поликлиниках, и, конечно, качество медицинской помощи. Однако все представители среднего класса признают, что институт государственных гарантий необходим *«хотя бы для тех бабушек и дедушек, малоимущих семей, которыми заполнены сегодня городские поликлиники, в силу невозможности оплатить услуги врачей в других местах»*.

Какие виды медицинской помощи нужны в системе госгарантий и кому они должны предоставляться, с точки зрения представителей среднего класса? Подавляющее большинство убеждено, что в экстремальных случаях бюджетная медицина просто необходима: *«Малоимущим, одиноким, пенсионерам, детям, студентам нужны гарантии, а остальные пусть платят. Непонятно, что делать с экстренными больными... Представляете ситуацию: больного экстренно доставляют в больницу, и врач его спрашивает: „А деньги у вас есть?“ А если нет, отправить умирать?..»* — недоумевает бухгалтер коммерческой компании. Следует признать, что ситуация в данном случае действительно затруднительная, и здесь вряд ли могут быть предложены простые и разделяемые всеми решения.

Но не только альтруизм в отношении малоимущих движет представителями среднего класса, когда они говорят о необходимости сохранения государственной медицины. Некоторые из них убеждены в том, что в случае тяжелых заболеваний они, вероятно, не будут в состоянии оплатить всех требуемых расходов. В этом случае помощь со стороны государства будет им необходима. Одновременно такие виды медицинской помощи, как высокотехнологические операции, качественная и быстрая диагностика, консультации высококвалифицированных врачей, стоматологическая помощь и другие, могут предоставляться, по оценкам среднего класса, платным образом.

Представители хай-класса в своих интервью проявляют относительно низкую заинтересованность в сохранении госгарантий для поддержания своего здоровья, но вместе с тем убеждены, что она необходима и не может быть отменена.

Особое место в оценках среднего класса отводится системе ведомственных больниц и поликлиник. Как следует из данных, полученных в фокус-группах, удовлетворенность работой этой системы, особенно у государственных служащих и клерков, по сравнению с предпринимателями, несколько выше, чем оценка обычных больниц и поликлиник. В то же время те респонденты, которые пользуются ведомственными учреждениями регулярно, свидетельствуют о том, что и там не избежать очередей, а аппаратура многих клиник нуждается в обновлении. Состояние ведомственных медицинских учреждений сильно диверсифицировано и зависит от готовности или неготовности ведомства содержать свою лечебную инфраструктуру в должном порядке. Именно поэтому диапазон оценок, данных ведомственной инфраструктурой представителями среднего класса, сильно поляризован — от самой высокой степени удовлетворенности до самой низкой.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что пока средний класс не хочет и не может отказаться от бюджетной медицины и государственных гарантий. Для него более приемлема ситуация, при которой можно обращаться и к системе госгарантий, и к платной медицине. Величина свободных финансовых средств не позволяет среднему классу оплачивать все виды требуемой помощи, а лишь дает возможность компенсировать из собственных доходов некоторые виды медицинских услуг, доступные по цене. Не менее значимы и ценностные ограничения: представители среднего класса отвергают любые изменения, которые могут нарушить принцип справедливости и равной доступности медицинской помощи для всех слоев населения.

КАК СРЕДНИЙ КЛАСС ВЫБИРАЕТ МЕДИЦИНСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ И ВРАЧА

Диверсификация поведенческих стратегий среднего класса проявляется в выборе частной или бюджетной медицины, тех или иных медицинских учреждений, а также конкретного врача².

² Заметим, что, согласно данным исследования, проведенного под руководством Н.Е. Тихоновой, средний класс проявляет заметно большую активность в посещении врачей по сравнению с остальным населением. Доля посещавших врачей чаще одного раза в год среди среднего класса на 10–18% выше по сравнению с остальным населением. Это свидетельствует о том, что для среднего класса выбор медицинского учреждения и/или врача — это не эпизодический и не случайный выбор, поэтому его представители не могут не задумываться о том, как оптимально для своего времени и здоровья осуществлять выбор.

Опросы врачей, проведенные в 2002 и 2007 гг., дают однозначную и мало меняющуюся картину того, какие правила обращения за медицинской помощью сформировались за эти годы у населения. Прежде всего врачи отмечают, что поведение пациентов разнится в случае экстренной и плановой медицинской помощи. Когда больного привозят на «скорой помощи», вероятность собственного выбора у него, конечно, сохраняется (например, в случае знакомства или платы врачам «скорой помощи»), но все же выбор пациента минимален. Он вынужден отдаться в руки судьбе, по крайней мере на первом этапе. В дальнейшем больной может перейти к другому врачу, но не исключено, что это потребует неформальных платежей.

Сами врачи говорят, что положить своих знакомых в собственную больницу, если на то нет официальных оснований, даже им проблематично. Они вынуждены маскировать плановую помощь под экстренную, чтобы иметь возможность лечить больного.

Если помощь запланирована, то наибольшее преимущество, по мнению врачей, имеют медицинские учреждения и врачи, хорошо зарекомендовавшие себя и во врачебной среде, и среди простого населения. Пациенты с достатком предпочитают опытных и известных в городе или области врачей. Именно на них больные *«возлагают все свои надежды на излечение и готовы ждать месяцами, чтобы попасть на лечение именно к этому врачу»* в том случае, если деньги не позволяют сократить очередь до минимума. В свою очередь менее состоятельные пациенты вынуждены *«подчиняться ситуации и пользоваться помощью тех врачей, услуги которых им по карману»*. При этом врачи убеждены, что состоятельные клиенты, дожидаясь нужного им врача, и не желающие получать помощь от другого, менее авторитетного, *«теряют драгоценное время и иногда вредят своему здоровью, но никакие уговоры на них не действуют»*.

Интервью и фокус-группы практически повторяют оценки врачей по поводу ригидности стратегий выбора врача и медицинских учреждений представителями среднего класса. Большинство представителей среднего класса, как показывают данные опросов, убеждены в том, что единственно надежное средство получения хороших результатов лечения — выбор врача, а не клиники. И это не случайно. Даже в авторитетных клиниках могут работать врачи, не обладающие должным профессиональным опытом.

Объясняя, почему выбор доктора имеет преимущество перед статусом медицинского учреждения, бюджетного или частного, представители среднего класса говорят, что и в том, и другом случае платить все равно придется: *«Я выбираю не платную или бесплатную медицину, а врача. Когда недобросовестные платные врачи находят у тебя какое-то заболевание, они готовы тебя раздеть»*.

Таким образом, **стратегия выбора врача** независимо от места его работы сегодня более предпочтительна для представителей среднего класса. Вторая, менее распространенная стратегия — **выбор медицинского учреждения**, авторитетного среди лечащих и знакомых врачей и одновременно являющегося лидером в своей специализации. В основе такого выбора — уровень обеспеченности медицинского учреждения хорошей диагностической техникой и врачами, занимающимися разработкой новых технологий, ведущими научные исследования, хорошо знакомыми с новейшими методами лечения. При этом заранее предполагается, что авторитетные научные центры ведут тщательный отбор своих кадров и попасть в подобном учреждении в руки врача с низкой квалификацией практически невозможно. Это, по мнению представителей среднего класса, повышает вероятность получения квалифи-

цированной медицинской помощи и помогает избегать устаревших методов лечения.

Если сравнивать стратегии выбора врача у представителей среднего класса и хай-класса, то оказывается, что для последних важен не только выбор врача. Помимо качества медицинской помощи, определяющим для них являются комфорт и обеспеченность хорошим диагностическим оборудованием: *«Это даже не обсуждается, оборудование должно быть лучшим. Комфорт? Он должен быть, безусловно... В грязной клинике с осыпающейся штукатуркой я не просижу ни минуты...»* Таким образом, богатые люди не хотят мириться с плохими условиями в стационарах, отсутствием современной диагностической техники, очередями, какой бы квалификации врачи их ни лечили. Снижение стандартов комфортности возможно в случае экстренной помощи, но впоследствии они согласны приложить дополнительные усилия, чтобы обеспечить себе или родственникам необходимый уровень комфорта. Требования среднего класса по сравнению с богатыми людьми менее категоричны, хотя нельзя не признать, что комфорт и качество оборудования и для них имеют существенное значение.

Ориентированы ли представители среднего класса на лечение текущей болезни или согласны инвестировать свои ресурсы в профилактику возможных в будущем заболеваний? Результаты исследования дают основания утверждать, что, несмотря на высокую ценность здоровья, средний класс в большинстве своем ориентирован на короткие стратегии поддержания своего здоровья. Представители среднего класса предпочитают лечить заболевание в тот момент, когда оно проявилось, и именно за это платить деньги. Поведение среднего класса при обращении за медицинской помощью легко укладывается в рамки известной поговорки: *«Пока гром не грянет, мужик не перекрестится»*.

Отсутствие мотивации формирования долгосрочных стратегий в поддержании здоровья у большинства опрошенных, по мнению представителей среднего класса, обусловлено не только нехваткой времени и средств, но и отсутствием культуры профилактики здоровья, которая в России, к сожалению, пока не сложилась. Небольшая часть респондентов ориентирована на более длинные стратегии лечения, но только в отношении определенных болезней, которые в прошлом уже доставили им неприятности.

Итак, проделанный анализ стратегий обращения за медицинской помощью и выбора врача показал, что поведение представителей среднего класса в этих случаях имеет ряд особенностей. Средний класс ориентируется преимущественно на репутацию и квалификацию врача, а не на форму собственности того или иного медицинского учреждения. Оно может быть бюджетным или частным, в любом случае лечение будет оплачено — официально, в кассу, или в карман врачу. Таким образом, репутация врача и уровень его профессионализма для подавляющей части представителей среднего класса важнее, чем уровень медицинского учреждения, в котором тот работает. Не вызывает сомнения и тот факт, что сочетание авторитета врача и репутации медицинского учреждения все же наиболее предпочтительно, нежели только авторитет врача, при прочих равных условиях.

Небольшая часть среднего класса настаивает на необходимости обращения за медицинской помощью в специализированные медицинские учреждения — лидеры в научных исследованиях и разработках в данной отрасли медицины, так как это гарантирует использование более современ-

ных методов лечения, защищает от неквалифицированного вмешательства. В этом случае репутация медицинского учреждения преобладает. Однако все же предпочтительнее сочетание авторитета медицинского учреждениями с хорошими рекомендациями работающих там врачей.

Представители хай-класса еще более требовательны к квалификации врача и авторитетности медицинских учреждений. Их стратегии поиска одновременно ориентированы и на врачей-звезд, и на репутацию клиник. В известном смысле требования богатых людей более синтетичны, а преград для получения качественной медицинской помощи у них существенно меньше, даже в сравнении со средним классом. Их мотивация поддержания своего здоровья включает профилактику, однако высокая загруженность не всегда позволяет реализовывать упреждающую стратегию поддержания здоровья.

Таким образом, преимущественная ориентация среднего класса на короткие стратегии поддержания здоровья в ущерб длинным имеет под собой как объективные, так и субъективные основания. Демонстрируемые стратегии носят достаточно инерционный характер и вряд ли могут быть изменены одномоментно.

ИНСТИТУТ ПЛАТНОЙ МЕДИЦИНЫ ДЛЯ СРЕДНЕГО КЛАССА: ЗА ЧТО И КОМУ СОГЛАСНЫ ОФИЦИАЛЬНО ПЛАТИТЬ ОБЕСПЕЧЕННЫЕ ПАЦИЕНТЫ?

Социологические исследования разных лет фиксируют явную зависимость между величиной доходов населения и официальной платой за медицинские услуги. Так, по данным РМЭЗ, в 2004 г. самые состоятельные пациенты платили за визит к медработникам почти в 2,5 раза чаще, чем представители групп с более низкими доходами. Наиболее часто состоятельные пациенты обращались за платной амбулаторной помощью, причем делали это по собственному желанию.

Опираясь на данные различных исследований [Российское здравоохранение..., 2004, с. 37], можно утверждать, что представители среднего класса демонстрируют более выраженную готовность к пользованию платными услугами по сравнению с низкодоходными группами населения.

Исследования 2008 г. подтвердили эту закономерность. Если среди представителей среднего класса пользовались платными медицинскими услугами 56% респондентов, то среди прочих слоев населения этот показатель был почти в 2 раза ниже (31%) [Тихонова Н.Е., 2002, с. 104].

Важно, что именно средний класс рассматривает затраты на отдельные виды платной помощи как необходимые и возможные, так как здоровье для него — важный ресурс для сохранения требуемого уровня интенсивности труда и избавления от риска потери работы. Причина обращения к платной помощи — низкое качество аналогичных бесплатных медицинских услуг [Тихонова Н.Е., 2002, с. 104]. В то же время прочее население, прежде всего малообеспеченные, пытается с помощью денег бороться с недоступностью медицинских услуг.

Оценки самих врачей 7-летней давности относительно перспектив развития платной медицины были весьма настороженными. В ходе интервью, проводившихся в 2002 г., большинство врачей рассматривало развитие платных услуг в своих учреждениях как преждевременный процесс, во многом

вынужденный, возникший в силу необходимости зарабатывать деньги для сохранения в рабочем состоянии своих медицинских учреждений. Вовлеченность врачей в практику предоставления платных услуг была относительно низкой и не превышала 15–20%. Противники развития системы платных услуг настаивали на том, что этому не соответствуют ни состояние материальной базы медицинских учреждений, ни готовность населения платить за услуги врачам, ни правила предоставления платной помощи. Аргументация врачей во многих случаях была вполне рациональна.

В основе негативных оценок лежала в первую очередь слабая заинтересованность врачей в предоставлении платных медицинских услуг. И их вполне можно было понять. Врачи, которые непосредственно оказывали платные медицинские услуги больному, получали на руки не более 10–15% и лишь в редких случаях около 20%. Такое распределение средств врачи считали несправедливым. В поликлиниках к недовольству, связанному с несправедливостью распределения, прибавлялось недовольство тарифами на оказание платных услуг, что в конечном итоге формировало повышенную неудовлетворенность врачебного корпуса системой оказания платных медицинских услуг.

Результаты исследований 2007 г. позволяют говорить о том, что готовность врачей к оказанию платных услуг за прошедшее 5-летие существенно возросла. По нашим данным, около половины всех опрошенных врачей (47%) имели надбавки к зарплате за предоставление платных услуг [Российское здравоохранение..., 2008, с. 83], т.е. фактически были вовлечены в практику предоставления платных услуг³. Однако это далеко не повсеместное явление. До сих пор в некоторых учреждениях процент получаемых врачом средств остается униженно низким: «*Наша больница зарабатывает приличные деньги, но врачам от этого ни горячо, ни холодно. Нам на зарплату выделяют от 3 до 7%. Это оскорбительно...*» — замечает один из наших респондентов.

В частных клиниках доля средств, попадающих в руки врачей от лечения больного по системе платных услуг, значительно выше, чем в государственной медицине, и составляет, по оценке врачей, 20–40% от объема получаемых за лечение денег. Такое распределение доходов формирует большую удовлетворенность врачей частных клиник размером получаемого вознаграждения. Именно поэтому они оценивают его как более справедливое по сравнению с врачами из бюджетной медицины [Российское здравоохранение..., 2008 с. 99].

Однако в своих интервью врачи, как и раньше, говорят о недопустимости предоставления платных и бесплатных услуг под одной крышей. Справедливости ради стоит заметить, что многие медицинские учреждения за прошедшие годы сделали немало, чтобы развести платные и бесплатные

³ Большинство врачей из стационаров свидетельствовали о том, что в среднем 15–20%, иногда эта цифра достигала 25%, в получаемой ими зарплате принадлежит средствам от платных услуг. Многие из них сегодня воспринимают платные услуги как единственно возможное средство для увеличения своих доходов.

Врачи амбулаторно-поликлинических учреждений имеют существенно меньшую долю от платных услуг в заработной плате, но и эта доля за истекшие 5 лет возросла, по их собственным оценкам, в 1,2–1,5 раза у врачей-специалистов первой или высшей категории, а также у врачей, осуществляющих диагностику с помощью сложной аппаратуры. Администрация медицинских учреждений научилась более рационально распределять средства от платных услуг, несколько сократив долю отчислений на административный аппарат, что помогло обеспечить более лояльное отношение врачей к системе платных услуг.

услуги, выделив, где это возможно, отдельные помещения с отдельным входом для лечения платных больных⁴.

Сегодня, как и 7 лет назад, для многих врачей «*неясно, откуда берутся тарифы на те или иные услуги и как они рассчитываются*». Непрозрачность технологии установления цен до сих пор остается причиной скрытых конфликтов в медицинских учреждениях. Несмотря на то что вопрос распределения надбавок за платные услуги сегодня решается в большинстве медицинских учреждений с участием коллективного органа — совета трудового коллектива или экономического совета, до сих пор около четверти врачей убеждены в том, что «*не удастся добиться справедливости в распределении надбавок за платные услуги*», причем «*административное своеволие и некомпетентность бухгалтерии*» продолжают определять действующие практики распределения доходов от платных услуг.

Однако, в целом, можно говорить о том, что готовность врачей к оказанию платных медицинских услуг за прошедшие годы значительно возросла. Сегодня участие в оказании платных медицинских услуг медицинскими работниками воспринимается как признание их профессионального мастерства, а не только как возможность заработать дополнительные деньги.

В то же время материалы опроса врачей не дают основания утверждать, что процесс формирования условий для предоставления платных услуг пациентам завершен. Для эффективного развития подобной практики требуется серьезное повышение квалификации врачей, работающих в бюджетных учреждениях, наращивание кадрового и профессионального потенциала работников бухгалтерий, улучшение качества менеджмента стационаров и амбулаторных учреждений.

Готов ли средний класс официально оплачивать медицинские услуги? За что он согласен платить в первую очередь? И что он сам думает по этому поводу?

Результаты, полученные в ходе исследования «Анализ различий в доступности медицинской помощи для населения России», проведенного в 2007 г. [Российское здравоохранение..., 2008, с. 51], позволяют предположить, что готовность среднего класса оплачивать расходы на медицинскую помощь должна быть относительно высокой. Именно обеспеченные слои населения, как следует из этого исследования, заметно чаще других выражают готовность в отдельных случаях перейти на платные формы медицинского обслуживания, даже когда существует формальная возможность получения этих же услуг бесплатно. К примеру, только 6% обеспеченных пациентов были согласны в любом случае ждать очереди на бесплатное обследование, тогда как среди малообеспеченных людей численность таковых составила 49% [Российское здравоохранение..., 2008, с. 53].

Какими мотивами руководствуется средний класс, выбирая те или иные стратегии лечения для себя?

⁴ Важно, что сочетание платного и бесплатного медицинского обслуживания на базе государственных медицинских учреждений вслед за врачами негативно воспринимается и большинством населения. Около 40% всех опрошенных и 31% обеспеченных респондентов отрицательно оценивают такую практику, полагая, что развитие дополнительной платной медицинской помощи в государственных поликлиниках и больницах приводит к ухудшению функционирования бесплатной системы медицинского обеспечения. Однако именно среди состоятельных людей наиболее высокая доля тех, кто убежден, что сочетание платной и бесплатной медицинской помощи ведет не к ухудшению, а к улучшению бесплатной помощи, подтягивая ее к стандартам платной.

Сегодня средний класс, официально или неофициально, является активным потребителем платных услуг, предоставляемых медицинскими учреждениями. Он готов сокращать время ожидания в очередях или сроки попадания в стационар, стремится получать качественную медицинскую помощь и способен в полной мере осознать ценность здоровья благодаря высокому образовательному уровню. Кроме того, он убежден, что *«бесплатной медицины в России нет, потому как и бесплатным врачам надо платить, но в карман»*.

Практически все представители среднего класса — участники фокус-групп и интервью — говорят о том, что сегодня они за медицинскую помощь платят и намерены платить в перспективе, если та предоставляется квалифицированными врачами. Кроме квалификации, представители среднего класса согласны платить за сокращение временных издержек и индивидуальный подход врача к больному. Это означает не только коммуникативную активность и доброжелательность со стороны врача, но и способность к точной диагностике и индивидуальному назначению лечения.

Условием для расширения системы платных услуг, по мнению некоторых представителей среднего класса, должна быть конкуренция среди врачебного корпуса, понимание того, что не каждому врачу стоит платить деньги за его услуги, а лишь тем, кто имеет хорошую репутацию и считается лучшим во врачебном сообществе: *«Невидимый рейтинг среди врачей все равно существует. Мы же знаем, какой врач хорошо лечит, а какой нет. К тому, кто лечит плохо, мы не пойдем и за деньги»*, — замечает профессор вуза. Это необходимое условие, так как наибольший страх у представителей среднего класса вызывает перспектива перехода на 100%-ную оплату медицинских услуг, благодаря которой *«придется платить и неграмотным врачам, <...> которые сядут на место платных врачей и будут лечить так же плохо, как и без денег»*.

Однако не следует считать, что представители среднего класса ориентированы только на получение платной медицинской помощи и совсем не доверяют квалификации врачей, работающих в государственных больницах и поликлиниках на бесплатной основе. Большинство из них убеждено, что *«отсутствие системы официальной оплаты ничего не говорит об уровне квалификации врача. Следует ориентироваться на конкретного врача»*.

Таким образом, оплата медицинских услуг в глазах среднего класса является не только средством демонстрации своего жизненного успеха, а в первую очередь средством защиты от низкоквалифицированной медицинской помощи, которую может предоставить бесплатная медицина. Большинство респондентов подчеркивает, что стремление платить за качество предоставляемых услуг вовсе не означает согласия на запредельные цены, которые сегодня все же не по карману среднему классу, хотя бы потому, что он не располагает безграничным объемом средств, а считать деньги, несмотря на достаток, все-таки умеет.

У представителей хай-класса предпочтительность платных услуг перед бесплатными не вызывает сомнений. Они согласны платить за все виды услуг, включая экстренную помощь, но не отвергают вероятности *«использования своего капитала знакомств, чтобы по возможности уменьшить расходы на лечение»*.

Итак, институт платных услуг, сформировавшийся к настоящему времени в России, исключительно востребован у представителей среднего класса. Причина подобной востребованности — **избыточно негативные ожидания в от-**

ношении качества медицинской помощи, которую может предоставить пациентам государственная медицина. Феномен негативных ожиданий в отношении государственной медицины, в свою очередь, порождает повышенный спрос на платные услуги у тех пациентов, которые могут платить за лечение.

В целом можно утверждать, что представления врачей и пациентов относительно возможностей платной медицины существенно не расходятся между собой: и те, и другие понимают ограничения этого института для удовлетворения запросов среднего класса. Однако уровень психологического доверия к системе платных услуг и со стороны врачей, и со стороны пациентов еще относительно невысок. С подобным положением дел примиряет лишь то, что уровень доверия к бесплатной медицине еще ниже. Не может не вызывать тревогу и тот факт, что врачи, непосредственно привлеченные к осуществлению платных услуг, не демонстрируют достаточной мотивационной включенности, хотя и признают, что платные услуги для многих — единственный способ увеличить свои маленькие зарплаты.

Идея соплатежей как возможный выход из сложившейся ситуации недоверия звучала в интервью с представителями среднего класса достаточно настойчиво. И вновь приемлемым для себя средний класс считал разделение трат на медицину между государством и состоятельным населением, при условии что государство берет на себя более затратную часть, а на его долю приходится меньшее финансовое бремя. Потребность в диверсификации стратегий сохранения своего здоровья у среднего класса, когда он рассчитывает одновременно и на платную, и на бесплатную медицину, вполне рациональна, так как повышает вариативность предоставления медицинской помощи, охраняя средний класс от непредвиденных и неподъемных трат на здоровье.

Оценки представителей среднего класса подтверждают тот факт, что платная медицина, оставаясь востребованной у пациентов из этой страты, к сожалению, не может гарантировать потребителю приемлемого соотношения цены и качества услуги. В условиях только начинающегося в России кризиса представители среднего класса пока способны платить запрашиваемые медиками средства, но смогут ли они делать это в дальнейшем, определенно утверждать нельзя. Как свидетельствуют данные исследования, большинство представителей среднего класса в условиях кризиса экономить на здоровье не собираются, но никто из них не может сказать, как глубоко этот кризис затронет их собственные намерения в отношении здоровья.

Таким образом, результаты нашего исследования подтверждают вывод, полученный НИСП в 2007 г. в массовом опросе: «Даже обеспеченные и либерально настроенные слои населения не готовы к полному отказу от патерналистской модели организации здравоохранения. <...> Сохранение финансируемой государством системы бесплатного оказания медицинской помощи выступает общественным императивом» [Российское здравоохранение..., 2008, с. 52].

СРЕДНИЙ КЛАСС И НЕФОРМАЛЬНАЯ ОПЛАТА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Практики неформальной оплаты медицинских услуг и сопровождающие их институциональные изменения НИСП изучает с 2002 г. По результатам исследования неформальных платежей в медицине к настоящему периоду

опубликовано несколько монографий, а также сборников статей, в которых описание и анализ этих практик приводится достаточно развернуто [Бесплатное здравоохранение..., 2002; Неформальные платежи за медицинскую помощь..., 2003; Российское здравоохранение..., 2004; Российское здравоохранение..., 2008 и др.]. В настоящем исследовании мы остановимся лишь на некоторых закономерностях функционирования практик неформальных платежей и на тех изменениях, которые претерпели эти практики за 5 лет, разделяющие исследования [подробнее об этом см. Российское здравоохранение..., 2008].

Воздействие различных факторов, вышедших на первый план за истекшее 5-летие (рост государственных расходов на здравоохранение, введение федеральных доплат работникам здравоохранения, активизация борьбы против получения врачами денег от пациентов и др.), привело к разнонаправленным изменениям в практиках неформальных платежей в разных секторах оказания медицинской помощи.

Обобщая тенденции институциональной динамики неформальной оплаты медицинской помощи, базирующиеся на оценках врачей и руководителей медицинских учреждений, можно сделать вывод о том, что на периферии пространства таких практик происходило сокращение их масштабов как под воздействием проводимой государственной политики (усиление санкций со стороны правоохранительных органов и значительное, но селективное увеличение оплаты труда медикам), так и за счет развития легального рынка медицинских услуг, расширяющего альтернативные возможности получения доходов врачами. Напротив, в зонах большого распространения неформальных платежей масштабы незаконных выплат росли. Более того, развивались их институциональные формы (широкое использование модели оплаты по конспирируемому тарифу) и усиливалась их легитимизация в сознании врачей.

Разнонаправленность институциональных изменений фиксирует как анкетный опрос врачей, так и материалы интервью⁵.

В целом исследования 2002 и 2007 гг. **фиксируют высокую готовность состоятельных пациентов к неформальной оплате**, за некоторыми исключениями, обусловленными социальным капиталом или административными ресурсами (например, госчиновники), способными заменить для таких пациентов неформальные платежи. В чем причина такой высокой готовности? Прежде всего эта готовность определяется страхом не получить вовремя квалифицированную помощь, который мобилизует пациентов на то, чтобы добиваться от врачей с помощью денег или другого капитала того, чего те, по мнению пациентов, могут и не сделать, если требуемых денежных вливаний не будет.

Чего состоятельные пациенты хотят от медиков за свои деньги, по оценкам врачей? Недостаточно разбираясь в качестве оказываемой помощи, как считают врачи, состоятельные пациенты хотят выкупить с помощью денег внимание, индивидуальный подход, сокращение времени ожидания приема у авторитетного врача, хорошую диагностику, качественные материалы для операции, приличные условия нахождения в больнице и др. При этом

⁵ Так, 45% опрошенных врачей убеждены, что практики оплаты труда врачей в конвертах за последние 5 лет расширились, 42% считают, что они остались прежними, и лишь 11% отметили их уменьшение. В интервью тенденция сужения практики неформальных платежей прослеживается более заметно.

врачи убеждены, что если обеспеченные люди не имеют административного ресурса (не занимают высоких должностей во власти, партии, административных структурах) и не имеют сверхдоходов, рождающих повышенные амбиции, то они *«не упрямятся и дают деньги врачам без сопротивления, хорошо понимая, какие маленькие зарплаты платит медицинским работникам государство»*.

По версии врачей, неформальные платежи от представителей среднего класса — *«естественное желание состоятельной прослойки населения восстановить справедливость в оплате и поддержать авторитет врачей в их собственных глазах»*.

Именно этим врачи объясняют тот факт, что крупные и мелкие предприниматели помогают больницам и отдельным отделениям в них сделать ремонт, приобрести компьютерную технику, мебель, хирургические и иные инструменты. Они спонсируют врачей в поездках по России и за рубежом для участия в симпозиумах и конференциях, причем во многих случаях инициатива исходит от предпринимателя, который предлагает посильную помощь в таких необходимых для стационаров и поликлиник формах. Бесспорно, хирургические, гинекологические, родильные и урологические отделения в стационарах имеют преимущества перед другими инфраструктурными единицами, но и эти вложения спонсоров помогают медицинским учреждениям хоть как-то поддерживать свою инфраструктуру.

Некоторые из врачей настаивают на том, что неформальные платежи не только помогли врачам выжить в середине 1990-х, но и впоследствии *«дали толчок развитию профессионализма врачей»*.

Врачи убеждены, что *«если бы деньги приходилось брать только от состоятельных пациентов, вопрос о неформальных платежах можно было бы снять с повестки дня»*. Тем более если бы деньги платились в виде благодарности и означали бы удовлетворенность больного проведенным лечением. В этой ситуации каждая из сторон «теневых контрактов» достигала бы своих целей. Однако не все так благополучно, когда речь идет об обеспеченных клиентах и неформальных платах врачам. В реальности врачи не исключают, что некоторые пациенты из среднего класса становятся объектом вымогательства со стороны врачей, благодаря чему *«им приходится платить за лечение больше деньги, чем рядовым пациентам»*. Не исключается врачами и такой вариант, что их собратья по цеху намеренно *«пугают состоятельных пациентов, чтобы получить от них дополнительное вознаграждение за лечение»*. Однако не только врачи, по мнению медиков, завышают цену своих усилий.

Оценивая возможности среднего класса платить за медицинские услуги, некоторые врачи убеждены в том, что состоятельные люди мобилизуют все свои связи, чтобы снизить цены на услуги врача или совсем отказаться от выплат, а в результате *«еще и недоплачивают врачам, потому что норовят воспользоваться знакомствами или своим статусом...»*.

Столь высокие ожидания врачей относительно доплат со стороны обеспеченных пациентов, переоценка собственных усилий, с одной стороны, и естественное стремление представителей среднего класса обезопасить себя от некачественного врачебного вмешательства — с другой, приводят к завышению цен на медицинские услуги на неформальном рынке. Это, в свою очередь, негативно сказывается на менее состоятельных пациентах, которые вынуждены подстраиваться под принятые теневые цены, рамки которых задают более денежные пациенты. Хотя нельзя не признать, что цены на теневом рынке услуг формируются достаточно гибко, учитывая интересы обеих сторон.

Этим негативные следствия, порождаемые готовностью среднего класса платить врачам в карман, не ограничиваются. Руководители лечебных учреждений говорят о том, что желание среднего класса сэкономить на формальных платежах приводит к «теневому контракту» между врачом и пациентом, в результате которого страдает лечебное учреждение, не дополучающее доходы по платным услугам.

Не менее неприятное последствие — поведение среднего медперсонала, который привыкает к платам от состоятельных пациентов и перестает добросовестно выполнять свои функции, если речь идет о менее обеспеченных людях, которые не могут доплачивать за уход.

Таким образом, врачи справедливо фиксируют весьма противоречивое влияние практики неформальных платежей на состояние институтов здравоохранения, однако в их оценках явно **переоценивается добровольный характер неформальных плат** за врачебные услуги со стороны состоятельных пациентов.

Суждения о распространенности практик неформальной оплаты со стороны самих представителей среднего класса вскрывают поистине широчайший масштаб данного явления. К мнению о том, что это явление приняло массовый характер, присоединяются все группы опрошенных из представителей среднего класса — от клерков и специалистов до менеджеров и владельцев малого бизнеса — не только в Москве, но и в регионах России: *«В бюджетных больницах всегда все деньги идут в карман врача. Это стало нормой, даже если ты официально заплатил деньги в кассу за операцию или обследование...».*

Понимая, что не заплатив в карман, можно остаться без помощи, средний класс, как и остальное население, неофициально платит за более точную диагностику, сокращение времени ожидания в очередях, выбор врача в поликлиниках. В стационарах он готов платить среднему медперсоналу за уход, хирургам за высокотехнологические операции, а всем остальным врачам — за качество лечения, внимание и индивидуальный подход. В противном случае риски получить некачественную помощь резко возрастают.

Особые деньги представители среднего класса согласны платить за квалификацию врача, его научный и административный статус, чтобы избежать непредвиденных последствий. Услуги среднего медперсонала, по мнению состоятельных людей, также должны оплачиваться — это сохраняет время и дает надежду, что ты сам и твои родственники не окажутся без помощи. Объясняя мотивы подобных неформальных выплат, представители среднего класса говорят о том, что *«так дешевле и удобнее, тем более если тебя лечит знакомый доктор... Хотя для такой формы оплаты требуется взаимное доверие, иначе этого не стоит делать...».*

Некоторые обеспеченные пациенты поступают так, руководствуясь императивом справедливости, полагая, что если заплатить деньги в кассу, врачу из этой суммы достанется слишком мало. Другие убеждены в том, что если денег не дать, это плохо отразится на больных, которые будут вынуждены терпеть плохое настроение врача и медперсонала. Некоторые из респондентов специально подчеркивают, что неформальные выплаты врачам превратились в повседневные нормы и воспринимаются пациентами как нечто само собой разумеющееся, хотя для такого восприятия нет никаких оснований, ведь самим платящим деньги за их услуги никто не предлагает.

Лояльные к врачам пациенты настаивают на том, что средний класс сам воспроизводит механизм неформальных выплат, так как привык к нему с детства и не считает нужным разрушать его даже в ущерб своему кошельку: *«Почему я плачу деньги в карман врачу? Это традиция. Так сложилось достаточно давно, еще в советские времена. Когда я была маленькая, мама носила врачу конфеты. И сейчас мне хочется отблагодарить врача»*.

Живучесть этой традиции обуславливается еще и тем, что *«выплаты врачам не такие уж дорогие»*, иначе платить за подобные услуги было бы не под силу.

Однако подобную лояльность к врачам демонстрируют далеко не все представители среднего класса. Их в первую очередь возмущает то, что врачи не брезгают «скрытым вымогательством», фактически ставя больных перед необходимостью платить, что явно расходится с представлениями врачей о добровольности подобных выплат: *«Врачи любой ценой хотят получить деньги от больного, вплоть до того, что он не войдет в палату, если не заплатишь. Каждый раз врачу надо дать с его согласия и многозначной улыбки!»* — восклицает один из участников фокус-группы.

Размышляя о ценообразовании и моделях неформальных платежей, представители среднего класса говорят о том, что они имеют определенную долю свободы в выборе суммы платежа врачу. Но им проще, когда врачи сами озвучивают стоимость оказываемой услуги, особенно если речь идет о консультации и последующем нестационарном лечении. Если врачи не соглашаются обсуждать цену с пациентом, возможны два варианта: подгонка цен под прейскурант платных услуг и выяснение цены услуги у знакомых, порекомендовавших данного врача.

Примечательно, что, платя деньги в кассу, нередко средний класс по своей инициативе дает дополнительные деньги или делает подарки врачам, как по окончании успешного лечения, так и в праздничные даты.

Для богатых пациентов вопрос платить или не платить не стоит. Они согласны платить, если врач им помог. Но все же более предпочтительной для богатых людей является пусть высокая, но официальная плата, которую они могут дополнять дорогими подарками или спонсорской помощью.

Итак, проведенное исследование подтвердило предположение, что именно обеспеченные люди склонны к неформальным выплатам как механизму защиты от некавалифицированной помощи врачей. Масштабы неформальных выплат в самых различных формах (деньги, подарки, спонсорская помощь) среди представителей среднего класса распространены максимально. Хотя состав участвующих в подобных практиках далеко не однороден по внутренней мотивации. Среди них можно выделить как минимум две группы лиц: **добровольных и вынужденных сторонников**. Добровольные сторонники убеждены, что *«справедливость должна быть восстановлена, если государство не хочет платить врачам»*, вынужденные же сторонники, не доверяя бесплатной медицине, согласны инвестировать деньги в качественную медицинскую помощь, в сокращение временных издержек, в комфортные условия пребывания в стационаре, а главное — в снижение риска от некавалифицированного врачебного вмешательства.

Представители среднего класса вслед за врачами убеждены в том, что неформальные выплаты позволяют им сэкономить на медицинских расходах, особенно если речь идет о государственной медицине, потому что *«бесплатной медицины не бывает»*. Хотя нельзя утверждать, что все представители среднего

класса используют механизм снижения официальной цены при неформальных выплатах. Скорее, подчиняясь традиции, они исходят из принятых среди других пациентов цен, следуя за размером установившейся в этом стационаре (отделении, палате) платы за услуги.

Характерно, что средний класс склонен поощрять врачей подарками, если лечение оказалось результативным или врач был внимателен к больному. Важно, что даже при официальной оплате состоятельные пациенты в ряде случаев могут доплатить врачу, понимая несправедливость распределения средств в пользу администрации и в ущерб лечащим врачам.

Наибольшую обеспокоенность у представителей среднего класса вызывают, однако, не врачи, а средний медперсонал — медсестры, работающие на «скорой помощи»: их настойчивые требования неформальной оплаты за доставку в нужную больницу переходят всякие границы.

Одновременно, пусть и единицы, но обеспеченные люди все же убеждены в том, что официальная плата предпочтительнее неформальной. Как ни парадоксально, такую установку генерируют пациенты, пользующиеся частной медициной, где контроль неформальных платежей строже.

Выявлены закономерности неформальной оплаты у представителей среднего класса как особой социальной группы позволяют заключить: именно средний класс является основным субъектом воспроизводства неформальных платежей в России. Страхи состоятельных россиян, подогреваемые врачами, служат мощным стимулятором таких платежей. Ценность здоровья остается ведущей у людей, которые научились зарабатывать деньги, и вряд ли они изменят свои ценностные приоритеты. Не случайно, подавляющее большинство согласны платить очень много, когда речь идет о жизни и смерти, собственной или близких людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОПТИМАЛЬНЫ ЛИ СТРАТЕГИИ СРЕДНЕГО КЛАССА ПО ПОДДЕРЖАНИЮ СВОЕГО ЗДОРОВЬЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ?

В ситуации, когда институты здравоохранения не могут обеспечить качественную медицинскую помощь, средний класс вынужден выкупать доступность и квалифицированные медицинские услуги у учреждений здравоохранения, используя официальные и, что более тревожно, неофициальные платежи.

Принципиально, что авторитетный врач, способный оказать квалифицированную медицинскую помощь, — ключевая фигура выбора. Лишь во вторую очередь представители среднего класса ориентируются на репутацию медицинского учреждения, хотя сочетание этих двух факторов наиболее предпочтительно. По мнению представителей среднего класса, эффективность лечения у квалифицированного и неквалифицированного врача настолько различна, что по этой причине стоит предпринимать усилия и тратить деньги.

Поиск и выбор нужного врача представители среднего класса осуществляют через «сеть знакомств», дополняя в ряде случаев рекомендациями врачей, которым пациенты доверяют. Такая стратегия, по мнению представителей среднего класса, дает наиболее надежные результаты, но не может применяться в экстренных случаях, когда времени на поиск врача по знаком-

ству не остается. В результате пациент вынужден подчиняться сложившимся обстоятельствам. Чтобы минимизировать риски, средний класс прибегает к разным моделям оплаты усилий врачей и среднего медицинского персонала, формально и неформально.

Несмотря на то что императив «за здоровье надо платить» не имеет под собой формальных обоснований, он реально организует сегодня работу как государственной, так и частной медицины. Корни этого императива уходят в советское время, где сформировалась устойчивая традиция благодарить врача, которая преобразовалась в установку «платить в карман».

Опрошенные в ходе исследования врачи в большинстве своем убеждены, что представители среднего класса нередко сами выступают инициаторами неформальных платежей, пытаясь компенсировать несправедливость государства. Отчасти это так, но лишь отчасти. Большинство представителей среднего класса считают себя вынужденными плательщиками.

Важно, что оплата в карман из эпизодического действия превратилась в устойчивый феномен благодаря страхам одних и обидам других на фоне неопределенности материального положения в будущем, что нередко, когда речь идет о среднем классе или низком уровне финансовой обеспеченности самих врачей.

Часть врачей по мере овладения новыми технологиями и расширением возможностей лечения превращаются в убежденных сторонников известной позиции «*квалификация врача стоит денег*». Именно они выступают своеобразными активаторами неформальной оплаты, особенно когда речь идет о представителях среднего класса. Наряду с оплатой по модели благодарности развиваются другие модели, в том числе модели конспирируемой оплаты и даже оплаты по тарифу, которые нельзя назвать лояльными по отношению к потребителям медицинских услуг. Хотя нельзя не отметить, что за последние 5 лет требования оплаты на периферии зоны распространения платных услуг несколько смягчаются, в их центрах, так называемых ядрах кристаллизации, они не только не уменьшаются, но и усиливаются. Это значит, что некоторые врачи все же сочли необходимым легитимизировать свои доходы за счет подработок в частных клиниках и иных местах, но назвать этот процесс массовым вряд ли возможно.

Государственная медицина, в свою очередь, оставаясь инерционным институтом, применительно к среднему классу ведет себя достаточно хищнически, предполагается, что если у людей есть деньги, то они обязаны платить за свое здоровье. Пациенты, имея избыточно негативные ожидания относительно возможностей бесплатной медицины, фактически следуют этим установкам врачей, а не борются с ними.

Широко развившаяся в последнее десятилетие практика оплаты денег в кассу позволяет снять часть проблем среднего класса, прежде всего проблему сокращения временных издержек, хорошей диагностики, дает возможность проведения высокотехнологических операций, но одновременно она не отменяет практики неформальной оплаты, которая доминирует во взаимоотношениях врача и пациента из среднего класса. Максимальное число участников исследования — представителей среднего класса свидетельствует о том, что они платили врачам в карман, чтобы защитить себя и своих родных от невнимания, плохого ухода и некачественной помощи.

Почему неформальные платежи оказываются ценностно предпочтительнее для людей среднего класса? Полученные оценки свидетельствуют о том,

что они не только позволяют сэкономить средства, которых не так и много, но и предстают в глазах среднего класса устоявшейся традицией, которую невозможно разрушить, не нанеся ущерба себе или близким.

Определенная роль в сохранении и воспроизводстве этой традиции принадлежит механизму распределения денежных средств, получаемых бюджетной медициной от платных услуг, которая в должной мере не учитывает интересы врача, непосредственно оказывающего ту или иную услугу, а отдает преимущество в выплатах администрации. В результате качество платной медицинской помощи ненамного выше той, которая оказывается бесплатно. Врач не мотивирован на достижение хорошего результата лечения. Это не может удовлетворить представителей среднего класса. Императив справедливости для обеспеченного россиянина дороже денег. Он согласен доплатить врачу в карман или сделать подарок, даже в том случае, если оплатил услуги в кассе.

Несмотря на то что платные медицинские услуги, за которые представители среднего класса согласны платить официально, решают далеко не все возникающие проблемы, тем не менее они отрицательно, по мнению респондентов, сказываются на качестве услуг, оказываемых бесплатно, понижая их до неприемлемого уровня. Однако это не означает, что представители среднего класса согласны отказаться от услуг бесплатной медицины совсем. Настаивая на том, что «*бесплатной медицины не бывает*», они все же убеждены, что бюджетные медицинские учреждения должны сохраняться. Основные причины две. Первая — стремление к справедливости. В случае отказа от бесплатной помощи малоимущие, старики, студенты окажутся без государственной поддержки, чего, по мнению представителей среднего класса, допустить никак нельзя. Вторая, не менее важная причина — страх перед тем, что даже у обеспеченных людей денег может не хватить на оплату всех медицинских услуг. Поэтому представители среднего класса являются сторонниками сочетания платной и бюджетной медицинской помощи, где за ними остаются разовые и недорогие платы, а за государством — экстренная помощь и дорогостоящие услуги при тяжелых заболеваниях.

Не исключено, что настойчивость в необходимости сохранения гарантированной государством медицинской помощи у среднего класса обусловлена тем, что у него пока не сформировалась стратегии профилактики здоровья. Большинство опрошенных признаются в том, что они лечат болезнь, когда она «*тебя прижала*». Мотивация такого поведения весьма разнообразна — от нехватки времени до отсутствия привычки. Тактические стратегии лечения, ориентация на избавление от текущей болезни, а не на профилактику порождают неуверенность в том, что в случае необходимости денег хватит на все этапы оказания медицинской помощи. Отсюда приверженность идеологии патернализма со стороны государства.

Таким образом, можно говорить о том, что стратегии среднего класса в поддержании собственного здоровья оказывают весьма противоречивое влияние на развитие российской системы здравоохранения. Вынужденность подобных стратегий не спасает положение. Представители среднего класса, поддерживая своими деньгами сложившиеся институциональные практики, делают систему здравоохранения далеко не оптимальной для самих себя. Более того, консервируя подобные практики, средний класс заставляет менее состоятельных пациентов следовать сложившимся традициям из-за страха не получить помощи вообще. Не хотелось бы представлять ситуацию та-

ким образом, что без негативных императивов, воспроизводимых средним классом, система российского здравоохранения резко шагнула бы вперед. Но нельзя не признать, что консервация действующих правил предоставления качественной медицинской помощи закрепляет в сознании врачей установку «за качественную помощь надо платить», что заметно удорожает медицинскую помощь и развращает систему здравоохранения изнутри. В то же время готовность платить за профессионализм стимулирует развитие врачебного сообщества, однако цена, которую платит за это средний класс и все остальное население, весьма высока.

ВЫВОДЫ

1. Средний класс сегодня вынужден выкупать у системы здравоохранения качественную медицинскую помощь, а не получать ее на общих основаниях. Несмотря на это, нельзя говорить о том, что система российского здравоохранения соответствует требованиям среднего класса. Спасает положение только тот факт, что средний класс в России научился создавать собственную систему защиты от некачественной медицинской помощи (сеть знакомств, денежные компенсации врачам в виде неформальных и официальных платежей и др.), однако и она не всегда гарантирует надежные результаты.
2. Средний класс демонстрирует выраженную готовность к сочетанию платной и бесплатной медицинской помощи. Установка на частичный патернализм побеждает идеологию равного партнерства с государством из-за недостатка ресурсов.
3. Страх перед неспособностью оплатить все медицинские услуги в случае тяжелой болезни и стремление к справедливости в отношении малоимущих делают средний класс сторонником сохранения государственной медицины.
4. Ценность здоровья у среднего класса достаточно выражена, однако он остается заложником коротких стратегий в поддержании своего здоровья.
5. Ни система государственной медицины, ни система частной медицины не могут удовлетворить потребности среднего класса. Поиск баланса развития этих институтов и есть путь совершенствования системы здравоохранения.
6. Неформальные платежи оказываются сегодня более ценностно-предпочтительными для среднего класса, чем оплата в кассу. Однако это не только механизм экономии собственных ресурсов, но и попытка компенсировать несовершенство системы оплаты труда врача для повышения его мотивации.
7. Какими бы мотивами ни руководствовался средний класс, доплачивая врачам неформально, ясно одно: поведение среднего класса на поле неформальных платежей оказывает весьма противоречивое влияние на развитие системы здравоохранения. С одной стороны, неформальные платежи поддерживают профессионализм врачей, с другой — воспроизводят негативные императивы «за качество надо платить», поддержание которых не по карману для остальных, менее состоятельных пациентов.

ЛИТЕРАТУРА

Бесплатное здравоохранение: реальность и перспективы. — М.: НИСП, 2002.

Неформальные платежи за медицинскую помощь в России. — М.: МОНФ, НИСП, 2003. С. 142.

Российское здравоохранение: мотивация врачей и общественная доступность / Под ред. С.В. Шишкина. — М.: НИСП, 2008. С. 50–52, 83.

Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет / Под ред. С.В. Шишкина. — М.: НИСП, 2004. С. 37.

Российское здравоохранение: мотивация врачей и общественная доступность. — М.: НИСП, 2008.

Тихонова Н.Е. Состояние здоровья среднего класса в России // Мир России. 2002. №4. С. 104.

ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В РОССИИ: ПОРТРЕТ ЗАЕМЩИКА¹

Бурдяк А.Я., магистр экономики, старший научный сотрудник Независимого института социальной политики

Молодая и неокрепшая система ипотечного кредитования в России оказалась сильно уязвимой в условиях экономического кризиса. Снижение доступности финансовых ресурсов на мировом рынке и сокращение инвестиционной активности в стране привели к шестикратному сокращению объемов выдаваемых ипотечных кредитов. Банки стали более осторожными в выборе клиентов ипотеки, так как кризис обнаружил реальность проблемы просроченных задолженностей по кредитам, доля которых продолжает увеличиваться. Серьезность сложившейся ситуации потребовала от государства принятия мер по реструктуризации ипотечных жилищных кредитов.

Мы рассматриваем социально-экономические характеристики ипотечных заемщиков (состав домохозяйства, уровень образования, положение на рынке труда) применительно к государственной программе реструктуризации ипотечных жилищных кредитов. В частности, мы оцениваем потребности различных типов домашних хозяйств-заемщиков в реструктуризации ипотечных займов.

Ипотечное кредитование является основным инструментом реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье». На этапе экономического роста возможности российских домохозяйств самостоятельно решать жилищные вопросы расширились не только вследствие роста доходов населения, развития строительства и сопутствующих отраслей, но и благодаря государственной поддержке системы рефинансирования ипотечных кредитов, для осуществления которой было создано ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию» (АИЖК). До 2008 г. ипотечное кредитование активно развивалось, увеличивались объемы ежегодно выдаваемых ипотечных жилищных кредитов и планомерно снижались ставки кредитования. Но кризис внес свои коррективы: в связи с неблагоприятной обстановкой на мировом ипотечном рынке и ростом процентных ставок по кредитам в России АИЖК в 2008 г. вынуждено было поднять ставки по ипотеке, отступив от намеченного их снижения. Программы ипотечного кредитования в условиях высокой неопределенности частично или полностью были банками свернуты.

В результате проведения правительством антикризисной политики², направленной на поддержку банковского сектора, к октябрю 2009 г. став-

¹ Статья написана на основе работы, выполненной в Независимом институте социальной политики в рамках проекта с Агентством по реструктуризации ипотечных жилищных кредитов (АИЖК) «Анализ ситуации рынка ипотечного кредитования в нынешних экономических условиях, применительно к государственной программе реструктуризации ипотечных жилищных кредитов». Участники проекта: Т.М. Малева, Л.Н. Овчарова, Н.В. Зубаревич, А.И. Пишняк, А.Я. Бурдяк, Е.Б. Головляница, М.А. Малкова.

² С Программой антикризисных мер Правительства РФ можно ознакомиться на сайте: <http://www.premier.gov.ru/anticrisis>

ки постепенно были снижены до уровня докризисного 2007 г., но объемы ипотечного кредитования по итогам трех кварталов текущего года сократились в 6 раз по сравнению с предыдущим годом. По прогнозам Агентства, при сохранении текущих условий функционирования рынка ипотечное кредитование будет поддерживаться в основном за счет трех крупнейших госбанков — Сбербанка, ВТБ-24, Газпромбанка (включая ГПБ-ипотеку) — при условии получения ими государственной помощи в виде выкупа пулов ипотечных кредитов государственными институциональными инвесторами, а также нескольких иностранных дочерних банков, имеющих доступ к более дешевому фондированию.

На текущий момент задачи расширения масштабов ипотечного кредитования отошли на второй план, уступив приоритетную роль вопросу проблемных и невозвратных ипотечных кредитов. Если считать долю просроченных задолженностей по международным стандартам (как отношение суммы кредитов с просроченным платежом к общему объему портфеля) — а именно этот вариант является корректным, по мнению экспертов АИЖК, — то эта доля в портфеле Агентства составит 12,1%³, и по итогам III квартала впервые за год начала сокращаться. Оценочно доля просроченных задолженностей по кредитам на балансах банков на треть выше. Агентство сопровождает 92,4 млрд руб. кредитов (на 1 октября 2009 г.), объем задолженности россиян по ипотечным жилищным кредитам на ту же дату, по данным ЦБ, составлял 974,5 млрд руб.

Среди антикризисных мер, принимаемых Правительством Российской Федерации и Банком России, призванных защитить граждан и экономику страны от кризисного шока и сохранить жизнеспособность российской финансовой системы, две группы мероприятий непосредственно связаны с ипотечным кредитованием: 1) предоставление уже в текущем году права на погашение ипотечных и жилищных кредитов из средств материнского капитала независимо от срока получения сертификата и 2) программа реструктуризации ипотечных кредитов.

Правом на досрочное погашение ипотечных и жилищных кредитов средствами материнского капитала, по состоянию на 2 ноября 2009 г., воспользовались почти 75 тыс. российских семей, перечисления из Пенсионного фонда составили 20,1 млрд руб.⁴ В целом ожидается, что до конца нынешнего года около 88 тыс. семей воспользуются данной мерой и сумма израсходованных средств составит 26,3 млрд руб. Всего в России свыше 1,6 млн чел. получили сертификат на материнский капитал, следовательно, почти каждый двадцатый уже воспользовался предоставленным правом досрочного использования средств на погашение жилищных кредитов. Размер материнского капитала в 2009 г. составляет 312 162,5 руб., и он по-прежнему подлежит целевому использованию по трем направлениям: на жилье, на образование детей и на пенсионное обеспечение матери.

Поддержка ипотечных заемщиков, оказавшихся в связи с кризисом в сложной финансовой ситуации, обеспечивает стабильность фундаментальных составляющих ипотечного рынка, является делом государства и осуществляется Агентством по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК). В целях поддержки ипотечных заемщиков, платежеспособность которых сократилась в ходе кризиса, уставной капитал АИЖК в 2009 г. увеличен государством на 20 млрд руб., и еще 40 млрд руб. выдано АИЖК

³ Сайт АИЖК, «Ипотека выздоравливает»: <http://www.ahml.ru/mcm.shtml?path=mcm091023-3.html>

⁴ Сайт Пенсионного фонда РФ: http://www.pfrf.ru/press_center/9032.html

в виде кредита. В составе АИЖК создана отдельная структура — Агентство по реструктуризации ипотечных жилищных кредитов (АРИЖК), которое занимается оказанием помощи ипотечным заемщикам независимо от того, в каком банке был взят кредит на жилье. Согласно консолидированной финансовой отчетности за 1-е полугодие 2009 г. по Международным стандартам финансовой отчетности (МСФО)⁵, АИЖК было выдано 32 645 тыс. руб. стабилизационных кредитов. Довольно небольшие объемы реструктуризации по сравнению с количеством просроченных выплат по кредитам объясняются тем, что только около 15% проблемных заемщиков обращаются в АРИЖК, а в остальных случаях банки пытаются идти навстречу клиентам и предлагают собственные программы поддержки. Надо также отметить, что сама программа реструктуризации является новой, а осторожность заемщиков обусловлена неуверенностью в уровне своих будущих доходов — предоставляемая поддержка не бесплатна, она увеличивает бремя платежей по кредиту в среднем на 14,6% по истечении льготного периода.

Проблема невыплат по кредитам во время экономического кризиса выходит за рамки банковского сектора и приобретает социальный характер. В условиях развивающегося экономического кризиса и общего ухудшения рынка труда важными задачами являются анализ потребности заемщиков в поддержке, а также оценка рисков попадания в трудную финансовую ситуацию домохозяйств различных социально-демографических типов, проживающих в разных поселениях и представляющих различные группы регионов.

Экономический контекст исследования. Анализ особенностей российского рынка труда позволяет выдвинуть гипотезу о том, что основные риски неплатежеспособности связаны не с последствиями кризиса, а с дефицитом потенциальных «хороших» заемщиков еще на этапе экономического роста, что в первую очередь обусловлено структурой рабочих мест. Штатные сотрудники предприятий и организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, накануне кризиса составляли 52,3% от общей численности занятых, и только 20% среди них имели зарплату на уровне четырех прожиточных минимумов и выше. Если принимать во внимание возрастные ограничения и степень концентрации высокооплачиваемых работников в одном домохозяйстве⁶, то накануне кризиса только 1,5–1,6 млн домохозяйств потенциально могли претендовать на получение ипотечного кредита по стандартным правилам.

Рынок труда отреагировал на кризис снижением занятости, увеличением общей и регистрируемой безработицы, ростом задержек по выплате заработной платы, расширением форм неполной занятости и сокращенного рабочего времени. Работодатели отдают предпочтение мерам, направленным на снижение заработной платы, а не увольнению, поэтому рост безработицы еще не соответствует масштабам кризиса. Однако окончательный выбор приоритетных мер для преодоления кризиса пока не сделан. Кризис на рынке труда оказал самое негативное влияние на занятых в промышленности, торговле и строительстве, при этом в большей степени пострадали экономически развитые регионы.

⁵ Сайт АРИЖК: <http://www.ahml.ru/index.shtml>

⁶ Согласно расчетам на основе репрезентативного обследования населения НОБУС (Национальное обследование благосостояния и участия населения в социальных программах), актуализированного по состоянию на конец 2007 г., в каждом четвертом домохозяйстве проживает несколько потенциальных заемщиков, притом что ипотечный кредит, как правило, берется один на семью.

Серия исследований Независимого института социальной политики [Российские средние классы..., 2008] показывает, что у представителей среднего класса, к которому относится подавляющее число ипотечных заемщиков, уровень безработицы в 3–4 раза ниже среднероссийского уровня. Среди них широко распространена дополнительная занятость, однако она ниже уровня, достигнутого в период предшествующего кризиса, следовательно, у ипотечных заемщиков возможности повышения доходов за счет дополнительной занятости еще не исчерпаны. В 70% случаев в семьях, относящихся к среднему классу, 2 и более работающих, что страхует их домохозяйства от потери связи с рынком труда. Безработные представители среднего класса практически не регистрируются в службе занятости, предпочитая альтернативные методы поиска работы. Время поиска работы в период экономического роста, как показали качественные исследования, занимало у представителей среднего класса от недели до полугода. В условиях кризиса оно несколько увеличивается, но не более чем в 2 раза. Потерявшие работу представители среднего класса вытесняют с более низкооплачиваемых рабочих мест других работников, особенно если они обременены какими-либо материальными обязательствами, в частности ипотечными кредитами. Таким образом, рост безработицы не создает существенных угроз для снижения платежеспособности ипотечных заемщиков, если при их вступлении в ипотечную программу соблюдались стандартные правила входа.

Несмотря на существенный спад ВВП, промышленного производства и снижение заработной платы, доходы домохозяйств продолжают оставаться на предкризисном уровне, хотя в декабре 2008 г. они упали до 88,4% от соответствующего периода предыдущего года. Сохранению доходов на предкризисном уровне способствовали двукратное повышение минимальной заработной платы, продолжающаяся тенденция роста пенсий, существенный рост пособия по безработице и восстановление части доходов от предпринимательской деятельности. Таким образом, согласно макроэкономическим данным, по состоянию на июнь 2009 г., кризис не должен оказывать существенного влияния на платежеспособность ипотечных заемщиков. Для объяснения роста невыплат по жилищным и ипотечным кредитам и определения точек приложения программ помощи ипотечным заемщикам, оказавшимся в сложной финансовой ситуации, необходимо проанализировать социальный портрет ипотечного заемщика.

Цель данной работы — анализ социально-экономического положения ипотечных заемщиков в условиях текущего экономического кризиса применительно к государственной программе реструктуризации ипотечных жилищных кредитов. Речь идет об исследовании рынка с точки зрения возникновения потребности в реструктуризации ипотечных займов для различных типов домашних хозяйств-заемщиков в целях повышения эффективности реализации программы оказания помощи ипотечным заемщикам, оказавшимся в сложной финансовой ситуации.

Информационной базой анализа положения заемщиков ипотечных кредитов в нынешних экономических условиях являются данные лонгитюдного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), реализованного Независимым институтом социальной политики. На данный момент проведены две волны обследования РидМиЖ — 2004 и РидМиЖ — 2007 [Захаров С.В., Малева Т.М., Сиянская О.В., 2007; Головляница Е.Б., Сиянская О.В., 2008], причем каждая из них является самостоятельной и репрезентативной на национальном уровне выборкой.

В ходе данной работы мы опираемся на массив второй волны⁷, в которой приняли участие 11 117 респондентов в возрасте 18–82 лет из 32 регионов России, представляющих все федеральные округа, что позволяет получить репрезентативные на общероссийском уровне оценки⁸.

Методология анализа. В рамках опроса РидМиЖ респонденты отвечали не только на вопросы о составе, доходах домохозяйства, жилищных условиях, имущественной обеспеченности, но и о платежах по кредитам. Совокупность собранных количественных данных о домохозяйствах позволяет нам выделить группу ипотечных заемщиков, проанализировать их основные характеристики и оценить риск наступления неплатежеспособности для различных групп заемщиков.

Целевая группа — реальные *заемщики*, которые отметили в ходе опроса, что выплачивают кредит, взятый на приобретение жилья, и те, кто готовится вступить в ипотечные программы в ближайшее время.

Дополнительное тестирование заемщиков на возможность участия в программе кредитования осуществлялось по формальным требованиям к получателям ипотеки. Речь идет о возрасте и деятельности намеревающихся взять кредит на жилье в ближайшее время. Неотъемлемое условие предоставления ипотеки — трудоспособный возраст заемщика и его партнера (мужчины — младше 60 лет, женщины — младше 55) и наличие занятости.

База РидМиЖ располагает данными, позволяющими оценить перечисленные параметры. Однако если вопрос определения возраста респондента и партнера не требует дополнительных пояснений, то комментариев по идентификации занятых необходимо. Работая с данными массива, к занятым мы относим респондентов, входящих в одну из следующих групп: учатся и работают; работают по найму и не на пенсии; самозанятые или индивидуальные предприниматели и не на пенсии; работающие пенсионеры; те, кто выполнял какую-либо оплачиваемую в денежной или натуральной форме работу или имел доходное занятие, включая различного рода подработку.

Вопросник РидМиЖ содержит информацию, позволяющую определить не только наличие занятости как таковой, но и установить основные ее характеристики. Так, мы располагаем возможностью идентифицировать бюджетный и небюджетный секторы занятости, отрасль и тип предприятия, на котором работает респондент и пр.

Необходимо отметить, что не менее важной задачей стало выявление в числе заемщиков *групп платежеспособных и неплатежеспособных участников ипотечной программы*. При определении границ платежеспособности были использованы критерии стандарта АРИЖК. В качестве доходного порога, определяющего возможность вхождения в программу реструктуризации ипотечных жилищных кредитов, стандартом устанавливается уровень трех региональных прожиточных минимумов на человека.

В ходе работы с микроданными мы располагаем возможностью учета скрытых и неформальных доходов, которые претендент на участие в программе ипотеки не может представить. По этой причине оценка масштабов

⁷ Для достижения цели и решения задач настоящей работы была проведена экспертная актуализация данных массива. На основе информации о динамике располагаемых ресурсов домохозяйств, изменении прожиточного минимума, а также ряда других показателей реализовано приведение массива к состоянию на III квартал 2008 г.

⁸ Дизайн выборки РидМиЖ выстроен на принципах, аналогичных принципам выборки Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ). Описание принципов построения выборки РМЭЗ см.: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms/project/sampling.html>

неплатежеспособности должна занижаться. Однако параллельно с этим массив РиДМиЖ позволяет оценить действительное число членов домохозяйства заемщика. Очевидно, подавая заявление на получение ипотечного кредита, потенциальные заемщики стремятся представить свои доходы высокими и максимально стабильными, чтобы не попасть в категорию нежелательных, при этом, как правило, число членов домохозяйства на бумаге оказывается меньше фактического (пенсионеры и низкооплачиваемые работники по возможности будут представлены как другое обособленное домохозяйство с независимым бюджетом). Этот факт дает все основания ожидать завышения неплатежеспособности. Таким образом, эффекты от дооценки доходов и доучета членов домохозяйств уравниваются, и результаты анализа, реализованного на микроданных, вполне переносимы на генеральную совокупность.

Однако описание целевых групп исследования этим не исчерпывается. Уровень располагаемых ресурсов является необходимым, но не достаточным индикатором для определения платежеспособности домашних хозяйств. Важным фактором предстает *включенность в социальные сети*, под которыми будем понимать «устойчивые неформальные контакты на родственной или дружественной основе в форме обмена ресурсами» [Барускова С.Ю., 2004]. Это актуально при анализе платежеспособности российских ипотечных заемщиков, поскольку существует целый ряд исследований, доказывающих высокую роль данного фактора при формировании финансовых стратегий населения [Light I., Bhachu P., Karageorgis S., 1993; Барсукова С.Ю., 2004; Радаев В.В., 1993]. Согласно сетевому подходу, ипотечные заемщики характеризуются не только доходными и материальными ресурсами, но и степенью включенности в социальные связи. Следует отметить, что такая включенность при определенных обстоятельствах может трансформироваться в необходимые ресурсы, в частности нельзя недооценивать значимость родственной помощи, когда у заемщика возникают проблемы с внесением платежа по кредиту. Зачастую ближайшее окружение мобилизует свои ресурсы для разрешения возникшей проблемной ситуации. Формы такой мобилизации могут быть разными: взаимное кредитование и одалживание, а также безвозмездная передача ресурсов. Таким образом, заемщики, активно включенные в социальные связи, оказываются в более перспективном и менее рискованном положении по сравнению с теми, кто таких социальных связей не имеет. Именно этим объясняется актуальность учета данного ресурса в рамках настоящего проекта.

Перейдем к описанию методологии учета включенности в социальные сети. Его можно вести исходя из двух аспектов: 1) *связи внутри одного домохозяйства* и 2) *междомохозяйственные связи*. И то и другое важно для анализа платежеспособности ипотечного заемщика, так как при возникновении трудностей с внесением очередных взносов плательщик может рассчитывать на помощь как со стороны членов домохозяйства, так и со стороны других родственников, друзей, знакомых, не являющихся членами его семьи.

Первый аспект мы будем рассматривать в контексте социально-демографических типов домохозяйств при анализе портрета ипотечного заемщика. Рабочая гипотеза такова: чем более неблагоприятна социально-демографическая ситуация в семье, тем ниже вероятность того, что заемщик будет использовать ресурс социальных связей для преодоления проблем с выплатой ипотечного кредита. С этой точки зрения в группе риска оказываются родители-одиночки, многодетные семьи и т.д.

Что касается второго аспекта — межсемейных социальных связей, здесь методологический подход требует более детального пояснения. Обычно для оценки степени включенности в межсемейные социальные связи выделяют как минимум два типа ресурсов, которыми обмениваются семьи посредством данных связей: *материальные* (денежные, имущественные, в натуральной форме) и *трудовые* (помощь в домашнем хозяйстве, уходе за детьми, в строительстве и ремонте жилья и т.д.) [Средние классы в России..., 2003]. Конечно, при анализе влияния социальных связей на платежеспособность заемщиков в первую очередь нас интересуют материальные ресурсы, но не стоит забывать о том, что одно из свойств социальных сетей заключается в том, что переданные трудовые ресурсы могут конвертироваться в полученные материальные и наоборот. Именно поэтому мы будем учитывать оба типа ресурсов.

Помимо этого будем принимать во внимание не только *фактическую* включенность в межсемейную передачу материальных и трудовых ресурсов, но и *потенциальную*. Это позволит учесть каналы, не задействованные потому, что в помощи нет необходимости, но которые заработают, как только необходимость появится. Для такой корректировки будут полезны вопросы обследования РИДМИЖ о ценности социальных связей.

Еще одна методологическая особенность — разделение *входящих* (полученных) и *исходящих* (переданных) ресурсов, передаваемых по социальным сетям.

Таким образом, при анализе влияния включенности заемщика социальные связи на его платежеспособность будут учитываться следующие параметры социальных связей:

- характер социальных связей: внутри- или междоомохозяйственный;
- тип ресурсов, передаваемый посредством социальных связей: материальные или трудовые;
- передача ресурсов: фактическая или потенциальная;
- направление передачи ресурсов: входящее или исходящее.

Классификация домохозяйства по степени включенности в социальные сети дает возможность выделить в числе неплатежеспособных заемщиков ипотечных кредитов тех, кто сможет компенсировать недостаток собственных располагаемых ресурсов за счет помощи, идущей от знакомых и родственников. Фактически только после этого в составе всех домохозяйств-заемщиков, утративших возможность выполнять свои обязательства, будет определен круг потенциальных участников реструктуризации ипотечных жилищных кредитов.

УРОВЕНЬ УСТОЙЧИВОЙ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ ИПОТЕЧНЫХ ЗАЕМЩИКОВ В III КВАРТАЛЕ 2008 г.

По состоянию на начало анализируемого периода — III квартал 2008 г⁹, среди всех заемщиков ипотечных кредитов доля «устойчиво»¹⁰ платежеспособных составляла около 57%. В числе оставшихся 43% домохозяйств фиксировалась

⁹ Данный период выбран как время начала кризиса.

¹⁰ Мы имеем в виду заемщиков, платежеспособность которых удовлетворяет самым жестким формальным требованиям (постоянная занятость, официальный высокий доход) — получателей «низкорисковых» кредитов.

группа располагающих немаловажным ресурсом — значительной включенностью в социальные сети. По данным опроса таких семей, в числе неплатежеспособных насчитывалось около 20% (или 8,5% всех домохозяйств, участвующих в ипотеке). С учетом этого итоговый размер сегмента заемщиков, не имеющих возможности выполнять обязательства по кредиту, в III квартале 2008 г. составил 34,3%. И именно приведенный показатель фактически очерчивает круг потенциальных адресатов программы реструктуризации.

Однако необходимо сделать немаловажное замечание. Выше речь шла о результатах выборочного обследования, которое традиционно смещено в сторону бедных слоев — 5% наиболее обеспеченного населения с диверсифицированным набором материальных активов здесь не представлены. В ходе качественных исследований высокообеспеченных групп, проводившихся Независимым институтом социальной политики (НИСП) в рамках изучения проблемы среднего класса, было установлено, что каждый восьмой из состава этих групп связан с программой ипотечного кредитования, а в целом на высокообеспеченный слой приходится 28% всех ипотечных кредитов. Данная категория заемщиков может погасить ипотечный кредит за счет имеющихся активов, и она будет реагировать исключительно на соотношение своих издержек по кредиту и цен на рынке жилья. Только в случае существенного снижения цен на рынке жилья заемщики из этой категории прибегнут к механизмам дефолта, что не актуально в нынешней ситуации. Таким образом, при переносе данных выборочных обследований на генеральную совокупность доля неплатежеспособных заемщиков снижается до 24,7%. Это максимальная оценка численности проблемных заемщиков, согласно стандарту АРИЖК. На практике заемщики могут своевременно погашать кредит даже при душевых доходах на уровне регионального прожиточного минимума. В этом случае численность неплатежеспособных заемщиков снижается до уровня 10%. Эта категория самая проблемная. Если заемщики из ее состава окажутся в состоянии безработицы и снижения заработной платы, то, скорее всего, не смогут восстановить свою платежеспособность.

Поскольку мы рассматриваем социальные сети как один из главных ресурсов, помогающих продолжать выплаты по кредитам заемщикам, утратившим свою платежеспособность в условиях экономического кризиса, уделим этому предмету особое внимание: прежде чем перейти к описанию прогноза, охарактеризуем распространенность практик передачи ресурсов на начало периода анализа.

В первую очередь отметим, что заемщики более активно, чем все домохозяйства в целом, включены в процесс получения материальных ресурсов посредством социальных связей (*табл. 1*). Максимальная разница фиксируется между группой платежеспособных заемщиков ипотеки и населением в целом — 30,4% против 24,2% активно вовлеченных в процесс получения материальных ресурсов (в денежной, имущественной или вещественной форме). Аналогичная, но менее выраженная тенденция наблюдается в отношении исходящих потоков: платежеспособные заемщики — наиболее активные их участники. Иная ситуация с трудовыми ресурсами — здесь нет явно выраженной зависимости: в получении трудовых ресурсов более активны неплатежеспособные заемщики, а в передаче — платежеспособные (однако разница незначительна).

Причина вышеописанной ситуации заключается в том, что материальные ресурсы имеют к ипотечному кредитованию непосредственное отношение, в то время как трудовые — лишь опосредованное, что тем не менее не является

Таблица 1. Включенность домохозяйств в передачу ресурсов посредством социальных связей*, %

Параметр	Все домохозяйства	Платежеспособные заемщики ипотеки в 2008 г.	Неплатежеспособные заемщики ипотеки в 2008 г.
1. Передача материальных ресурсов посредством социальных связей			
<i>1.1. Входящие (полученные)</i>			
Активно участвуют	24,2	30,4	25,1
Не участвуют или участвуют, но слабо	75,8	69,6	74,9
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
<i>1.2. Исходящие (переданные)</i>			
Активно участвуют	10,4	12,7	8,1
Не участвуют или участвуют, но слабо	89,6	87,3	91,9
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
2. Передача трудовых ресурсов посредством социальных связей			
<i>2.1. Входящие (полученные)</i>			
Активно участвуют	15,6	13,6	16,1
Не участвуют или участвуют, но слабо	84,4	86,4	83,9
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
<i>2.2. Исходящие (переданные)</i>			
Активно участвуют	19,8	20,6	19,0
Не участвуют или участвуют, но слабо	80,2	79,4	81,0
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

* Здесь и далее: расчеты выполнены на данных РидМиж.

основанием исключать данный параметр из рассмотрения. Причина этого кроется в самих свойствах социальных сетей: трудовые ресурсы, переданные сегодня, могут завтра конвертироваться во входящие материальные, и наоборот. Вот почему для работы был избран метод построения интегрального показателя включенности в социальные связи с учетом всех типов ресурсов и направлений их передач, согласно которому определены:

- 1) домохозяйства со слабым уровнем включенности в социальные связи — **50,2%**;
- 2) домохозяйства со средним уровнем включенности в социальные связи — **30,7%**;
- 3) домохозяйства с высоким уровнем включенности в социальные связи — **19,0%**, в том числе:
 - домохозяйства с крайне высоким уровнем включенности в социальные связи — **6,5%**.

Среди ипотечных заемщиков доля домохозяйств с крайне высоким уровнем включенности в социальные связи выше, чем среди домохозяйств, не участвующих в ипотечных программах (табл. 2). Наиболее сильно по этому показателю выделяется группа платежеспособных заемщиков — 9,4% по сравнению с 7,4% среди неплатежеспособных заемщиков и 6,5% среди всех семей. Именно эта группа домохозяйств в полной мере может рассчитывать на поддержку со стороны своих социальных связей при возникновении проблем с выплатой ипотечного кредита. Значим данный ресурс и для оставшихся 11–13% домохозяйств с высоким, но не крайне высоким, уровнем включенности в социальные связи. Что касается среднего и тем более слабого уровня,

Таблица 2. Включенность домохозяйств в передачу ресурсов посредством социальных связей, % по столбцу

Характеристика домохозяйства	Все домохозяйства	Платежеспособные заемщики ипотеки в 2008 г.	Неплатежеспособные заемщики ипотеки в 2008 г.
Домохозяйства со слабым уровнем включенности в социальные связи	50,2	46,0	51,7
Домохозяйства со средним уровнем включенности в социальные связи	30,7	33,8	28,2
Домохозяйства с высоким уровнем включенности в социальные связи	19,0	20,3	20,1
в том числе: домохозяйства с крайне высоким уровнем включенности в социальные связи	6,5	9,4	7,4
Всего	100	100	100

эти домохозяйства, вероятнее всего, будут обращаться за институциональной поддержкой, в частности за реструктуризацией кредита в АРИЖК.

Таким образом, мы можем констатировать, что основные проблемы неплатежеспособности связаны не с кризисом, а с высокой распространенностью выдачи рискованных кредитов еще на этапе экономического роста.

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАЕМЩИКОВ ИПОТЕЧНЫХ КРЕДИТОВ ПО СОСТОЯНИЮ НА КОНЕЦ 2008 г.

Платежеспособность участников программы ипотечного кредитования дифференцирована в разрезе социально-демографических групп. Рассмотрение отдельных групп заемщиков позволяет определить наиболее уязвимые сегменты, а динамический анализ дает возможность оценить вероятность положительных сдвигов в ближайшем будущем. Напомним, что здесь приведены характеристики только тех заемщиков, которые представлены в массиве микроданных, а это, как было сказано выше, 72% всех участников ипотечной программы.

Тип поселения. По месту проживания мы разделили заемщиков на две группы — жители региональных центров и жители других населенных пунктов. Около 42% домохозяйств проживают в центральных городах (табл. 3). Среди этих семей неплатежеспособность составляет 28%, т.е. риск обращения за реструктуризацией в 1,5 раза ниже, чем представительство данной группы в выборке. Жители других (не столичных) населенных пунктов, напротив, входят в группу риска с точки зрения своевременного погашения ипотечной задолженности — 53,9% из них не удовлетворяют требованиям платежеспособности и имеют высокие шансы обращения за реструктуризацией ипотечного кредита.

Регион проживания. Группы регионов по уровню риска невозврата ипотечных кредитов в текущих экономических условиях были созданы, в отличие от типологии регионов по уровню социально-экономического развития (базовой типологии НИСР), по так называемым плавающим признакам¹¹, позволяющим разделить регионы по разнородным основаниям. Для различных типов регионов используются разные основания отбора. Это сделано для того чтобы выделить группы регионов, соответствующие поставленной цели

¹¹ Подробный анализ метода представлен в докторской диссертации Л.В. Смирнягина.

Таблица 3. Распределение неплатежеспособных заемщиков по типам поселения, %

Тип поселения	Уровень неплатежеспособности группы, % от численности группы	Неплатежеспособные заемщики, % по столбцу	Все заемщики, % по столбцу
Областные центры	27,8	27,3	42,2
Другие населенные пункты	53,9	72,7	57,8
Все населенные пункты	42,9	100	100

и при этом не допустить их «обезличивания». В разработанной типологии для оценки рисков ипотечного кредитования таких «плавающих признаков» несколько:

- *крупногородское расселение* (жители крупных городов чаще получали ипотечные кредиты);
- *уровень экономического развития и доходы населения;*
- *темпы спада производства* в ходе нового кризиса или *давняя депрессивность;*
- *специализация экономики региона;*
- *географическое положение*, которое во многом определяет специализацию экономики региона.

Для разных типов регионов на первый план выходят различные признаки, но каждый из них наилучшим образом объясняет специфику данного типа и характер рисков. В результате были получены 8 типов регионов, обобщенных затем в три группы по уровню рисков — максимальные, средние и незначительные. При микроанализе профиля заемщика наиболее похожие группы рассматриваются вместе, и количество групп регионов сокращается до пяти.

По состоянию на III квартал 2008 г., все категории регионов демонстрировали высокие риски возникновения неплатежеспособности ипотечных заемщиков. Но в связи с тем, что столичные агломерации до кризиса были в более выгодных условиях по сравнению с другими регионами, резкое снижение платежеспособности ипотечных заемщиков не помешало им остаться в лидерах (табл. 4). Монопрофильные нефтегазовые регионы и среднеразвитые регионы Дальнего Востока действительно описываются слабыми рисками возникновения неплатежеспособности, что соответствует названию группы. Регионы 2–4-й групп характеризовались близкими уровнями неплатежеспособности — от 47% до 50%.

Социально-демографические типы семей. На различных стадиях жизненного цикла семьи не только в большей или меньшей мере испытывают потребность в жилье, но и демонстрируют разную степень приверженности к кредитному поведению [Российские домохозяйства накануне финансового кризиса..., 2008]. В России по сравнению со странами с развитой рыночной экономикой взрослые дети чаще проживают вместе с родителями [Прокофьева Л.М., 2007] и, даже покидая родительский дом и создавая семью, зачастую остаются активно включенными в бюджетные трансферты со своими родителями.

В ходе проекта учитывался состав семей заемщиков. Прежде всего определялся семейный статус ипотечного заемщика (есть ли супруг/супруга), а далее устанавливалось наличие в семье детей. Названия групп условны и отражают взаимосвязь заемщика с его родителями и детьми, характерную для большинства представителей группы. Например, к «супружеским парам с родителями» также отнесены супружеские пары с другими старшими родственниками. Среди «супружеских пар с детьми» также рассматриваются

Таблица 4. Распределение неплатежеспособных заемщиков по группам регионов, %

Группы регионов по уровню риска невыплат по ипотеке	Уровень неплатежеспособности группы, % от численности группы	Неплатежеспособные заемщики, % по столбцу	Все заемщики, % по столбцу
Максимальные риски. Крупнейшие агломерации и крупногородские регионы	37,0	30,7	35,5
Максимальные риски. Индустриальные регионы с сильным спадом и депрессивные регионы	47,2	14,7	13,4
Средние риски. Относительно развитые и среднеразвитые регионы с небольшим спадом	48,7	12,8	11,3
Средние риски. Средне- и слабо развитые регионы с неразвитой промышленностью	49,6	22,0	19,0
Слабые риски. Монопрофильные нефтегазовые регионы и средне- и малоразвитые регионы Дальнего Востока	40,6	19,8	20,9
<i>Все регионы</i>	<i>42,8</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

одиноким родителям с детьми, поскольку доля этой подгруппы невелика, а в числе «супружеских пар с детьми и родителями-пенсионерами» мы рассматриваем и одиноких родителей с детьми, проживающих вместе со своими родителями.

В результате проведенной классификации получаем следующие социально-демографические группы:

- трудоспособный с родителями (в т.ч. пенсионерами);
- супружеская пара с родителями;
- супружеская пара;
- супружеская пара или одинокий родитель с детьми;
- супружеская пара с детьми и родителями (пенсионерами).

Большинство ипотечных заемщиков составляют супружеские пары с детьми — 52% (табл. 5). Самыми надежными с точки зрения выплат по кредиту являются случаи, когда родители помогают приобрести жилье своему взрослому ребенку, который еще не обзавелся собственной семьей — риск неплатежеспособности данной группы домохозяйств ниже 20%. Устойчивость доходов обеспечивает отсутствие иждивенцев, а также диверсификация источников доходов — пенсия вдобавок к заработной плате работающих пенсионеров. Следует отметить, что данная группа составляет не более 8%, так как участие в ипотечной программе предъявляет жесткие формальные требования к возрасту заемщика и созаемщика при определении срока предоставления кредита.

На другом конце шкалы платежеспособности находятся семьи с детьми. Как уже было сказано, в большинстве своем ипотечные заемщики представляют именно этот тип домохозяйств. Каждая вторая семья с детьми рискует оказаться неплатежеспособной, вследствие чего будет вынуждена обратиться за реструктуризационным займом. Таким же высоким риском неплатежеспособности отличаются многопоколенные семьи, в которых трудоспособные члены семьи несут иждивенческую нагрузку: содержат не только детей, но и более пожилых и уже не работающих родителей.

Относительно наличия и количества детей в семье можно сделать вывод, что в среднем рождение в семье одного ребенка повышает риск неплатежеспособности более чем в 1,5 раза. Если среди семей без детей риск обращения за реструктуризационным займом составляет 27%, то в семьях с одним ребенком он достигает 45%, а в семьях с двумя и более детьми каждые два

Таблица 5. Неплатежеспособность ипотечных заемщиков по социально-демографическим типам семьи, %

Социально-демографические группы	Уровень неплатежеспособности группы, % от численности группы	Неплатежеспособные заемщики, % по столбцу	Все заемщики, % по столбцу
Трудоспособный с родителями	19,8	3,5	7,5
Супружеская пара с родителями	29,9	7,9	11,4
Супружеская пара	29,2	12,6	18,5
Супружеская пара с детьми	52,1	63,2	52,0
Супружеская пара с детьми и родителями	52,1	12,8	10,5
Все домохозяйства	42,9	100	100

домохозяйства из трех входят в группу высокого риска (табл. 6). Таких семей среди ипотечных заемщиков около 22%.

Основным источником доходов заемщиков и ресурсом для погашения задолженности по ипотеке являются трудовые доходы или заработная плата. Но около 23% домохозяйств-заемщиков связаны с пенсионными выплатами: или в составе домохозяйства есть пенсионеры-родители, или существенную долю бюджета молодой семьи составляют трансферты от родителей, проживающих отдельно. Платежеспособность домохозяйств, бюджеты которых частично зависят от регулярных выплат из Пенсионного фонда, действительно выше (табл. 7), но следует отметить, что отклонение от среднего значения по всем ипотечным заемщикам невелико (около 3 процентных пунктов), что позволяет сделать заключение о небольшом влиянии пенсионных выплат на платежеспособность заемщиков.

Как показывает опыт прошлого и первой половины текущего года, уровень заработной платы и уровень занятости изменились очень неравно-

Таблица 6. Неплатежеспособность ипотечных заемщиков с разным количеством детей в семье, %

Число детей	Уровень неплатежеспособности группы, % от численности группы	Неплатежеспособные заемщики, % по столбцу	Все заемщики, % по столбцу
Нет детей	27,3	23,9	37,5
Один ребенок	44,6	42,4	40,7
Два и более детей	66,3	33,7	21,8
Все домохозяйства	42,9	100	100

Таблица 7. Риски неплатежеспособности ипотечных заемщиков по степени зависимости бюджета домашнего хозяйства от выплат Пенсионного фонда, %

Характеристика домохозяйств	Уровень неплатежеспособности группы, % от численности группы	Доля группы среди неплатежеспособных заемщиков	Доля группы среди всех заемщиков
Домохозяйства, частично зависимые от Пенсионного фонда	39,3	21,3	23,2
Домохозяйства, независимые от Пенсионного фонда	44,0	78,7	76,8
Все домохозяйства	42,9	100	100

Таблица 8. Риски неплатежеспособности заемщиков, занятых в отдельных отраслях, на государственных и муниципальных предприятиях и по уровням образования, %

Характеристика домохозяйства	Уровень неплатежеспособности группы	Доля группы среди неплатежеспособных заемщиков	Доля группы среди всех заемщиков
Есть занятые преимущественно в бюджетной отрасли	41,2	32,4	33,7
Есть занятые в чувствительной к кризису отрасли	39,7	18,0	19,4
Рабочие специальности и работники сферы услуг	51,3	56,1	46,8
Руководящие должности	20,0	1,7	3,7
Тип собственности предприятия			
Государственное или муниципальное предприятие	42,2	33,7	34,3
Образование			
Образование основное общее	72,0	3,1	1,9
Образование среднее специальное	53,3	75,6	60,8
Есть высшее образование у одного из членов семьи	24,5	21,3	37,3
Все домохозяйства	42,9	100,0	100,0

мерно, что отразилось на способности заемщиков своевременно погашать кредит. Мы выделили те домохозяйства, где хотя бы один из работающих занят в преимущественно бюджетной отрасли (органы управления, образование, здравоохранение, наука, культура, армия, МВД, органы безопасности), а также отдельно рассмотрели платежеспособность домашних хозяйств, в которых есть занятые в чувствительной к кризису отрасли (машиностроение, металлургия, строительство).

Рассмотрение отраслей целиком не дает оснований утверждать, что занятые в них респонденты подвержены исключительно высокому риску неплатежеспособности (табл. 8). Но при сравнении заемщиков, занимающих руководящие должности, с работниками физического труда и занятыми на негосударственных предприятиях в сфере услуг наблюдаются значимые отличия в платежеспособности: немногочисленные руководители имеют риск стать неплатежеспособным в 2 раза ниже, а представители рабочих специальностей — в 1,5 раза выше, чем в среднем по всем заемщикам. Занятость на государственном или муниципальном предприятии также не повышает устойчивость платежеспособности.

Ресурсом стабильной занятости и трудовой мобильности ипотечного заемщика и членов его семьи, безусловно, является образование [Заработная плата в России..., 2007]. Очень немногочисленная группа семей, у которых наивысший уровень образования — основное общее, имеет крайне высокий риск неплатежеспособности (см. табл. 8). Напротив, наличие высшего образования хотя бы у одного из членов семьи снижает риск неплатежеспособности в 2 раза.

ВЫВОДЫ

Анализ особенностей российского рынка труда и социально-экономических характеристик ипотечных заемщиков свидетельствует о том, что форсирован-

ное развитие ипотечных программ в условиях дефицита «хороших» заемщиков привело к попаданию в эти программы высокорисковых заемщиков на этапе экономического роста. Риски неплатежеспособности реализовались, образуя волну невыплат по кредитам.

В III квартале доля неплатежеспособных заемщиков, если следовать стандартам, составляла 24,7%. Если использовать более жесткий порог, согласно которому неплатежеспособными являются те заемщики, у которых текущие доходы на момент начала кризиса были ниже величины прожиточного минимума, к данной категории относится 10,5% всех заемщиков. Эта категория наиболее проблемная, поскольку отличается высокими рисками безработицы и иждивенческой нагрузки на работающих. Если ее представители окажутся в состоянии безработицы и снижения заработной платы, то, скорее всего, они не смогут восстановить свою платежеспособность. Однако для большинства домохозяйств из этой группы одним из источников доходов является пенсия, которая пока демонстрирует тенденцию роста. Социально-демографические и экономические характеристики данной группы свидетельствуют о том, что процедуры реструктуризации вряд ли помогут этой группе заемщиков — для нее риски дефолтов достаточно высоки.

Большинство ипотечных заемщиков составляют супружеские пары с детьми (52%), которые, в свою очередь, отличаются максимальными рисками неплатежеспособности (62,3% всех случаев неплатежеспособности). Видимо, эта группа заемщиков должна претендовать на более мягкие условия для реструктуризации (особенно когда речь идет об одиноких матерях с детьми или о семьях с двумя и более детьми).

Среди неплатежеспособных заемщиков 32,4% заняты преимущественно в бюджетных отраслях, и для них риск ухудшения ситуации в условиях кризиса невысок. В целом только 18% неплатежеспособных заемщиков представляют отрасли, наиболее чувствительные к условиям кризиса, что еще раз подтверждает тот факт, что проблемы неплатежей сформировались еще в условиях экономического роста. В группе неплатежеспособных значительное число составляют заемщики со средним специальным образованием и без образования (78,7%), которые имеют более высокие риски безработицы.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсукова С. Ю. Нерыночные обмены между домохозяйствами: теория и практика реципрокности. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2004.
- Барсукова С. Ю. Неформальная экономика. — М.: ГУ–ВШЭ, 2004.
- Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. №9. С. 20–29.
- Головляницина Е. Б., Синявская О. В. Новое в изучении межпоколенных и гендерных отношений в России — Международная программа «Поколения и гендер» (Generations and Gender Programme/Survey) в России // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. №8. Весна-лето 2008.
- Заработная плата в России: эволюция и дифференциация. — М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2007. С. 374.
- Захаров С. В., Малева Т. М., Синявская О. В. Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1 / Под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. С. 35–74.

Прокофьева Л. М. Домохозяйство и семья: особенности структуры населения России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. — М.: НИСП, 2007. С. 256.

Радаев В. В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993. №5. С. 79–87.

Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / Отв. ред. Л. Н. Овчарова. — М.: Независимый институт социальной политики, 2008. С. 135.

Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. — М.: Экон-Информ, 2008. — 200 с.

Смирнягин Л. В. Районирование общества: теория, методология, практика (На материалах США). Диссертация д-ра геогр. наук: 25.00.24. — М., 2005.

Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. — М.: Гендальф, 2003. С. 120.

Light I., Bhachu P., Karageorgis S. Migration networks and immigration entrepreneurship / I. Light, P. Bhachu (Eds.) // Immigration and entrepreneurship. — NJ: Transaction, 1993. P. 25–49.

СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВА, СУДЬБЫ НАРОДА

Князева М.Л., к. ф. н., поэт, культуролог, старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Культура это своего рода квинтэссенция жизненных стратегий общества, это художественно представленные жизненные идеи, способные быть воспринятыми людьми и руководить их жизненным поведением. Культура как особый вид познания — образное познание — способна особенно действенно, активно и эффективно влиять на общий стиль личности через воздействие на ее когнитивный стиль, когнитивный уровень.

Культурная жизнь современной России представляет собой противоречивый, драматический и разнонаправленный процесс, в котором соседствуют и переплетаются стратегии и антистратегии, взаимодействуют и оппонируют друг другу различные тенденции. Разные потоки художественного творчества ставят перед собой разные задачи и подчас выступают как оппоненты и даже оказываются противознаковыми.

Развитие высокой познавательной и просветительной культуры — фактор социально-психологического благополучия, психологической адаптации человека в обществе и тем самым незаменимый рычаг создания гражданского общества и психологически комфортной эмоциональной среды. Думается, немаловажную роль в сегодняшней нестабильности играет недостаточно детализированная культурологическая доктрина, а также неполнота и неразработанность культурной политики современного российского государства и общества. От того, какие из культурных стратегий приобретут в нашем обществе приоритетное значение, зависит, таким образом, весь профиль его будущей жизни.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему статья культуролога появляется и нужна в издании, посвященном социальной политике? Поясню это на примере. Недавно меня поразило обсуждение актуальной темы: как снизить в России гибель людей от пьянства? Высказывались разные компетентные мнения: ввести более жесткий контроль за акцизами, исключить употребление «паленой» винно-водочной продукции, повысить цену и т.д. — обычный набор политических «рецептов», уже неоднократно применявшихся в нашей стране и не давших ощутимых позитивных результатов. Сколько же можно ходить по кругу, тиражируя одни и те же подходы?! Ибо питье в нашей стране — фактор не только экономический и социальный, но и психологический, культурный. И без рассмотрения его во всей системе нашего менталитета мы не сдвинемся с места, а снова наделаем глупостей. Чтобы люди не пили, не спивались, им необходимо предложить не новое повышение цен на го-

рячительное, а иную формулу бытия, новые источники того, чего ищет на дне стакана человек: источники сильных эмоций, психологических потрясений, чувство переживания интенсивности жизни, искренность и глубину общения, выразительное ощущение собственной личности, освобождение от давящей повседневности. Все это и есть арсенал культуры, соприкосновение с которой дает и интенсивность переживания, и потрясение катарсиса, и чувство освобождения, и новое осознание самого себя, своей судьбы и личности. Чтобы человек перестал пить, нужно прежде всего предложить ему доступность того потенциала насыщения жизни смыслом и огнем чувств, который содержит в себе качественная культура и культура качества жизни.

Культура входит в самое основание жизни человека, в способ его существования, в выбор личных жизненных стратегий. Многие стоящие ныне проблемы развития российского общества упираются именно в менталитет людей, в их жизненные представления и эмоциональное состояние, в то, что называется «психологическими истинами».

В основании цивилизации лежит ценностная система, представляющая собой каркас жизненных установок, психологической устойчивости человека и общества, а также его психологическую систему.

Наиболее полно основополагающая, фундаментальная важность вопросов культуры в судьбах народа и перспективах страны осознана во Франции. Исследователь С. Косенко пишет: *«...само понятие и термин «культурная политика» являются сугубо французским «изобретением». И сформировались они в результате патерналистского стремления монархических, а затем и республиканских правителей Франции защищать и поддерживать развитие национального языка и культурного достояния. Так постепенно утверждалась моральная, политическая, юридическая и, наконец, административная ответственность французского государства в этой области. Ни в одной другой стране мира министерство культуры не занимает столь значительного места в системе политических институтов»* [Косенко С., 2008, с. 13]. Последовательная культурная политика французского государства, проводимая на протяжении веков, привела к уникальному результату: страна, не столь щедро одаренная природными богатствами или обширностью земель, стала одной из ведущих мировых держав, превратилась в мировой цивилизационный центр, стала мировой культурной столицей, законодательницей образа жизни и мыслей целых поколений. Ныне культурное наследие Франции — поистине ее основное национальное богатство, то, что определяет высокий статус страны и высокое качество жизни ее народа.

В 2007 г. на соотношение развития культуры и состояния гражданского общества в нашей стране обратила внимание Общественная палата России. Именно этот вопрос был поставлен перед экспертным сообществом в процессе подготовки и написания ежегодного Доклада Общественной палаты. Впервые в Докладе был выделен отдельный раздел, посвященный культуре. Это отрадно. Мне довелось стать не только членом этого экспертного сообщества, но и координатором его работы: мною были подготовлены и проведены два «круглых стола» Общественной палаты на тему «Состояние культуры и развитие гражданского общества в РФ». В Общественной палате также прошли слушания, посвященные этой проблематике. На них прозвучала главная боль нашей ситуации: катастрофическое снижение культурного уровня нашей страны. У нас растет поколение, воспитанное на боевиках и интернетных играх, есть люди, ни разу в жизни не посещавшие театра

и не прочитавшие ни одной книги. Характеризуя позицию государства в вопросах культуры, докладчики говорили о таком ее признаке, как «бухгалтерское мышление», т.е. о попытке измерять культуру чисто количественными показателями, как всякое иное производство: сколько прибыли мы получим на затраченный рубль? Этот индикатор в отношении культуры поистине абсурден, как неэффективны в целом количественные подходы в духовной сфере. Как посчитать значимость «Троицы» Рублева? В цене на краски и кисть? В количестве человеко-часов, затраченных на рождение этого гениального творения?

Культура — особая сфера существования общества и государства, и требует она иного подхода, так как *духовно содержательная эффективность воздействия культуры на личность и общество выявляется и проявляется опосредованно, через другие сферы жизнедеятельности личности и общества.*

Именно в этом нам жизненно важно разобраться сегодня. Какой подход применить к культуре? Какие подобрать критерии и индикаторы для оценки культуры? Как строить культурную политику? Да и что, собственно, происходит сегодня в сфере культуры в нашей стране? Без осознания важности этих вопросов, без размышления на эти темы мы не выйдем из тех тупиков, в которых оказались многие социальные, политические и экономические аспекты нашей жизни.

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРА

То, что сегодня есть искусство «хорошее» и есть «плохое», понимает даже ребенок.

То, что есть искусство гуманное, умное, доброе, любящее, сочувствующее и искусство злое, тупое, жестокое, исповедующее человеконенавистничество и презрение к человеку, — чувствуют взрослые.

А наша власть глуха и безразлична к тому, развивают или разлагают, просвещают или обесмысливают народ потоки символической продукции, спускаемые на головы людей миллионами копий. Каковы эти потоки? Да и как вообще сегодня себя чувствует и развивается в нашем обществе художественная культура?

Казалось бы, что такого, что человеку в своем селе или городе некуда пойти, что нет ни Дома культуры, ни клуба, не работает театральная студия и не заманивает горящими окнами школа бального танца? Какая разница государству и обществу, как проведет простой человек часы досуга: просидит у телевизора или в компании собутыльников? Какая разница, что ему в эти вечерние «золотые часы покажут» — стрельбу, сцены насилия, пытки, смерть или истории из жизни великих людей и образцы доброты и милосердия?

А оказывается, именно от этих так или иначе проведенных часов во многом зависит нынешняя и будущая судьба государства и общества, перспектива страны. Ибо культура есть не столько время досуга, сколько особая экспериментальная площадка человеческого сознания и психики, особая виртуальная составляющая человеческой жизни, некий сокровенный сверхопыт, передающийся не житейским, а символическим путем.

В последнее время в России наблюдается тенденция некоторого нарастания внимания к художественной культуре. События культуры и ее лидеры

становятся рядом с событиями политическими, экономическими, военными, рядом с политическими лидерами. Сюжеты и лица художественного процесса справедливо воспринимаются СМИ как цемент, помимо и поверх всех кризисов и проблем, скрепляющий, сплачивающий нацию. В связи с этим хочется прояснить один важный момент.

Вопросы культуры не есть прикладные вопросы движения общества: мол, куда движется общество, туда повернет культура. Будет хорошее, сытое, правовое общество — прирастет и добрая мудрая культура. Закономерность скорее обратная: не будет мудрой человеческой культуры — не выработается и хорошее общество. Культура — это особый цех, лаборатория выработки достойных форм жизни... или безобразных форм ее распада.

Культура есть сфера творчества духа, сфера рождения жизненных идей и ценностей, есть область особого эстетического и этического эксперимента, площадка апробирования действующих и возникающих социальных установок и обычаев — иными словами, пространство становления менталитета народа.

Культура запускает и поддерживает процесс самосозидания или саморазрушения человека и общества. Культура продолжает и по-своему замещает личный опыт человека, становясь виртуальной, воображаемой пролонгацией лично пережитого, дополняя и возмещая личный опыт, практические наработки. Это судьба, проживаемая умозрительно. Это то измерение «если бы», какого не дает реальная жизнь. Короче говоря, культура — это область гипотетической жизни человека и народа, той жизни, где в виде художественных артефактов выступают подлинные тенденции и интенции жизни действующей, ее скрытые значения, ее перспективы, ее возможности. Искусством мы поверяем жизнь, выверяем и воспитываем свои чувства, учимся отличать подлинное от мнимого, поддельное от настоящего, имитацию от самородка. Эта величайшая виртуальная экспериментально-экзистенциальная природа художественной деятельности относится к множеству явлений культуры, объединяет целый спектр культурных стратегий.

Культура создает факты и события духа и дает интерпретацию и направленность текущему процессу современной повседневности. Культура из повседневности вырабатывает современность, из аморфного и вязкого хода обстоятельств — концепцию бытия. Именно опираясь на такую целостную концепцию, люди могут действовать осмысленно и поступать плодотворно.

ЯЗЫК ОПИСАНИЯ КУЛЬТУРЫ

В сегодняшней цивилизации вопрос о культурных стратегиях — прошу прощения за невольный каламбур! — приобретает поистине стратегическое значение.

Сейчас становится все более очевидным, что за последние 10–15 лет у нас в стране сложилась практически абсолютно новая конфигурация культурно-художественной жизни, требующая новой системы описания и оценки. А это очень непросто — сменить или даже просто уточнить, заново «посадить» на живую плоть культурной жизни лекала теоретической рефлексии и практического «культуровЕдения».

На одном из заседаний Гражданского форума России, проходившем в 2003 г. в Нижнем Новгороде, видный специалист по стратегиям развития, игротехник О.И. Генисаретский провозгласил, что сегодня важнейшей проблемой движения российского общества стало отсутствие обоснованной «риторики культуры».

Этот тезис нельзя не признать полностью справедливым. Сегодня у нас действительно нет убедительного описания актуальных культурных процессов, нет разработанной шкалы ценностей, более того, оказался несформированным сам критериальный фундамент многоуровневой рефлексии о культуре.

Устарела или была целенаправленно отброшена советская система описания процессов культуры, которую точнее было бы назвать «социоцентрической». Она ставила во главу угла при рассмотрении произведений искусства и процессов культуры то, как именно они соотносятся с революционной идеологией, как отражают ее и заданный ею ход социальных перемен и каким образом влияют на формирование — «ковку» личности в назначенном ключе. Эта философия и теория культуры как плацдарма революционного развития общества господствовала в обществе более полувека, а когда оказалась, пользуясь выражением Булата Шалвовича Окуджавы, «упразднена», общество осталось «безъязыким». Мы попали в новую «адомическую ситуацию» — надо все называть и понимать заново, в новых жизненных реалиях.

Перед нами встал выбор поиска и формирования нового терминологического аппарата, новой оценочной шкалы, новой фразеологии, новой — не побоюсь этого слова — идеологии, философии жизни. Тут мы, как богатырь из русской сказки, оказались на распутье. На наш выбор предстают несколько систем описания. Среди них господство получил самый распространенный — назовем его прагматическим — сленг профессионалов изготовления и проката. Тут подход кассово-массовый.

Это сформированный продюсерами и прокатчиками, а также хроникерами преимущественно «желтых» СМИ язык рыночно-производственный. Особо не вторгаясь в содержательную сторону явления, они описывают его так же, как описывали бы любой иной товар, пользующийся низким, повышенным или супервысоким спросом. Собственно, уровень спроса, равно как и уровень вложений, чисто материальных затрат, овеществленных в том или ином художественном продукте, и становится преимущественным объектом рассмотрения и описания. Так появляются коммерческие классы духовных объектов. А вместе с ними и специфическая «художественно-коммерческая» терминология, преимущественно заимствованная и/или скалькированная с английского. В афише киносеанса мы сразу же узнаем, что нас ожидает блокбастер, или книжный магазин заботливо уведомляет публику, что на его прилавках вот-вот появится новый бестселлер. Во всех или преобладающем большинстве случаев подобные рыночные наименования ничего или мало что говорят собственно о содержательной стороне произведения, подменяя вопросы его воздействия на личность и общество в духовном и психологическом, эмоциональном и интеллектуальном плане вопросами производства и извлечения прибыли. Этот язык окончательно сводит духовную составляющую жизни человека к разновидности рыночного поведения, делая собственно человеческое в человеке, его духовную суть второстепенным ответвлением его производственного и потребительского функционирования.

Важная особенность коммерческого сленга в искусстве — это последовательная подмена содержательных, качественных критериев оценки произведения количественными. Мы не оповещаемся о том, как именно воздействует на сознание и подсознание человека данный артефакт культуры, — нас уведомляют, что его посмотрело (услышало, прочло) столько-то тысяч или даже миллионов человек. Иными словами, ценность произведения не в нем самом, а в том социально-экономическом «эхе», в той потребительской «волне», которые им порождаются. Такое отношение к искусству, ко всей духовной сфере в целом будет справедливым считать монетоцентрическим, экономцентрическим и тоже социоцентричным, только в нем во главу угла поставлена другая, не советская утопия — это утопия пан-экономизма, индивидуализма, личного преуспеяния и сопряженного с ним и вытекающего из него гедонизма.

Думаю, что многие сегодня понимают, что необходимо не только разрабатывать и развивать язык описания современной культуры, но в свете всех происходящих и уже случившихся перемен создать актуальную шкалу ценностей, выявить и выделить ту устойчивую и динамичную критериальную систему, которая позволит с некоторой долей вероятности, большей, чем ноль, описать реализующиеся в культуре закономерности. Это работа большая, нежели выявление и разграничение актуальных художественных тенденций. Всем нам было бы нужно и полезно обрести некую уточненную систему координат, которая помогла бы всем воспринимать происходящее в сфере духа более системно и более фундаментально.

Для начала выскажу весьма дискуссионную мысль.

С моей точки зрения, устоявшееся на протяжении второй половины XX в. разделение культуры на «массовую» и «элитарную» существенно устарело и растеряло некогда значительный потенциал описания наличной культурной реальности. На мой взгляд, большой вред жизни большого, качественного искусства принесло это неоправданное и поверхностное противопоставление «массовой культуры», мейнстрима и «культуры элитарной», арт-хауса. Так теоретиками от арт-бизнеса были разведены и противопоставлены мнимые полюса художественного процесса.

Такое плоское, линейное противопоставление ничего, кроме путаницы понятий и чехарды искусственно выведенных оценок, принести не могло. Ибо в основание противопоставления положено чисто механистическое, внешнее измерение, — условно говоря, количество копий художественного продукта. Искусство померили как селедку или кирпичи. Много копий — массовое искусство. Мало копий — элитарное. Третьего якобы не дано.

Этот внешний, механический критерий затмил критерии сущностные, качественные, из самой природы искусства рождаемые. И тем самым увел рефлексию о культуре от важного вопроса о множественности бытования художественных артефактов, о соседстве и взаимодействии художественных явлений разного качества и различной природы, а главное — выполняющих разные роли и функции в глубинном взаимодействии с человеческой личностью, с творчеством восприятия, с движением социума. Увел, собственно, от главного вопроса: а что дает человеку и обществу, как воздействует на него то или иное создание культуры?

Культуру нужно поверять и судить не по внешним производственным показателям, а по глубинным, лишь ей присущим мерам и меркам. Главным сущностным критерием оценки произведения культуры должно быть не то,

в скольких копиях оно существует, а какой тип воздействия на личность оказывает, как именно влияет на человека и общество, какую или какие функции в жизни человека и общества выполняет — т.е. какую жизненную стратегию предлагает и развивает.

Утратил свой смысл сам критерий «массовости» — вот в чем соль!

Ибо на наших глазах идет бурный процесс медиатизации всего и вся, в том числе культурных явлений и событий. Ныне критерий тиража мало что говорит о сути произведения. В самом деле, мы можем «скинуться» и издать за свой счет в количестве 30 подарочных экземпляров сочинение своего товарища, созданное по всем канонам развлекательного детектива в духе производственных концернов «Маринина» или «Донцова». Что же? Минимализм тиража отнюдь не сделает указанный опус элитарным или экспериментальным. Напротив, произведения, которыми зачитываются молодые читатели последних лет, такие как новеллы Коэльо или томики Мураками, равно как и самый читаемый молодежью русский роман «Мастер и Маргарита», издаются миллионными тиражами. Значит ли это, что перед нами — массовая культура? Или это какое-то иное явление, которое мы пока не сговорились, как лучше назвать? Что такое «Горе от ума»? Если пьеса издана миллионами экземпляров, «ушла в народ», значит ли это, что она превратилась в то, что называется «бестселлер», и стала частью масскульта? Нет, сколько ни тиражируй, ни театрализуй и не разбирай ее на цитаты, эта пьеса обладает неким защитным качеством, неким внутренним содержательным субстратом, который невозможно выхолостить и опустить до уровня ширпотреба. Прикасаясь к ней, мы оказываемся в некоем особом эвристическом пространстве, в ловушке некоей психологической головоломки, где нас заставляют напрягаться и делать внутренние выборы.

А по какому ведомству отнести литературные реки без берегов и опознавательных лоций, которые протекают в Интернете? Там уже вообще невозможно с четкостью говорить о тиражности, ибо подчас она не поддается определению. Массовая это продукция или нет?

Художественные произведения, даже имея сходные тиражи и сформированные в одних и тех же жанрах, оказываются сегодня явлениями разного ряда, разного качества, несут в себе разную художественную природу и разное духовное наполнение.

Принцип классификации нужен в первую очередь содержательный — эвристический. Какова эвристическая ценность произведения? Второй — его психологическая нацеленность. И третий — функциональный: какие функции в жизни человека и общества выполняет? Какое эмоциональное, духовно-психологическое воздействие способно оказывать данное явление? Какую психологическую установку оно вырабатывает, на какой тип общественного поведения провоцирует? Какой тип личности может быть сформирован при соприкосновении с таким искусством? Какую систему жизненных ценностей и ориентиров внушает оно реципиенту?

Да, пришла пора уточнить критерии оценки произведения. То, с каким по сути и по природе художественно-духовным явлением мы имеем дело, следует определять не по количественным показателям — где, сколько, какими тиражами оно производится и репродуцируется, а по системе качественных критериев, среди них — важнейшие:

- материал, изображаемый в произведении, — избранная жизненная основа;

- какая концепция мира и человека лежит в его основе;
- каково транслируемое им отношение к магистральным, фундаментальным вопросам человеческого бытия — добру и злу, жизни и смерти, красоте и безобразию; какую позицию в мире оно выражает и вырабатывает;
- какова система используемых приемов, способов изображения, уровень художественной, эстетической новизны и качества произведения;
- какое действие на человека оно оказывает, какие качества личности порождает, формирует и поддерживает.

Такой художественно-психологический подход к современной культуре нам сегодня необходим острейшим образом. Ведь за отсутствием наработанной современной риторики культуры скрывается, по сути, отсутствие какой-либо ответственной концепции, теории существования культуры в посттехнократическом и постмодернистском обществе, а также отсутствие какой бы то ни было ответственной политической доктрины и самой политической воли в этом важнейшем для жизни народа и общества направлении.

Таким образом, типология явлений культуры логически должна опираться на те способы, которыми то или иное произведение воздействует на человека и общество, на тип этого воздействия и на то, какую концепцию мира оно вырабатывает и какие функции в общей жизни выполняет. Нам нужен не формально-кассовый метод анализа, а синтезный *эвристически-функциональный* подход.

КУЛЬТУРА XXI в.: ПАРАМЕТРЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ, ГЛАВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ВЕДУЩИЕ СТРАТЕГИИ

Показать в едином взгляде, едином обзрении весь культурный ландшафт нашего времени, эпохи перехода тысячелетий — задача очень сложная, едва ли выполнимая. Столь далеки полюса того, что конкретно происходит, слишком велико различие не только в сути, но и в самом способе существования культурных явлений, их повседневного бытия.

Сегодня, как, пожалуй, никогда, остро и значимо в культуре идет сосуществование и конкурентная борьба нескольких тенденций. Каждая из них несет свою концепцию личности, свое видение мира и его исторических перспектив. Силы зла и силы добра почти в открытую сражаются в культуре.

Рискну предложить систему типологии культуры, те культурные стратегии, которые определяются исходя из сформулированных выше содержательных параметров.

Стратегия № 1. Первой и одной из самых устойчивых стратегий следует называть **официальную, или государственную, общественно ориентированную, социально-заказную стратегию**. Это та стилистика воодушевления и эмоционального подъема, стратегия оптимизма и готовности действовать во имя общественного блага, стратегия гимнов и од, которую как самую значимую выделял Платон для своего идеального государства. Задача такой стратегии — выработать и утвердить незыблемый позитив, правоту и справедливость наличного состояния общества и государства, верховную значимость

общественных идеалов, силу и значимость существующих государственных институтов, создать образ благополучия и процветания граждан, воплотить в художественных образах вечную мечту человечества об идеальном государстве и идеальном правителе.

В эту стратегию попадают все официальные концерты и презентации, заказанные государством или отдельными органами произведения — будь то фильмы, телесериалы, комиксы, книги или картины. Это исключительно позитивное и романтично-прагматичное искусство, подогревающее эмоцию социального оптимизма, ослабляющее социальную и психологическую напряженность, отменяющее протест и критику, стимулирующее ощущение социального сотрудничества и рано или поздно торжествующую справедливость, защищенность граждан, партнерство личности и государства в лице его идей и социальных институтов. Его задача — выработка и продвижение магических формул социального комфорта и благополучия («Король — солнце», «Народ и партия едины», «Моя милиция меня бережет», «Наш дом — Россия» и др.). Опоэтизировать, романтизировать стационарное состояние государства и мира можно с помощью различных техник и приемов, которые создавались и внедрялись в жизнь веками. Идеи «государственного оптимизма», как можно назвать эту стратегию, витали как в величественных строениях Древнего Рима, так и в державных соборах православия, как в возвышенных одах Державина, так и в «панорамных романах» стиля, получившего название «социалистический реализм». Никакого реализма в полном объеме в произведениях такой стратегии быть не может и не должно. Он в принципе решает другую задачу. Это всегда частичное, полуправдивое отображение жизни. В этой стратегии доминирует романтизм, с добавлением элементов классицизма, риторика, схоластика и приемы социального гипноза и манипулирования. Ибо цель этой стратегии — не исследование мира, а воздействие на человека, воодушевление его на дальнейшее служение существующему обществу. Известные приемы: риторические конструкции, прославляющие идеи существующего порядка, парадные портреты столпов существующего строя, карикатурные изображения его противников, наконец — милые сердцу симпатичные образы рядовых служащих общества, будь то трепещущие сердцем верноподанные екатерининских или николаевских времен, крепкие духом и несгибаемые характером ленинцы — секретари райкомов в эпоху социалистического реализма, или добрые участковые из телесериалов постсоветской России. В любом случае — перед нами плоды профессионального изготовления в рамках заказного искусства, получающего мощную государственную подпитку или субсидируемого конкретными ведомствами. Эти приемы выработывались и шлифовались веками. Милый, уютный образ рядового труженика — гражданина, добротнo и легко выполняющего свой государственный долг, подчиняющего все личные интересы и частные проявления интересам государства или подраздельного ему ведомства, — одна из составляющих, опорных фигур такого заданно-оптимистического изображения мира и общества.

Таким образом, государственная, социально-казанная или официальная стратегия — многомерна и многообразна. Ее задача — стабилизировать наличное состояние дел и утвердить членов сообщества в правильном, позитивном и устойчивом характере происходящего, нацелить их на выполнение своего гражданского долга как на приоритетную задачу существова-

ния. Выработка и поддержание человека-гражданина, заинтересованного в успехах общества более, нежели в личном благосостоянии, доброго и самоотверженного верноподданного — вот те глубинные цели и задачи, которые ставит перед собой государственно-ориентированная стратегия культуры.

Стратегия №2. Огромное распространение и широчайшую популярность во всех типах цивилизаций — и православной, и католической, и мусульманской, и прагматически-атеистической, и буддистской, и синтоистской имеет дорогая сердцу любого народа **эмоциональная**, или **эмоционально-коммуникативная**, стратегия. Не случайно во всем мире самый популярный художественный жанр — это жанр лирической песни с ее сугубо личным, трогающим душу заветным смыслом и простым, понятным и близким каждому жизненным содержанием. Сюжеты близкие и вечные — зарождение и гибель любви, разлука, ожидание, вихрь надежды, муки ревности, боль раскаяния, страдания потери, радость материнства, океан сомнений, разлад тайной запретной любви... Темы окончательны — и бесконечны. Они о каждом и для каждого. Это искусство, идущее от сердца к сердцу, от народа к народу. Это общая мировая сага человечества о своих чувствах, о тайне и волшебстве жизни сердца, о магии взаимоотношений, о божественной природе того сердечного обожествления милого человека, которое и самого любящего, и поющего тоже делает почти богами. Обожествление, поэтизация человеческих чувств — вообще сама поэзия жизни — вот материя такого искусства, вот его стилистика и магия.

В России такое искусство называют «душевым». Почти кощунственно переводить его живое и свежее ласковое дыхание на язык терминов и понятий. Ибо оно знакомо и дорого каждому, в ком жива душа и бьется живой нерв общения с миром и людьми, кто способен откликаться на чувство и чувствовать сам. Именно такая, душевная по смыслу и народная по способу существования песня получила в советское время название «массовая». Массовой она являлась в том смысле, что обращалась ко всем, к каждому, звучала в каждом доме и в каждом сердце, была адресована всем и доступна каждому.

Сегодня термин «массовая» переташен для обозначения явлений совсем другого рода и иного назначения, поэтому не будем путаться и окончательно разграничим феномены шоу-бизнеса и всего комплекса манипулятивной развлекательной продукции и того сокровенного общедоступного эмоционального слоя искусства, который отвечает в первую очередь на естественные эмоциональные потребности человека. Человек хочет чувствовать себя человеком. И первый вид творчества, доступный на этом пути, — это творчество чувств. Поэтому так дороги, особенно в нашей, российской, по самой своей природе эмоциональной культуре, произведения, которые люди называют «душевыми». Эмоциональная, осердеченная «душевная» культура то смыкается с массово-развлекательной, то резко ей противостоит. Пример приверженности людей к душевной культуре всем нам продемонстрировал конкурс «Евровидения — 2009», где все затеи развлекательного блеска победил незатейливый мотив песенки юного белоруса из Нидерландов. В чем секрет внезапного успеха этой полупрофессиональной, полудетской песенки? Скорее всего, она тронула сердца миллионов людей своей наивной простотой, чистотой и целомудренной открытостью. Эти люди устали от развлекательных

изысков, они переутомлены острым меню шоу-блюдов, которым их потчуют все сцены и все экраны мира. Они хотят простоты, сердечной близости, понятности — и естественного тепла, а не деланной мегаэмоциональности, которой захлебывается пустой сердцем и назойливо-навязчивый по форме мировой шоу-бизнес. Мир открытых общечеловеческих чувств, мир открытия сердца — вот что ищут и выбирают люди, когда они слушают или поют любимые песни, читают дорогие для души стихи. Обсуждая парадоксальные итоги «Евровидения — 2009», разнообразные СМИ писали о феномене Саши Рыбака и проглядывающей за его победой истине: мир устал от деланности, мир хочет подлинности переживания. Естественная и красивая жизнь чувства — вот самая доступная и понятная людям ценность, вот самая близкая каждому форма творчества.

Это объясняет вкусовые предпочтения современных «песнеслушателей» разных возрастных групп. Совсем не кумиры телерејтингов, а те песни, которые покупаются на дисках и переписываются с одного компьютера на другой, — показатели этих вкусов и предпочтений. В числе таких кумиров народного внимания — Стас Михайлов и Тарасик, по-прежнему жива и слушается бардовская песня, Башлачев, старинные и современные романсы, группа «Голубые береты», Игорь Тальков и др. Об этих истинных лидерах народного предпочтения наша пресса молчит или упоминает крайне скупно. Не стали они героями и популярных телевизионных исследований и ток-шоу. СМИ запаздывают за состоянием общества, или их выступления в области песни столь ангажированы и так густо проплачены, что не остается ни сил, ни места для слова правды. Массовая «желтая» пресса почти целиком занята обслуживанием интересов шоу-бизнеса, она подчинена той малочисленной околхудожественной тусовке, которая ныне «правит бал» в нашем медийном пространстве; практически «массовые» СМИ обслуживают шоу-бизнес, поэтому для них недопустимы слова правды ни о переполненных залах на вечерах романса, идущих во всех регионах страны, ни о том, что люди на своих личных проигрывателях давно уже не слушают ни Пугачеву, ни Кобзона...

Стратегия №3. Третья по важности и распространенности стратегия культуры направлена как на воспитание и развитие ребенка, подростка, так и на совершенствование взрослой личности. Эту стратегию нужно обозначить как **воспитательно-развивающую**.

Это ориентировочная, этико-развивающая, воспитательно-жизнеучительная стратегия. В ней культура в самом прямом, непосредственном виде выступает и обозначает себя как школа жизни.

Она не запротоколирована в официальной культурологии, и о ней практически не пишет пресса. И тем не менее именно эта ориентировочно-жизнеучительная стратегия культуры — одна из базовых во всей палитре художественного освоения мира и воздействия на него.

В ориентировочно-воспитательных произведениях культура выполняет роль популярного учебника жизни, точнее — рабочей тетради. Она выполняет функции жизненно-нравственного, житейского эмоционального образования. В основе такой стратегии — элементарная педагогическая задача жизненного ориентирования человека в разнообразии житейских ситуаций. Это примеры из жизни, прописи поведения, аксиомы нравственности; элементарные этические законы, изложенные в общепонятной и общедоступной

форме. Такая стратегия воспитывает бытовую грамоту, дает ориентацию в человеческих отношениях и конфликтах. Формирует этический кругозор и нравственный статус человека, систему моральных координат и чувство ответственности. Эта общеобразовательная «школа жизни» обращена в первую очередь к детям и подросткам, но она важна и востребована для всех категорий людей как постоянное «непрерывное» нравственное образование и психологическая коррекция, необходимая для душевного здоровья и моральной устойчивости человека и сообщества. Одно из важных свойств для такой стратегии — легкая расшифровываемость, «читаемость» смысла изображаемого. Эстетико-креативный момент тут минимизирован. Повсеместно действует не столько притча, сколько проповедь, риторика, прямое изложение выводов. Поэтому в этико-развивающей воспитательной культуре мало приемов и мастеровитых изысков. По сути, это культура лаконичная и простая. Ее главное условие — доступности и общепонятности — не требует виртуозности.

Основной массив воспитательно-развивающей культуры составляют детские и подростковые книги и издания СМИ, фильмы, телепередачи нравоучительного свойства. Одним из ярких примеров воплощения в жизнь этой стратегии является детский периодический киножурнал «Ералаш», где в каждой миниатюре ясен смысл и нравственная оценка показанного. На самом деле к произведениям воспитательно-развивающей стратегии принадлежит и большая часть общедоступной массовой кино- и телепродукции. Таково, по сути, большинство телесериалов и «мыльных опер», в которых очень тщательно и даже «жевательно» разъясняются нравственные аспекты показанного. Эти телесериалы и есть общедоступная развивающе-воспитательная культура для взрослых. Такого же рода нравственно-просветительную миссию выполняют и многочисленные ток-шоу и диалоги с психологами, которым отдается все больше и больше места в телепрограммах.

Суть такой культурной стратегии: простой язык общепонятного изложения общезначимых нравственных постулатов в целях психологического просвещения, образования и психологической коррекции поведения человека в типовой житейской ситуации.

Стратегия №4. Четвертая стратегия по смыслу и функциям близка и примыкает к третьей, воспитательно-развивающей, но служит более полному и углубленному раскрытию мира для мыслящего человека, более полному и глубокому постижению действительности через богатство того интеллектуального арсенала, который выработала мировая наука, философия, религия и общественная практика людей. Это — **просветительная** стратегия. В произведениях просветительной направленности дается общепонятный эквивалент сложившихся в мире научных школ, идей, идущих в мире науки дискуссий или исследований. Наиболее распространенной формой работы просветительской стратегии является синтезная форма, плод высокого и тонкого соединения научного, публицистического и художественного начал. Очерки, репортажи, новеллы, рассказы, биографии великих людей, своего рода «интеллектуальные детективы», повествующие о той или иной природной или исторической загадке и усилиях специалистов и просто людей, увлеченных желанием восполнить ту или иную лакуну в современном знании, — это и есть эмоционально преломленное, художественно претворенное бытие научного знания и философской рефлексии.

Просветительское направление в культуре приобрело мощное развитие в советскую эпоху. Оно явилось поистине одним из ведущих явлений в культурной политике той поры. На создание просветительской культуры был ориентирован большой ряд как периодических изданий, так и целых издательских направлений и даже издательств. Всенародное признание и любовь имели такие журналы, как «Наука и жизнь», «Техника молодежи», «Вокруг света», «Юный техник», «Юный художник» и др. Просветительские научно-художественные издания образовали поистине популярные народные циклы, такие как знаменитая серия «Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ)» и «Эврика» в издательстве «Молодая гвардия», за книгами этих серий люди охотились, почти сразу после выхода они становились библиографической редкостью, их обменивали, покупали «с рук», читали по очереди. Авторы и издатели этой книжной продукции достигли высокого мастерства в создании увлекательных и одновременно интеллектуально-емких изданий, умело сочетали беллетристическую притягательность, художественную красочность и научную содержательность книг и статей. Особую славу в этом жанре приобрел Андре Моруа, который в своем цикле писательских биографий достиг уровня блестящего соответствия работы популяризатора самим героям его цикла. «Прометей, или Жизнь Бальзака», «Три Дюма» и другие вышедшие из-под его пера научно-художественные романы стали поистине шедеврами как литературы, так и критической мысли и исторического документа. Андре Моруа читали в каждой интеллигентной семье, не знать его было стыдно. Слава и известность носили народный характер. Рядом с именем Моруа справедливо можно расположить и имя русского исследователя и знатока французской культуры Виноградова. Рассказ о жизни Стендаля, созданный им в эпопее «Три цвета времени», также можно отнести к вершинам жанра. Художественно-научная проза тесно связана с породившими ее культурными потоками. С одной стороны, произведения этого типа смыкаются с глубокой европейской интеллектуальной традицией, уходящей корнями в философские школы Древней Греции и интеллектуализм Средневековья с его энциклопедизмом и диспутами о насущных вопросах веры и интеллекта, опираются на свободную мысль Возрождения и Нового времени; а с другой стороны, они естественно пронизаны навыками и достижениями образного мышления и изложения, которые выработала многовековая история европейского романа и современной новеллы, способной достичь максимума выразительности в коротком словесном пассаже. Поэтому, с одной стороны, к жанру просветительной научно-художественной культуры принадлежит академик Раушенбах с его раздумьями о своеобразии русской иконы, с другой — Сергей Наровчатов с мыслями о литературоведении, с третьей — знаменитый популяризатор физики и математики Перельман, на увлекательных брошюрах которого выросло не одно поколение будущих гениев физики и по-настоящему современно мыслящих людей. К типу просветительского романа можно отнести и произведения великого Ромена Роллана, написавшего ряд великих книг о композиторах, в частности — «Очарованная душа» о жизни Людвиг ван Бетховена. Такая литература создавала особую атмосферу в обществе, воспитывала уважение к знанию, культивировала его ценность, делала повседневно значимым, ибо приносила его в общедоступной и общепонятной увлекательной форме, приближала к повседневной жизни обычных людей. Задаче просвещения огромных масс людей служило активно функционировавшее в Москве и имевшее множе-

ство филиалов в регионах общество «Знание», в задачи которого и входило попечение о культурном уровне народных пластов. «Знание» выпускало огромными тиражами копеечной стоимости брошюры по разным отраслям науки, искусства, обществознания. Они были общедоступны, их цена была соотносима и с пенсиями, и со стипендиями. Брошюры «Знания» были своего рода периодическими изданиями, отмечавшими месяц за месяцем, год за годом направления развития мысли и накопления информации в той или иной области.

Нужно с прискорбием отметить, что эта высокая традиция русской культуры — ее просветительская направленность — оказалась резко и недальновидно оборвана событиями рубежа XX–XXI вв. Отсутствие системы господдержки и какого-либо финансирования, а также практическое отсутствие какой бы то ни было культурологической теории и культурной политики привело к тому, что народно любимые, популярные у всех слоев населения от млада до стара издания прекратили существование. Так, практически исчезла разработанная годами система общества «Знание». Ныне то, что как-то сумело выжить и осталось от него, влачит нищенское существование. Массовые тиражи общедоступной просветительской книжно-журнальной продукции прекратились. Сегодня общество «Знание» — это кучка энтузиастов, искренне преданных делу просвещения одиночек, старающихся изо всех сил хоть как-то сохранить традицию или намеки на нее. Исчезла и серия «Эврика». Спустя десятилетие молчания ныне возродилась серия «Жизнь замечательных людей» и стала очень активно не только присутствовать на книжном рынке, но и в целом принимать участие в художественной жизни страны. Книги серии «ЖЗЛ» достойно презентуют ныне наличный уровень художественной прозы и полноправно участвуют в самых престижных литературных конкурсах и получают весомые награды (например, Дмитрий Быков за книгу «Пастернак»).

В тяжелую переходную эпоху сумел выжить журнал «Наука и жизнь», справил свое двухсотлетие журнал «Вокруг света». Однако многих просветительских периодических изданий и издательств мы недосчитываемся.

Образовавшуюся лакуну в потребности людей познавать, развиваться, просвещаться сегодня в российской культуре во многом заполняет западная кинопродукция. Так, просветительски-образовательный телеканал «Культура» регулярно транслирует сериалы, созданные телекомпанией Великобритании BBC. Высокий уровень этих фильмов, широта их тематики, современность и доступность изложения сделали эту английскую просветительскую продукцию самой востребованной и конкурентоспособной в современном мире. Постепенно нарастает объем и российских произведений. Центр тяжести просветительской работы культуры явно складывается в кинопродукции. Удачен созданный Львом Николаевым проект «Цивилизации», в котором он ведет научно-художественный, образно-публицистический рассказ о науке, культуре, искусстве, преломленный через судьбы их создателей. В числе очевидных удач этой просветительской эпопеи следует назвать вышедший ко дню 100-летнего юбилея фильм-рассказ о выдающемся русском советском ученом-химике, президенте Академии наук, бывшем ректоре Московского государственного университета, фактически создавшем новое здание МГУ на Воробьевых горах, академике Александре Николаевиче Несмеянове, — «Птичка в клетке, или Молекула судьбы». Этот фильм, продемонстрированный в день рождения Несмеянова,

10 сентября 2009 г., несет в себе все лучшие качества, отличающие истинную просветительскую продукцию и определяющие ее общественное значение. В нем тонко синтезированы высказывания самого гениального ученого и суждения его коллег и учеников, деликатно и тактично показана личная драма академика и его семейная история, научные дерзания сплетены с человеческими терзаниями, раскрыты разные стороны многогранного таланта этого удивительного человека, его дар поэта и художника и его высокий общественный темперамент и деятельное служение родине, народу показаны естественно и образно. Весь фильм пронизан интеллигентной атмосферой жизни и служения ученого, он пропитан особым излучением мировоззрения этого человека, которое можно ощутить как тепло гуманности, как великую службу на пользу людям. «Все остается людям» — эту фразу из знаменитого кинорассказа, художественной ленты о судьбе ученого, прекрасно сыгранного Черкасовым, можно отнести и к герою просветительской картины группы Л. Николаева.

Наряду с проектом «Цивилизации» развивается и телевизионный проект «Док», его тоже можно отнести к разряду просветительской научно-художественной продукции.

Однако на ниве просветительской культуры далеко не все гладко и благополучно. В последние годы в литературе и кинематографе появилось немало произведений, берущих за основу некоторые факты и детали из жизни великих и знаменитых людей и излагающих их, перетолковывающих по законам массовой культуры и «желтой» прессы. Создатели подобной суррогатной продукции смело вторгаются в личную жизнь избранной жертвы и пекут из жизни и исканий талантливого человека горячую похлебку по вкусу обывателя. Цель таких опусов — не поднять публику до понимания проблем, терзавших гения, а, напротив, «опустить» ищущего, мыслящего человека до уровня проблем и переживаний ординарности. Порочная ординарность, смачная клубничка, получаемая в результате такой «разделки» жизни гения, не может не привести к идеям, исповедуемым «массовым обществом»: «он — один из нас, он такой же, как мы, только... хуже». Произведения этого типа собирают залы на утилизации известных имен и скандальных биографий, они не рассказывают новое о выдающемся человеке, а грубо используют факты его жизни и его интеллектуальный «капитал» для вполне низменных целей. Продукцию такого толка не назовешь иначе, как лжепросветительство, спекуляция, паракультура. К сожалению, именно создания такого рода и заполнили во множестве случаев нишу истинно высокого просветительства, выдавая разновидность массового шоу за элитное творчество и художественное исследование.

Одним из героев, к несчастью попавшим под руку таким лжепросветителям, оказался трагически знаменитый предсказатель Вольфганг Мессинг. Загадка его пророчеств, тайна его дара ясновидения многие годы волнует как широкую публику, так и профессиональных исследователей паранормальных возможностей человека. Тема паранормального — особая мода в современной культуре. И вот съемочная группа Первого телеканала создает образец суррогатной продукции. Фильмы «Я — Вольф Мессинг» смакуют интимные факты жизни «великой загадки» XX в. Они чередуют интервью знавших Мессинга и друживших с ним с кадрами игрового кино, где актер с беспомощностью и полным отсутствием профессионализма копирует шаблоны представлений о том, как может работать и мучиться ясновидящий.

Что прибавляет или добавляет к образу Мессинга эта псевдохудожественная и псевдонаучная продукция? Ничего, кроме уже известного нам обывательского чувства превосходства над гением. Здесь происходит своего рода глумление над величиим человека. Биография великана, показанная сквозь призму его страхов, болезней, голода, неудач, проблем и потерь, ничего не раскрывает в его наследии, все это лишь лишний раз тешит самолюбие посредственности, полагающей, что она и тут и тут — лучше и успешнее несчастного страдающего гения.

В начале XXI в. публике, голодающей по интеллектуализму и познавательной культуре, предложили целый спектр просветительских произведений, где высокие находки жанра соседствуют с низкой чисто рыночной конъюнктурной подделкой, выдающей фарисейство — за истину, а искажение — за новую правду. Истинное просветительство теснит множество подделок, лжепросветительской паракультурной продукции.

Стратегия №5. Документально-свидетельская, летописно-мемуарная стратегия. Это стратегия собирания и фиксации, сохранения и увековечивания истории тех или иных событий, судеб, эпох, выполненная усилиями свидетелей, современников. В ряд этой стратегии входят дневниковые, эпистолярные, кино- и фотодокументальные материалы, а также мемуарно-документальные свидетельства. Тут — важный пласт историко-культурной работы, поиск логики момента и правды обстоятельств, из совокупности которых вырисовывается то, что называется духом и правдой времени.

Цель такой стратегии — исследовательская и просветительская. Восстановить, запечатлеть, уточнить, исследовать ход той или иной значимой ситуации, материализовать ее подлинность, понятию как правда личности.

Потребность людей знать правду — показанную в той форме, в которой происходило то или иное событие с протокольной простотой, с минимальным художественным преломлением и эстетическим преображением — объясняет буквальный взрыв интереса и внимания современного российского общества сначала к мемуаристике, а потом и к документалистике во всех видах и жанрах. Вначале росли тиражи мемуаров, ныне мы наблюдаем буквальный бум интереса к документальному кино. Документальные фильмы побеждают на кинофестивалях. Важность и популярность документализма породило открытие в Москве специального фестиваля — «Золотой витязь», где на конкурс выставляются только документальные работы. Элементы документализма включаются и в игровые фильмы.

Стратегия №6. Естественное художественное самовыражение. Естественное свободное художественное творчество всеохватно и повседневно, оно присуще огромным массам людей, и, если бы слово не было бы так захватано и не имело бы столько подмыслов и искажений, следовало бы эту повседневную творческую активность огромного числа людей назвать массовой культурой. Но мы остережемся каверзы словесных наслоений и постараемся изложить и объяснить свою мысль и данные своих исследований другими, более свежими и незахвачанными словами.

Человеку как виду присуща эта потребность повседневно творчески обозначать и выражать себя. Эта художественная самоактивность, образная стихия проявляется в человеческом сообществе с первых веков его существования. Будь то наскальные фигуры пещеры Альтамира или стены со-

временных городов, жилища аштеков или современные коттеджи, сборища древних племен или современные дискотеки. Повсюду, где есть человек, является эта свободная, естественно рождаемая стихия образного самовыражения. Посему эту всеохватную стратегию следует назвать *естественной или стихийной свободной формой художественного самовыражения человека и народа*. Это искусство, пронизывающее все виды и формы существования и деятельности людей, бытовую и хозяйственную жизнь, социальные явления, межличную сферу, проникающее в пространство глубоко интимной жизни самой личности. Естественное художественное чувство рождает народные байки и былички, анекдоты, шутки, сценки, разыгрываемые в компании острословом, бытовой «театр жизни», домашний театр, эпос и лирику дружной компании, саги учреждений и детективы человеческих симпатий и антипатий. Люди поют у костра, пишут друг другу письма, создают дружеские празднества, играют в любительских театральных группах, создают свои смотры и фестивали. Такая художественная активность населения имеет несколько измерений. С одной стороны, тут выражена потребность человека в художественном самовыражении и образном самопознании. С другой — это один из путей самоорганизации этноса, формировании живых неформальных структур. С третьей — такая совместная художественная активность, не вызванная ничем, кроме как желанием людей быть вместе и вместе делать что-то интересное и привлекательное, — это путь к решению психологических проблем, сопровождающих человеческую жизнь на разных этапах, путь к снятию психологического напряжения и общей психокоррекции.

В круг естественной художественной активности следует отнести широкий спектр художественной самоорганизации сообществ разного типа: тут и домашняя, и школьная культура, культура кругов друзей, многообразные виды художественного досуга и любительского занятия художественным творчеством. Вершина такой творческой самоорганизации — некоммерческие культурные объединения. Анализом этого явления в нашем обществе мне довелось заниматься в 2007 г. как ведущему эксперту по направлению «Культура» по заданию Общественной палаты России в рамках подготовки ежегодного Доклада «Гражданское общество в России». Экспертное сообщество дало высокую оценку социальных и художественных возможностей этого направления культуры, выявило его психологический потенциал. В таких группах, самоорганизующихся по принципу творческих и личных симпатий и интересов, проглядывают ростки гражданского общества, формирование которого так важно для нашей страны.

Пусть в основе такой культурной стратегии лежит интимно-личное и дружеское начала. А с каких тем и мотивов начала формироваться вся русская классическая литература? Разве не легли в ее основание мотивы анакреонтической лирики с ее культом простых и общепонятных ценностей — радостей общения, мимолетной влюбленности, дружеской пирушки? Все это бесценные мгновения бытия эмоционального человека, святые радости повседневья. «Свои в кругу своих» — это формула бытования доступной всем и каждому, истинно массовой и народной самодеятельной свободной естественной художественной активности и творческой самоорганизации людей.

К сожалению, это слагаемое культурной палитры жизни страны очень мало осмысливается и освещается нашими СМИ. Для профессионалов

слово «любительский» — ругательное. «Аматеры», любители, дилетанты... — от таких определений профессионалы бегут как от огня. Оно унижает уровень их виртуозности, включенности в профессию, успешности, подготовленности, точности и качества сделанного. В этом они правы. Но как особое социокультурное явление свободное любительское занятие искусством незаменимо, его роль в жизни общества невозможно переоценить. Мало того что оно формирует культуру содержательного одухотворенного досуга, по-своему способного питать профессионализм участников и развивать их. Свободное непрофессиональное занятие искусствами воспитывает умную подготовленную публику, учит человека сотворчеству мастеру. Такие художественные объединения смогли выявить и подготовить к профессиональной сцене множество ныне знаменитых успешных мастеров, артистов, поэтов, художников. И наконец, содействие, соучастие в художественных проектах дает человеку хорошую школу психологической терпимости и участливости, сочувствия и сопонимания, оказывается той здоровой «школой жизни» и общения, которая помогает наименее болезненно строить свои отношения с людьми на работе и дома и лучше понимать самого себя.

Стратегия №7. Народная культура: фольклор, постфольклор, этника.

Установка на всеобщность, на тотальность охвата и воздействия есть черта отнюдь не только массовой культуры. Это стратегия прежде всего **народной культуры** любой страны, цель которой — сплотить и духовно «сроднить», породнить народ в условиях нестабильной и неопределенной реальности. Но термин «народная культура», фольклор, может быть отнесен не к любому свободному художественному самопроявлению человека, а к такому, где сохранена традиция, многовековая стилистика того или иного народа. В основе народного искусства три основных принципа — повторение, вариация, импровизация. Иными словами, народное творчество есть достаточно определенная, стабильная система, сохраняющая интонационную проработанность, устойчивую структуру мотивов и приемов, узнаваемые обороты. Не всякое свободное волеизъявление таланта есть народная культура в ее нынешнем понимании. Народная культура требует особой и весьма серьезной подготовленности автора-исполнителя. Он становится сотворцом, соавтором многих живших и творивших до него поколений, поддерживая общую манеру, стилистику, меру понимания вещей, вписываясь в устоявшуюся у данного народа образную систему и интонацию. Народная культура по-своему ремесленна и по-своему виртуозна. В ней есть свои звезды, яркие индивидуальности, мастера, поражающие самого искусственного современного знатока филигранным владением мастерством. Но кроме изощренного мастерства народная культура несет в себе и особую философию и мудрость жизни, свои особые приемы работы с творческой индивидуальностью и коллективной энергетикой. Народная культура рассматривает народ как сообщество талантов, мудрецов и умельцев. В свое горнило она принимает маленьких детей, чтобы отлить из них виртуозов жизни и великанов сердца. В сокровищницу народного художественного творчества входят ритуалы и праздники, обряды, живущие столетиями, темы и образы, принципы движения, голосоведения, звукоизвлечения — вся та живая палитра *голоса народа*, которая сохраняется и передается из поколения в поколение, обосновывая и реализовывая их связанность, срод-

ственность, неразделимость — главную народную ценность — *коллективное бессмертие*.

В принципе, стремление к всенародности, всеобщности присуще каждому ответственному художественному деянию, как личному вкладу в дело единения живущих — и в этом смысле русская классика есть такое же народное явление, потому что в ядре ее — те качества, которые еще Николай Гаврилович Чернышевский перечислял, как признаки народности, в том числе: взгляд на мир, восприятие его с народной точки зрения, исходя из интересов и потребностей в первую очередь народа.

Так не путаем ли мы, современные исследователи, массовость с народностью, не подменяем ли — вольно или невольно — понятия?

В современной культуре обитает и находит свои входы и выходы культура современно-народная. Увы, слова «народная культура» в обиходе последних десятилетий пережили что-то вроде содержательной дискриминации. Их смысл был сужен и тем самым значительно искажен. Под народной стала пониматься архаическая часть культуры, причем даже не вся, а преимущественно сельская, аграрная. Слово «народная» превратилось в синоним слова «традиционная сельская культура». Случился печальный факт: содержание понятия «народная» подменено, будто народ наш как таковой уже весь вымер и вся его творческая деятельность оказалась в далеком прошлом, отступила в глубину веков, осталась где-то там, посреди лугов, полей, нив и изб. В то время как и термин «народное» вовсе лишен историко-архаической окраски, и понятие «фольклор» означает не что иное, как мудрость народа, т.е. его живой современный ум. Мы же, современные исследователи культуры, утратив действенный инструмент анализа — слова «народная культура», потеряли из вида целый класс явлений, вовсе оставив их без поименования или отнеся к совершенно иному по природе — к культуре массовой.

Если же взглянуть на вещи не поверхностно, а по сути, то народная культура — это культура, отражающая менталитет народа, ставшая выразительницей его глубинных ценностей и установок и в то же время понятная и доступная непрофессиональному в искусстве человеку. В состав современной народной культуры следует отнести и постфольклор, рождающийся на стыке народно-традиционной и современной экспериментальной культуры, и массовое увлечение этникой, охватившее в последние годы весь мир, и даже всеми любимый КВН, по сути, народную культуру в действии, сохраняющий и продолжающий традиции народного зубоскальства и народного проповедничества, воспроизводящего красочных персонажей, характерных для народных «сериалов».

В сегодняшней рефлексии о культуре представляется очень перспективной разработка ряда новых категорий, таких как *постфольклор*. Возможно, следует более активно работать и с такой категорией, как *неофольклор*, неозтника.

Стратегия №8. Смеховая культура — обширнейшая художественная традиция, уходящая корнями в толщу народной бытовой культуры, массовых увеселений и зрелищ и восходящая вершинами к таким высотам профессионального творчества, как новеллы Рабле, комедии Бомарше, рассказы Зоценко, повести Ильфа и Петрова, романы Булгакова и др.

Современная смеховая культура исследована мало. Для того чтобы понять эту стратегию, уместно обратиться как к общей теории искусства, так

и к работе М. М. Бахтина «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Возрождения», а также и к трудам Д. С. Лихачева и А. М. Панченко, посвященным смеховой культуре Древней Руси. Одна из главных функций смеховой культуры — это реализация средствами искусства идеи социальной справедливости. В смеховой культуре «верх» и «низ» меняются местами, телесный мир реабилитируется и приобретает огромные полномочия, дурак называется дураком, а ничтожество изображается как ничтожество.

Стратегия №9. Игровая развивающая детская стратегия. Такую стратегию важно и необходимо выделить в связи с ее неповторимым, своеобразным художественным обликом, спецификой решаемых ею задач и уникальностью ее социокультурных функций.

Детская культура — очень специфическая, своеобразная, подчас автономная часть культуры, культура в культуре. Это не культура для взрослых, пересказанная упрощенным образом на «детском языке». Тут — полноправное и полнокровное художественное явление, отвечающее главному требованию — тому особому масштабированию мира, которое присуще детскому сознанию, соответствие своеобразной системе координат детского сознания и мировосприятия. Детская культура — не столько воспитательная или просветительская, сколько воспроизводящая детский взгляд на мир и детское поведение. Истинная детская культура смотрит на мир глазами ребенка, видит в нем мир ребенка, передает тот склад мысли и поведения, которые присущи ребенку.

Детское мышление мифологично и метафорично, оно условно и полно всевозможных допущений. Для него вся реальность — условность и весь мир пронизан игрой. Мир реален настолько, насколько в него можно играть.

Особенность детского сознания в его великолепной свободе, широте ассоциативных связей и ликующей образности. Делать культуру для детей — значит играть с ними в игры; обучать и воспитывать детей — значит предлагать им новые условия игры. Детская культура — особый мир, где происходит популяризация, объяснение и внедрение жизненных ценностей, правил и законов жизни, логики отношений в метафорической, сказочно-игровой форме. Это культура психологического образования в прямом смысле — ОБРАЗОВАНИЯ, своего рода университет и шпаргалки для счастья. На пути притч и инсказаний дети получают жизненные ориентиры.

К сожалению, и в этой культурной области сегодня в нашей стране все обстоит далеко не так благополучно, как того требует сама логика данной стратегии. Неблагополучно сегодня в детской кинопродукции, в детских СМИ. Детская культура ныне критически мала. Детских фильмов практически нет. Наши дети смотрят мультфильмы, ориентированные на ценности массовой культуры. В них доминирует агрессия, прослеживается та же жестокость и черствость, которой страдают боевики для взрослых. Производители художественной и медиапродукции зачастую смотрят на детскую аудиторию как на механическое продолжение рынков сбыта взрослого продукта. Так появляются детские журналы и игрушки, являющиеся, по сути, продолжением рекламных акций той или иной международной компании. Страницы детских изданий смотрят глазами рекламных героев, в них насаждаются не жизненно-нравственные ценности, которые необходимы для личностного становления ребенка, а рыночные пристрастия.

Признание неблагополучного положения в области детских культурных стратегий особенно важно для нашей страны. Впервые за всю нашу историю

мы скоро вырастим поколение, выращенное исключительно на попкорне рекламы и на детских играх-стрелялках, где с молодых ногтей учат безжалостности — где хорош тот, кто первым выстрелит и убьет. Значит ли это, что вскоре мы получим общество без чувств и жалости, мир жестоких и тупых людей с установками на успех любой ценой, где убрать, убить человека будет так же просто, точнее — еще проще, чем поговорить с ним? Отсутствие в России грамотной политики в области детской культуры, безразличие государства к культурной продукции в детском сегменте может скоро сделать все общество заложниками поколений, воспитанных в нормах беспредела.

Стратегия №10. Духовно-аналитическая, онтологическая, развивающая осевая стратегия. Психозелевация. Культура как образное познание мира и творческое преобразование человека. Культура как идеологическая страсть и идейное томление, как творческое вопрошение мира и человека в художественной форме.

Вершиной всей огромной палитры форм и типов художественной деятельности оказывается наиболее насыщенное и многоплановое ценностно, обладающее высшей познавательной энергией искусство, которое обретает такое качество, как преодоление породивших его условий и создавших его времен и ставшее поначалу — общенациональным, общенародным, впоследствии — и общемировым явлением, общечеловеческой ценностью, обретением для всех народов и для всех времен.

Это искусство, обладающее высокой концентрацией смысла и высокой силой воздействия, уникальное по содержанию и по форме. Такие произведения искусства, наполненные непреходящей ценностью, получили множество наименований. Это и «сокровища мировой культуры», и «золотой фонд человечества», и «классика». Думается, что всех их для описания этой группы духовно-художественных явлений недостаточно, а последнее подчас опасно, потому что в нем скрыт школьно-академический оттенок и оценка явления культуры как архивного, устоявшегося, мертвого музейного артефакта. Над нами подспудно витает этот образ мирового художественного музея-кладбища, собрания неких состоявшихся застывших и умерших в своей остылой правоте «показательных» моделей чьей-то гениальности. Между тем главное в этом типе искусства — не его архивно-накопительная часть, не собрание шедевров ушедших времен, а непреходящая жизненность, живость и жизнеспособность. Оно обладает высокой жизненной и духовной емкостью, всепроникающим смысловым излучением и затрагивает самые основы существования человека и человечества.

Можно говорить о высокой идейной заряженности этого искусства, о его исследовательской и эмоциональной мощи.

Это искусство корневых вопросов: жизни и смерти, подвига и предательства, героизма и трусости, любви и подлости. Именно острая, бесстрашная постановка этих крайних вопросов судьбы и человеческого мира и делает его емким, глубинным, волнующим все поколения, истинно всенародным и массовым.

В числе таких бесстрашных произведений — «Божественная комедия» Данте и «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго и лирика Пушкина, трагедии Шекспира и сказки Ш. Перро. Можно назвать несколько сотен произведений, без которых немислим облик

современного человечества и отдельных народов. Это и литературные сочинения, и музыкальные прозрения, и живописные полотна и скульптурные изваяния. Так, в один день стало ключевым духовно-художественным явлением великая песня «Вставай, страна огромная», соединив в одном аккорде душу и судьбу народа, охваченного чувством смертельной угрозы от фашистского нашествия.

Что роднит такие произведения? В первую очередь, высокий сострадательный заряд в отношении человеческой боли, живо и искренне поставленные вопросы судьбы, полнота конкретного переживания, доведенного до высшей силы общечеловеческой эмоции, содержательная емкость и доведенная до пронзительной силы форма. И — мера их воздействия на реципиента. Художественное прозрение пробуждает зрительское озарение. Здесь познавательный потенциал культуры выдержан в своих высших, предельных режимах, и здесь работает в высшей степени коммуникативная стратегия культуры: это произведения, нацеленные на рост, развитие, просвещение и просветление человеческой личности, на ее трансформацию — на то, что современная психология называет *психозлевацией* — рост и развитие всего психологического потенциала личностного совершенствования.

В такой стратегии культура реализует себя в своем высшем качестве — как духовная разведка. В духовно-аналитической сфере, сфере духовной страсти, общечеловеческой мощи и интеллектуального вопрошания, касающегося судеб человека и человечества, наиболее полно осуществляет себя такая функция культуры.

Как же лучше, точнее и адекватнее назвать произведения этой культурной стратегии? Большую трудность и путаницу вносят устоявшиеся, омертвевшие слова прежних нареканий и номинаций, увводя мысль от того главного и живого жизненного содержания. Конечно, это культура, которая разрабатывает базисные, коренные аспекты человеческого существования. Она открывает или дает актуальность сущностным, онтологическим аспектам жизни человека.

Следует и назвать такую культуру — сущностной, онтологической, жизнетворческой. В истории культурологии уже был предложен термин, описывающий такое ключевое воздействие культуры на жизнь человечества. Это термин К. Ясперса «*осевое время*», означающий особую поворотную эпоху в развитии человечества, когда были выделены и осознаны духовные основы его существования.

Думается, что во избежание новых и новых обсуждений давно истертых старых понятий, обросших хвостом заблуждений и покрыто следами исчерпанных контекстов, пришло время в новой культурной и социальной ситуации, в изменившемся историческом контексте, ввести термин новый, емкий и имеющий уже культурологическую историю. Предлагаю использовать и осмыслить наименование такого смыслозаряженного и ценностного пласта духовной деятельности, как *сущностная психозлевационная стратегия*, как *осевая культура*.

Стратегия №11. Религиозно-философская, духовная, теологическая стратегия. Установка на всеобщность, всеохватность есть важная составляющая в стратегии религиозной деятельности, стремящейся привести население к взаимной терпимости в рамках если не единоверия, то единочув-

ствия и упорядоченности поведения. Самая издаваемая книга в мире — Библия. В то же время она обладает колоссальным *радиусом воздействия*, ибо религиозно-философская, нравственно-теологическая культура имеет огромную смыслопорождающую силу и порождает и пропитывает собой огромное множество произведений не только религиозно-духовного, но вполне светского типа.

Стратегия № 12. Массовая культура. Вопрос о массовой культуре сегодня так же прост, как и неразрешим. Это самая исследуемая и исследованная часть современного культурного пространства, некая ставшая не только модной, но и расхожей проблематика. Говоря о культуре, исследователи почти на третьем слове сползают на феномен массовой культуры, а там, как говорится, «полетела душа в рай». Поэтому проще всего, помянув массовую культуру, отослать доброго читателя к тем классическим и новым талмудам, которые выходили и выходят на эту тему. Иначе придется застрять на этом вопросе. Однако не внести в него ясность я не могу.

Так что же такое «массовая культура»? Нужно признаться — в нашем обиходе последних лет это словосочетание сыграло роль формулы-заменителя. Как это понять? Человек, у которого скачет давление и время от времени возникают неопределенные недомогания сосудистой природы, получает диагноз: вегето-сосудистая дистония. Что это такое, никто, в сущности, не знает. Со временем станет ясно: это ишемическая болезнь сердца или циркуляторная недостаточность сосудов мозга. Время покажет, во что сложатся эти симптомы. Так вот, «массовая культура» — это условное наименование состояния нашего времени, когда все процессы приобретают ярко выраженный массовый, публичный характер. И, однако, публичная порка отличается от публичной проповеди, а дискотека — от крестного хода. Пришла пора и нам более обстоятельно развести ту сумму явлений, которые стали общедоступны.

Для того чтобы быть определяемым как массовое, явлению культуры мало стать многотиражным. На мой взгляд, под термином «массовая культура» кроется группа стратегических установок в общедоступных явлениях жизни и искусства. Убедительное описание массовой культуры именно как специфической духовной стратегии можно увидеть в определении ее, приведенном в недавнем сборнике статей «Массовая культура»: «Пространство массовой культуры образуют различные тексты, представляющие собой доступные «послания», передаваемые по каналам массовой коммуникации (качество «массовости» привносится средством коммуникации, адресованном широкой аудитории, таким как телевидение или Интернет) и *рассчитанные на средний уровень смыслов. Такие тексты строятся на повторах, серийности, устойчивом клише. Они предполагают легкое узнавание, часто ориентированы на дидактику, на адаптацию к привычному порядку вещей.*

Определение «массовая» относится не только к тем или иным культурным продуктам, связанным со средствами их трансляции, — к телепередачам, музыке или виртуальным сайтам, — но и к распространенным социокультурным практикам, таким как туризм, шопинг, походы на спортивные шоу и танцевальные вечеринки, смыслы которых соответствуют описанным выше критериям» (*курсив мой.* — М. К.) [Зверева В. В., 2005, с. 12].

Таким образом, термин «массовая культура» стал в последние годы условным наименованием множества тенденций, обрисовывая круг разнородных

явлений и подчас оборачиваясь практически вхолостую, не захватывая сути обнаруженного явления. Суть же этого явления в существовании культурной стратегии, создающей и обслуживающей принципиально сниженный, *посредственный* уровень миропонимания и жизнедеятельности.

Под массовой культурой сегодня понимается огромный массив разнородной художественной, паражудожественной и псевдохудожественной продукции, направленной на развлечение и отвлечение человека, выполняющих *рекреативную* функцию. Связь массовой культуры со сферой досуга, по большей части бездумного, обслуживающего не столько умственные потребности, сколько жизненные инстинкты, уже отмечалась в теории и успешно осуществляется на практике. Неточный, но широко растиражированный термин честнее и точнее будет скорректировать и назвать этот круг неприятельного и бурного псевдохудожественного существования *культурой посредственности*.

Принцип ее работы — *тривиализация, редукция и упрощение явлений жизни и жизни духа*. Все многообразие жизненных ценностей и мотивов, оттенков отношений, умственных и эмоциональных событий в такой *культуре посредственности выводится на одну общую плоскость*. Они рассматриваются и раскрываются как факты простых межличностных отношений, симпатий и антипатий, любви и ревности, как эпизоды какой-то всемирной сексуальной феерии. Вся полнота и глубина жизни меряется одним всеобщим простым общепонятным мерилем и фактором *сексуальной успешности человека*. Цель и смысл жизни — личный успех, а вершина этого личного успеха — сексуальная привлекательность. Такой одновекторный мир един для гения и простушки, для красавца и уроды, для мыслителя и бездари. Все люди в нем — маски в общем сексуальном хороводе. И это мышление посредственности пронизывает и захватывает все составляющие жизни культуры и общества, весь наличный горизонт социальной реальности, к которой без трепета застенчивости и тени сомнения прикасается эта культура примитива.

Все участники культурного процесса от кинозвезд и могущественных продюсеров до осветителей и массажистов вовлекаются в глобальную систему личных привязанностей или отталкиваний. При таком подходе вообще личная жизнь звезд — это и есть та площадка, на которой, по сути, разворачиваются все страсти и трагедии творчества. Культура — всего лишь экран, на который проецируются эти страсти. Творчество как реализация личных отношений — это философия, которая очень понятна и объяснима для того устройства мозгов «средних классов обслуживающего персонала», домохозяйек и фанатеющих подростков, какое и формирует и оформляет как главное такая культура и рассмотрение культуры и общества под таким — общечеловеческим — обывательским — общемещанским — углом зрения. Тогда совершенно непонятно, чем, собственно, кинозвезда с миллионными гонорарами отличается от скромной девушки из чайного магазина, которая тоже любит своего парня, умирает от ревности, ест по утрам мюсли, красит волосы точно такой же краской «Гарньер», мажется таким же кремом и носит такие же умопомрачительные мини. «Вы как мы, мы как вы» — вот внутренний лозунг, внутренняя формула такого подхода. Они такие же, как мы, они среди нас, они живут за нас. Кинозвезда — всего лишь виртуальная дублерша такой «простой девочки», которая по каким-либо причинам не попала на экран. Дело человека искусства — представлять за своего жизненного близнеца. Никаких шевелений мысли о духовном

взлете и умственном творчестве, нравственных прозрениях или высших откровениях не ведется, ибо в такой системе координат вообще невозможна тема какого-либо усилия, кроме мышечного или, скажем, волевого при отказе от сладкого и мучного. Похоже, что с этой точки зрения культура — лишь приложение к глянцевым журналам, сборникам рецептов и книгам о выборе сексуального партнера. Тут кроется отказ от каких-либо качественных оценок и размышлений, сама идея о необходимости каких-либо неординарных усилий и способностей для достижения главной цели искусства — духовного очищения и просветления человека. Сведение культуры к отражению обычной жизни обычного человека только в лучшем обрамлении плюс личные стрессы звезд закрывает духовные горизонты движения зрителей, приводит к тому результату, о котором более полувека назад писал А. Тойнби: к стагнации огромного числа людей. Можно добавить — к их целенаправленному удержанию в рамках того подхода к миру, который Ницше называл «лягушачьим». Лягушачье мышление — мерить весь мир своим болотом, не различая большого и малого и не выходя за черту личных нужд и суждений «компетентных соседей». Культура как огромная коммуналка или провинциальное городишко, где все «спят под одним одеялом» и этим же одеялом все меряют, — вот модель подхода к миру посредственной культуры.

Стратегия №13. Культура утрашения, экстатическая «черная культура».

Для анализа современной духовной ситуации считаю плодотворным описать огромный блок явлений, который я назвала «черной культурой». С «черной культурой» каждый из нас сталкивается ежедневно, когда включает телевизор и видит агрессивные детские мультфильмы, фильмы ужасов, боевики, навязчивую нескромную рекламу, которая склоняет человека к употреблению огромных масс товаров и услуг, потребительских веществ и явлений. «Черная культура» — это определенный массив символической деятельности людей. Это спекулятивная деятельность, которая основывается на определенных закономерностях, правилах воздействия на человеческую личность. Мы наблюдаем возрастающий интерес мировой культуры к патологии, к нездоровым проявлениям человеческой личности. Его корни уходят в начало XIX в., когда возникает интерес к ушербным, распадным явлениям человеческой психологии.

Тенденция к исследованию патологических процессов, происходящих в обществе и личности, каким-то не до конца исследованным образом возрастает к концу XIX в. и к моменту перехода к XX в. превращается все более очевидно в целую стратегию искусства. Исследователи пишут, что если в XIX в. искусство более интересуется социальными болезнями, то в XX в. оно уходит глубже и начинает сосредоточиваться на патологических процессах, происходящих в глубинах человеческого сознания. Вот мнение одного из исследователей: «Слово «декаданс» привлекло многих критиков, в частности, потому, что (начиная с «Цветов зла») искусство присматривалось к патологии, злу и смерти. Между тем для поэзии конца XIX — начала XX в. такое увлечение закономерно. Литература всегда устремляла свое внимание на болезнь — только в XIX в. она интересовалась болезнями социальными. Когда изменился статус ее героя и героем стал человек внесоциальный, недуги общественные уступили место психологическим и физиологическим. <...> Недуг, свойственный человеку как таковому, излечить бесконечно труднее;

во всяком случае, труднее найти пути для оздоровления человеческой природы, нежели общественного организма. Тут невозможны ни революции, ни даже реформы» [Эткинд Е., 1997, с. 17–18].

В конце XX в. изображение патологических процессов в человеческой душе становится все более очевидной задачей искусства. Искусство не только исследует, но все больше становится провокатором такого деструктивного развития человеческой личности.

На мой взгляд, эта тенденция к получению патологизированной, деструктивной личности совпадает с тайными интересами цивилизации потребления, технократической цивилизации, которая получила одно из наименований — «цивилизация инстинктов». Чтобы неограниченно развивалось производство, а следовательно, увеличивался капитал, нужно получить потребителя, который способен безгранично потреблять. Безгранично потреблять будет только деформированная личность, поскольку гармоничный человек, устойчивый человек всегда имеет естественные ограничители, он умерен в потреблении, и принцип аскетизма на самом деле, как органический принцип, заложен в структуру всех здоровых культур в фазе подъема, роста. Мало потребляющий человек — это человек, способный к каким-то широким контактам с миром, не нуждающийся в специальных допингах. Для того чтобы получить человека, способного поглотить все эти баллоны пепси-колы, прожевать фуры этих жвачек, нам нужно получить человека, в котором будет какой-то внутренний зуд, т.е. этой цивилизации нужен невротизированный человек, ей нужен человек боящийся, тревожный человек, постоянно чем-то неудовлетворенный, для того чтобы он заедал, запивал и искал другие способы анестезирования той духовной неустойчивости, которая в нем должна поддерживаться. «Черная культура» призвана создавать нужный цивилизации ущербный, траченный, неустойчивый тип личности. С художественной точки зрения, ориентация на личностную дисгармонию, на дисбаланс, на анестезирование искусственными способами выражается в лозунге «новизны». Фетишизируется «новизна» как таковая — заманчиво нарушить еще какие-то границы, выйти еще в какую-то запретную зону, т.е. должен быть элемент механического потрясения. Других существенных критериев в оценке произведений искусства для последователей этого направления не существует.

Каким образом реализует себя «черная культура», как она работает с человеком? Она функционирует на системе подмены. Первая подмена, которую осуществляет эта культура, — это подмена естественных форм реагирования, т.е. нарушение, разрушение естественной эмоциональности человека, его естественной контактности. Это качество можно назвать «контрэмоциональностью» (разрушение органических эмоциональных связей). Эта культура учит не связыванию, а нарушению отношений между людьми. Первое, чего достигает эта культура, — разрушение эмоциональной среды, которая является атмосферой органического существования человека.

Второе. Любое произведение искусства представляет собой энергетическую структуру, которая построена определенным образом. Любое произведение искусства есть энергетическая ловушка: человек должен войти в нее с одной энергетикой, пережить определенный эмоциональный и энергетический вираж и выйти в другом состоянии. Этот вираж в эстетике называется «катарсис» (очищение через сострадание). Такие виражи потрясения предполагаются и в «черной культуре», но происходят они на другом

механизме — это механизм шока. Причем этот шок приводит не к очищению, а к очень сильному деструктивному переживанию. Самая яркая ситуация, которая передается в «черной культуре», — это бесконечные сцены драк, убийств, насилия, погонь, — ситуация, когда человек становится в патовое положение. Например: на экране действуют двое — жертва и мучитель. По законам катарсиса человек должен отождествлять себя с кем-то. Человек, который смотрит, как палач мучает жертву, не может идентифицировать себя ни с тем, ни с другим, потому что он не может представить себя жертвой и стать, соответственно, мазохистом, и в то же время он не может стать палачом, потому что это жестоко, аморально и т.д. Человек переживает не сопереживая, происходит эмоциональная сшибка. Такие произведения «черной культуры» действуют как моральная анестезия: человек как бы нравственно и эмоционально глохнет, у него теряется импульс естественного взаимодействия, основанного на эмпатии — сочувствии, сопереживании, идентификации.

Третье составляющее «черной культуры» — это подмена материала изображения. Объектами воспроизведения оказываются пограничные, криминальные или патологические обстоятельства: акты насилия, кровь, трупы — все эти зоны боли и сверхболи. И — смерть, смерть!.. Шоковые объекты переживания вводятся в повседневный оборот, неумеренно тиражируются, варьируются, приобретая все более откровенный, то грубый, то изощренный, характер. Современный россиянин видит сцены насилия около 100 раз в сутки — 4 раза каждый час.

Четвертое качество, которое мы можем проследить на огромном материале — больное воображение, больное видение. Нам показывают бесконечное количество видений, которые сходны с теми галлюцинациями, бредовыми переживаниями, которые в психиатрии называются продуктивной симптоматикой при шизофрении, — иными словами, происходит искусственная шизоизация общества, людей заставляют переживать состояния, схожие с галлюцинациями, которые свойственны больному воображению.

Пятое — это отсутствие скрытых вещей. Один из важнейших принципов, по которому развивается любая устойчивая культура, — тайнодействие. Любая здоровая культура основана на принципе тайных вещей, которые не могут быть предметом публичного освещения и повседневного касания. «Черная культура» снимает все тайные покровы. Открытость и доступность всего: любви, смерти, мучений, трагедий — приводит к таким вещам, как цинизм. Все дозволено, все открыто. Рядом с цинизмом присутствует такое качество, как аморализм. В «черной культуре» хорошо то, что делает сильный. Поэтому часто элемент шока основан на том, что показывается элемент вероломства, причем сделано это коварным образом. Воспевается элемент предательства — тот, кто стал более страшным хищником, тот и прав.

Еще одно качество этой культуры — это эротизм и открытый показ, постоянная демонстрация интимных сторон человеческой жизни. Об этом писал О. Шпенглер в «Закате Европы». Он говорил, что один из признаков кризиса и распада цивилизации — превращение всех сторон человеческой жизни в спорт: политика — спорт, наука — спорт, любовь — секс, спорт. Как спортивные фигуры, лишённые всякой окраски, показываются интимные, сокровенные моменты человеческой жизни.

Важное качество «черной культуры» — механистичность. Каждое произведение не является единственным, уникальным и неповторимым, ор-

ганически выращенным произведением. Существуют некие принципы, по которым можно снять боевик, сериал и т.д. Он может быть сфабрикован поточным способом, и человек не ждет индивидуальной работы, а ждет тех узнаваемых блоков, привычных шоков, которые будут бить по тем же точкам в его разрушающемся сознании.

И связанный с этим серьезный момент — это тенденция тривиализации, упрощения отношения к жизни, к людям, отказ от высоких чувств, высмеивание высоких переживаний. На этом работает не только эстрада, на этом работают большие массивы культурных изданий — адаптированная «Анна Каренина», издаваемая в кратком пересказе как карманная книжечка, «Война и мир» в примитивном изложении, т.е. сложные структуры человеческого сознания становятся не нужны, редуцируются. И вместе с тем в «черной культуре» заложен большой заряд недоверия к интеллектуализму, к умным образованным людям. Это культура, которая насмехается над ребенком, который хорошо учится.

Еще один важный момент — разрыв связи по вертикали, т.е. связи между поколениями. Создается целая система подростковых субкультур, которые делают тинейджерские группы замкнутыми на себя. Нередко подросток целенаправленно противопоставляется родителям. Постоянно звучит реклама «Не говори родителям!». Всегда государственная политика во всех странах противостояла тенденции отрыва детей от родителей, потому что эта связь — основа устойчивости государства и социума. «Черная культура» работает на поддержание подросткового нигилизма и, более того, воздвигает его. Тинейджерская культура, которая формируется при этом, — чрезвычайно затратна. Атрибуты полноценности подростка в его подростковой среде дорого стоят — это дорогая одежда, дорогая обувь. Вся актуальная подростковая атрибутика очень дорогая. Таким образом, «черная культура» ставит подростка в конфликтное отношение с экономическим положением его семьи, когда самой дорогой статьёй расходов семьи становится не просто одевание ребенка — семья должна оплатить его место в социуме. Слабые в экономическом отношении семьи — семьи интеллектуалов, бюджетников — оказываются самым уязвимым звеном, и их конфликт с подростками становится наиболее острым, поэтому подростки образованных и альтруистически работающих людей как бы оказываются во враждебной позиции к своим родителям. Это очень серьезный механизм подрыва естественного единства людей, который заложен в «черной культуре».

«Черная культура» основана на принципиальном отсутствии низшего и высшего, высших ценностей.

Любая культура мира, в частности русская культура, строится на системе вертикали. Есть обыденные вещи, есть низшие вещи, есть высшие вещи в структуре восходящей, работающей здоровой культуры. «Черная культура» не признает высших вещей в принципе. Ничего высшего быть не может. Все, что находится выше уровня понимания обычного человека, — смешно, недостойно. Поэтому обращение с высшими ценностями одно — ерничество, высмеивание, опозление, глумление. Эта культурная вообще не предполагает высшего ранга человеческих отношений. Она создает клише, формулу примитивизированных, плоских и поверхностных человеческих отношений.

«Черная культура» направлена на разрушение традиционных устойчивых культурных форм и связей между людьми. Она воспитывает в человеке

страх и проистекающее из него равнодушие к жизни, хамство в поведении, грубость чувств. Иными словами, «черная культура» нацелена не просто на стагнацию личности, она заглушает и выжигает тонкие духовные вибрации, обездушивает человека, превращает в зомби, раба силы. Всякая культура — это способ существования, это версия мира; она охватывает все стороны жизни человека, она говорит ему, как нужно жить, дает ему механизмы переживания и поведения. Воспитывая в человеке версию яростного, бессовестного, враждебного ему мира, деструктивная «черная культура» вдыхает в него психологию постоянного страха, тревоги, неуверенности, бессилия, моральной подавленности, а это и есть психология раба. Сочетание системы информационного давления и «черной культуры» формирует скрытым образом новый тип рабства — в чистом виде психическое рабство.

Не следует объединять или тем более отождествлять «черную культуру» с массовой культурой. В ядре массовой культуры — простое переживание радостной повседневности, в ней выражен светлый, жизнерадостный ракурс мировосприятия.

Черная культура — явление другого рода. В ее стволе — культ смерти. Она поэтизирует силу зла, воспроизводит стремление к расщеплению человеческой личности, зомбированию, психической редукции. Она закладывает в подсознание человека программу саморазрушения. «Черная культура» вырабатывает агрессивно-бездушного, деформированного, невротизированного человека, ее работа — патологизация личности, распространение психического рабства. Это одна из опаснейших тенденций, существующих в современной культуре.

Стратегия № 14. Оргиастически-экстатическая стратегия. В основание выделения такой стратегии могут быть положены рассуждения об искусстве, принадлежащие Фридриху Ницше, где он выявил и описал дионисийский тип художественного творчества. В противоположность аполлоническому искусству, призванному гармонизировать и эстетизировать реальность, дионисийское искусство направлено на выявление стихии страсти, необузданной страстности и неутолимой жизненности человека.

Такие оргиастические формы всегда существовали в присущей различным цивилизациям художественной шкале. Оргиастические формы культуры направлены на массовую психологическую разрядку и сброс психологического напряжения. Именно к такому экстатическому типу культурного переживания восходят многие народные обряды и шаманские действия, календарные праздники и многовековые обычаи. К типу оргиастически-экстатической культурной стратегии могут быть причислены как венецианский карнавал, так и бразильские танцевальные феерии, праздники помидора и коррида в Испании. Массовые шествия и действия с неизбежностью включают этот компонент мощной психологической разрядки. Подобный компонент проглядывает и в мистериальных действиях Средневековья, когда на огромных европейских площадях и даже в самом помещении соборов проходили сотрясающие душу народного обывателя и ремесленника эпизоды Нового Завета и мучения Христа. Страстное и оглушительное эмоциональное воздействие, приводящее человека в экстаз, гипнотизирующее и захватывающее его, заставляющее забыть и полностью раствориться в народной душе, в массовом марше и коллективном страдании и радости, — все это

дает человеку переживание преодоленного эго, важности народного чувства и народного напряжения, преодолевающего и снимающего личностную неудовлетворенность и единичное напряжение. В экстатических состояниях человек словно бы выламывается за черту своей личной судьбы, за ее пределы, и с восторгом и самозабвением растворяется в чем-то всеобщем и, как кажется, высшем.

Массовые оргиастически-экстатические формы культуры есть в любом обществе, но особенно они присущи обществам тоталитарного характера. Вспомним марши, которые, по модели древних цивилизаций, разворачивали на немецких площадях руководители нацистского рейха. Минуты слияния нации в экстазе и самозабвении были гарантом успешности в создании того «нового мира», о котором бредили нацисты.

Опыт древних массовых маршей и демонстраций был успешно освоен и применен и советским руководством. Создавая образ идеального коллективистского общества, советское руководство прибегло к древнему рецепту сплочения народа через массовые действия, и в атрибутику советского строя были включены демонстрации и народные шествия по многим календарно-символическим дням: 1 Мая — День единства трудящихся, 9 Мая — День победы, 7 Ноября — День революции... Тут не просто красные дни календаря, тут определенная новая традиция массового выхода на улицы и площади, массового организованного шествия с красочной оптимистической символикой, народная демонстрация, где люди шли сплоченными колоннами, вооруженные лозунгами, транспарантами и портретами государственных деятелей, кричали специальные речевки, пели и танцевали. Народный праздник втягивал в себя всех от стара до млада, люди шли колоннами с детьми...

Однако само по себе наличие массовых празднеств еще ничего не говорит о типе общества. Повторю: тут перед нами необходимый атрибут жизни любого народа в фазе его устойчивости. Устойчивое общество всегда имеет этот арсенал всеобщего примирения и слияния в коллективном экстазе.

Общая душа народа требует эпизодов нового и нового переживания своей слитности и живости. Поэтому народ идет в Святки колядовать, поэтому все европейские страны справляют День города — своеобразные всеобщие дни рождения, отмечаемые всем городом, всем народом, колоннами, организованными по принципу соседства или общего ремесла. День города как тип экстатического народного празднества справляется веками в самых разных городах и уголках мира. Народ испытывает потребность время от времени сливаться в общем потоке, в общей радостной эмоции. Поэтому никогда и никем не отменить ни новогоднего безумия, ни весенних торжеств, ни осенних пиршеств. Время от времени душа человека требовательно хочет расстаться сама с собой, чтобы слиться с душой всеобщей и в ней преодолеть свои немощи и слабости. Такова природа человека, в которой наряду со стремлением к красоте и гармонии бушует потребность в самозабвении и страстном экстазе саморастворения. Все дело в пропорциях.

Если в парадигме культурных форм преобладают экстатические моменты, если их далеко зашкаливает в сторону достижения измененных состояний сознания — что входит практически во все оргиастические действия, — так вот, если в обществе возникает множество культурных форм, сопровождающихся измененными состояниями сознания, — это симптом общественного неблагополучия. Так, существенную угрозу стабильности

и устойчивости любого народа представляет собой оформившаяся в современной молодежной культуре наркотическая стратегия. Она выражается в системе культурных форм, целиком опирающихся на преодолении связей с реальностью и самоосуществлении личности на путях экстаза и изменениях сознания. Это и массовые, и коллективные, и индивидуальные экстатические формы. В их числе — культура молодежных клубов и дискотек, где распространяются и употребляются наркотики, это целые течения и художественные направления молодежной культуры, где не скрывается и даже пропагандируется наркотическая направленность. Можно выделить даже такое направление, как «наркотический рок». В тексте песен и в самом поведении исполнителей и зрителей без труда читаются признаки измененных состояний сознания, вызванных употреблением наркотических средств. В радиусе действия такой культурной стратегии оказываются и те несчастные одиночки, которые улетают из этого мира без свидетелей. В любой из своих форм и проявлений экстатическая наркоориентированная стратегия несет в себе одинаково угрожающий для жизни потенциал. Это стратегия разрыва связей личности и общества, крайнего индивидуализма и почти физиологического отъединения, морального герметизма, отрицания возможности гармонии или хотя бы компромисса между человеком и окружающими, это культура ухода в мир измененного сознания, в личное подсознание, в мираж грез и мимолетных ассоциаций, который дает употребление наркотиков. Наркотическая субкультура представляет собой серьезную угрозу стабильности и благополучия всей современной цивилизации, подрывая сами основы дальнейшего выживания человечества. Тут оргиастически-экстатический компонент есть степень оформления общественного отчаяния и разочарования; есть драматический рубеж, за которым примирение человека и общества невозможно. Полный уход в себя, решение жизненных вопросов через отказ от действия, через уход в экстаз, через самораспад личности — важнейшая из угроз, которые несет в себе современная европейская цивилизация, цивилизация западного типа с ее культом индивидуальности и вседозволенности, духовного приключенчества, вытесняющим естественные базовые жизненные ценности народа, главная из которых — задача собственного выживания и сохранения народа как живого целого и как неповторимого цивилизационного проекта.

Стратегия № 15. Формальная, декоративно-орнаментальная, чисто эстетическая стратегия. Это стратегия чисто эстетического, формального преобразования окружающей человека среды, его внешнего облика, жилища и одежды. Декоративно-орнаментальная стратегия создает вокруг человека зону особого эстетико-психологического комфорта, насыщая мир вокруг него идеей гармонии, совершенства, красоты и оформленности, реализуя смысл бытия как красоты. Это художественное, эстетическое оформление реальности было одной из ведущих стратегий культуры начиная с эпохи палеолита.

В этот тип стратегии входит множественное разнообразие форм и типов артефактов, цель которых едина — наслаждение красотой звуков, красок, линий, оттенков, форм, создаваемых людьми, или природных объектов. В этой стратегии воспитывается и утоляется, развивается и совершенствуется само чувство прекрасного, само переживание красоты. О таком типе искусства можно отозваться словами П. И. Вяземского, сказавшего, что сама по себе

красота воспринимается как посвященность. Наивысшее признание этой стратегии видим как в восточных культурах, полностью ориентированных на орнаментальные формы и запрещающих изображение людей, так и в западной культуре, вырастившей в своих недрах философию «искусство для искусства». Такая стратегия по-своему универсальна и так или иначе соприкасается со всеми формами эстетической деятельности, поскольку утверждает самоценность художественности, воспекает и рассматривает искусство в его самодостаточности. Эта стратегия имеет сегодня огромный полигон деятельности. Идет мощная эстетизация внехудожественных объектов, постиндустриальное общество оформляет как художественные артефакты улицы городов, автомобили, места общественных действий, жилища, электронные приборы, рекламу и саму природу; идет многонаправленный труд, задача которого — украшение природы, оформление реальности. Орнаментальная стратегия культуры бывает востребована при любом состоянии, в любом типе общества, особенно общества устойчивого и развивающегося; именно через нее массовый человек приобщается к оптимистическому переживанию красоты и гармонии, которые ведут его к позитивному социальному балансу, к принятию реальности и готовности сотрудничать с нею. Это стратегия примирения с обыденностью, это искусство сделать повседневное праздничным, а будничное — желанным.

Стратегия №16. Экспериментальная, игровая, поисковая «цеховая» культура. Тут — своего рода замкнутая и очень важная часть культуры, та подчас недоступная профанному сознанию сфера, где культура наращивает свой потенциал роста и вынашивает новые смыслы и приемы. Это искусство для художников, это область общения профессионалов, поле проб и экспериментов, где ищутся новые «пути в неизвестное». Это именно цеховая, лабораторная, поисковая зона культуры. Она чрезвычайно важна и нуждается в самой разнообразной помощи и поддержке. Ибо именно из нее, из зоны проб и ошибок, и рождаются новые мощные художественные повороты, новые стили и методы. Новые идеи. Новые школы. Эту зону культуры часто и называют «элитарной», ставя знак равенства между искусственностью профессионалов и сложностью палитры приемов и идей. Такая сложная отрасль искусства может оставаться достоянием единиц, а может стать манком для огромных масс людей, притянутых ролью нового в искусстве как лаборатории форм и суверенности приемов.

Тут нас поджидает множество неожиданностей и внезапных поворотов сюжета, называемого судьбами искусства. То, что вчера воспринималось как единичность, как авторский проект, как уникальная проба, доступная пониманию лишь горстки знатоков, завтра может внезапно стать достоянием самого широкого круга массовой культуры. Массовая культура с ее подражательностью и всеядностью очень чутко реагирует на остренькое. Так, эксперименты в области балета модерн, бывшие в 1950–1960-е гг. одним из самых узких и малолюдных цехов в искусстве, казавшиеся непонимаемыми для широкой толпы, внезапно стали частью самой популярной, широко тиражируемой художественной продукции. Тут, как увидели профессионалы, одно из свойств массовой культуры: в ее потребности постоянно обновляться присутствует способность «всасывать» в себя именно самое новое, неожиданное, экспериментальное, шокирующее.

В состав цеховой экспериментальной культуры входят не только формальные поиски. Это и площадка самого настоящего широкого гуманитарного

искания, где осуществляется восприятие и понимание культуры как эксперимента не только над формой, но и над человеком.

Такое искусство вместе с обслуживающей риторикой может быть названо не иначе, как «психопатологическое», оно дает много импульсов для заглядывания в тайники своего бессознательного, — но, увы, его постулаты и аксиомы известны заранее: как ни крутитесь, но ничего, кроме болезненных явлений и патологических импульсов, вы ни в себе, ни в своих близких и ни в ком ином, включая великих гениев современности и прошлого, не обнаружите. Ибо это направление рассматривает человека как отдельную особь и человечество как род под углом зрения душевной патологии. Можно оформить эту идеологию так: если ты человек, то ты душевно болен. Чем именно — ты можешь пока не знать. И даже, может быть, можешь чувствовать себя здоровым. Если ты здоров, то, посмотрев наш фильм (прочитав нашу книгу), обязательно обнаружишь в себе изъяны. Наша задача — прояснить тебе суть твоей болезни.

Один из принципов экспериментальной культуры — это поиск и определение границ — границ формы и границ психики. Эти опыты далеко не всегда безопасны. Подчас произведения, особенно в кино, напоминают опыты на сеансах психоанализа, в котором выворачиваются наизнанку потаенные глубины живого естества человека. Вот такие психологические опыты, на грани между социальным исследованием и психической атакой, на мой взгляд, не должны становиться достоянием широкой публики, ибо они способны нанести серьезный вред нервной системе обычных людей.

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО: КУДА ИДЕТ КУЛЬТУРА, ТУДА ПРИДЕТ И НАРОД

В данной работе предпринята попытка представить своего рода «периодическую систему» культурных пластов, направлений и стратегий, присущих разным культурам и цивилизациям и представляющим смысловой «ствол» жизни того или иного общества, того или иного этноса, ее когнитивную и эстетическую опору. Однако рядом с этим вопросом, с этой насущной задачей стоит и другая: как соотносятся между собой состояние культуры и перспективы общества? Какой может и должна быть позиция властей, заинтересованных в развитии и процветании врученного им народа?

Мировая история учит нас: в жизни страны может случиться только то, что содержится в менталитете ее народа.

Варварские страны, необразованные народы никогда не порождали и не поддерживали жизнь великих держав. А там, где состоялось это историческое величие, в его основе лежало величие духа народа в его знаниях и готовности жить ради благой и прекрасной цели. По-своему велики и уникально образованны были шумеры, создатели первой великой мировой цивилизации, открытиям и изобретениям которой мы не перестаем изумляться и восхищаться до сих пор, носители сверхточного знания, которым мы уверенно пользуемся. Так же уникально образованны и велики были неповторимые в своей роскошной цивилизации египтяне. Не говоря уже о великой культуре древней Эллады, чье универсальное в своей полноте и высоте наследие питало и питает мировую культуру до сих пор.

Художественная культура есть не только отражение жизни общества, исторических судеб народа, но и существенный канал формирования самого *качества народа*, канал воздействия на его историческую судьбу.

Ибо культура формирует то, что называется сегодня *качество личности*. Мы говорим не только о долгой и сытой, обеспеченной жизни — в социальных теориях полным ходом работает термин «качество жизни». К сфере качества жизни и качества личности и относятся механизмы воздействия культуры.

Ученые установили: сознание человека, при всей его разорванности, сегментированности и противоречивости, обладает одним общим свойством, как бы единой внутренней логикой. Этого внутреннего логоса можно обозначить по-разному. Единый профиль личности. «Самость» — выражение К.Г. Юнга. Душа Ба — по-древнеегипетски. Я назвала его *ноомер* — общее переживание, чувство своего места и состояния в жизни, в ноосфере, в обществе, в судьбе. Психологи обозначают его как общий *познавательный потенциал человека*. Общее качество живой личности, *когнитивный стиль*. Искусство, культура и являются той лабораторией, в которой вырабатывается, уточняется, обосновывается и развивается *когнитивный стиль* человека и народа, задается его уровень, качество, направленность — и, таким образом, — *весь тон человеческой жизни*.

Для того чтобы давать грамотную, компетентную оценку воздействия на страну и общество, которую оказывает та или иная стратегия культуры и та или иная политика в области культуры, сегодня следует зрело определить и уточнить самое фундаментальное понятие — описать сущность и место в жизни и стратегии общества самой культуры.

Вот в этом-то вопросе и существуют сегодня у нас самые большие недостатки, зияют самые большие пробелы. Чтобы точнее, современнее уяснить себе роль и природу культуры, следует преодолеть стереотипы эмпирического описательного подхода и перейти к кибернетическому и синергетическому мышлению, оперирующему не отдельными фактами, а выявляющим лежащие в их основе модели.

Здесь уместно вспомнить формулировку Эйнштейна, который дал свое определение духовной деятельности людей: *«Человек стремится каким-то адекватным способом создать себе простую ясную картину мира. Это не только для того, чтобы преодолеть мир, в котором он живет, но и для того, чтобы в известной мере попытаться заменить этот мир созданной им картиной. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном, головокружительном круговороте собственной жизни»*.

Эту подспудную программу человеческого сознания и человеческой жизни обрисовал и другой выдающийся ученый и мыслитель Уильям Голдинг: *«...наущнейшая человеческая потребность — это искать связующие звенья между отдельными явлениями... Явления здесь — события психологические, эволюционные, религиозные, философские, мистические, научные. Мне кажется, жизнь прошла попусту, если я не в состоянии как-то сочетать, связать выход молока и квазары с прочими новейшими достижениями с самыми глубочайшими человеческими переживаниями. Все это должно составить некое единство. Если я исповедую какую-то веру, то лишь веру в единство. Единство — главное дело человека, инстинкт, наущнейшая потребность, главное назначение его жизни. Он должен стараться любым способом привести весь этот непостижимый мир к единству. Подчас кто-то подскажет, подтолкнет, может быть, но главное направление должно быть неизменно. Это похоже, как большинство растений тянутся к свету,*

несмотря ни на что. Может быть, не доберутся, но все равно тянутся, ползут. В этом состоит назначение человека».

Обретение единой, внутренне согласованной картины мира есть насущная задача человеческой жизни и человеческого сознания. Без такой картины, имеющей ясный «внутренний порядок устройства» (выражение Гегеля), жизнь человека невысказима, она становится внелогична, хаотична, аномальна. Обретение единой картины мира есть одна из сверхзадач самого человеческого существования. И лабораторией такой работы и становится в любом обществе его культура.

Культура — это не досуг, не развлечение, не что-то, что может быть, а может не быть. Культура есть картина мира, которая заменяет реальность, исходя из которой человек и общество моделирует свою жизнь, формирует свою стратегию. Классик современной культурологии Леви-Строс рельефно описывает исключительную по своей важности роль культуры в формировании внутреннего профиля личности: *«Мы встречаемся с парадоксом человеческой психики — человек фиксирует не весь поток действительности, он избирателен, и он избирает в потоке событий то, что объяснено ему в формулах культуры того народа, <...> в котором он существует. <...> Личный опыт человека остается неосвоенным и неосмысленным, если он не совпадает с той версией мира, с той формулой мира, которую человек получает через культуру».* Следовательно, культура — это не внешний по отношению к человеку момент, а структурообразующий, внутренний фактор того, как живет человек, как он выживает, как он воспринимает мир, как его формулирует, каковы способы его психологических реакций. И в этом смысле здоровая, сбалансированная культура является защитой человека. Она защищает его как от травмирующих воздействий жизни, так и от событий, которые происходят в его организме, и от тех переживаний, тех стихий, которые заключает в себе его внутренний психологический мир, стихия его внутреннего существования. На мой взгляд, существующие великие теории культуры, в частности великая семиотическая школа, трактующая культуру как систему знаков, может быть дополнена новым пониманием культуры — как системы жизненной адаптации и корректировки человека — системы выработки, концентрации, хранения и передачи жизненной энергии. Нам как воздух нужна система поддержки и выработки *великой общенародной культуры*, не «массовой» или «кассовой», а именно такой культуры, которая лежит в основании всех великих мировых держав, — культуры высших жизненных этических ценностей, милосердия, целомудрия, мудрости.

Великая общенародная культура — культура для всех — и есть такая система поддержания и балансировки личной энергетики человека, корректировки его эмоционального мира, гармонизации и структуризации его поведения и переживания, которая упрочивает его мир, помогает ему выжить и личностно состояться.

Каждая культура в конце концов вырабатывает те магические формулы, в которые человек вписывает свой внутренний мир. Культура создает позитивное поле вокруг человека, укутывает его. Она своего рода покров. Культура выстраивается вокруг человека как суперсемья, в которой он получает систему родственных отношений. В основе, в своем ядре каждая устойчивая культура содержит запредельную идею — найти коллективную формулу бессмертия, преодоление конечности, преодоления смерти, ненадежности, зыбкости жизни отдельного человека. Индивид находит решение своих лич-

ных проблем, разрешение своих страхов в общем родовом существовании, к которому он приобщается через культуру. Так, культура, по определению Ю.М. Лотмана, — это коллективная память, это моделирующая система и это коммуникативная система.

Если мы с вами обратим внимание на нашу культурную ситуацию, то у нас с вами нет звена бессмертия, мы не можем сказать, кто или что у нас сегодня бессмертно.

Культура существует в двойственном качестве. Мы воспринимаем культуру как ряд событий — выступил певец, художница нарисовала картину. Значит, культура во внешнем проявлении существует как череда конкретных фактов, а в своем внутреннем толковании культура представляет собой систему. Пользуясь терминологией В.И. Вернадского, можно сказать, что культура — это органическое тело; культура — это организм, живой организм, в котором разные органы взаимодействуют. Мне кажется, имеет смысл говорить о культуре как о модели, как о матрице, в которой есть определенные ячейки, определенный способ существования элементов.

Вот этого-то фундаментального и ответственного *целостного* понимания культуры как незримой корневой системы, пронизывающей изнутри все, что происходит в обществе и с человеком, недостает нашему мышлению. Через систему внутренних образов и магических формул культура формирует определенный способ поведения и определенного рода персонажи, которые символизируют определенные переживания, персонифицируют их и придают им валентность, значимость и ценность. Здесь мы вступаем в важнейшую зону — область исследования текущей культуры как перспективной моделирующей деятельности, влияющей на *стратегию движения общества* и формируемой им личности.

Тут — целая серия вопросов не только философского или культурологически-теоретического, но и социально-практического плана. Можно сказать, что в последние годы «проблема культуры» вышла у нас, в нашей стране, из теоретических аудиторий прямо на улицы, заполнила сводки криминальных происшествий и стены пенитенциарных заведений. Не газетными столбцами, а живой кровью вписана она и в историю современности, и в строки кладбищенской статистики. Не по книгам, а по свежим могилам приходится нам ее читать сегодня.

Ибо тот поток разрушения, деструкции и деформации, который свободно — под спекулятивными лозунгами демократии и либерализма — потек на головы наших детей, поистине беспрецедентен. Не свободу получили мы в духовной сфере, а новое рабство — власть денег, когда открыто криминальная, по сути пограничная с уголовным деянием, продукция вытеснила с «рынка» культуру истинно духовную, созидательную, совестливую и человечную. А власть, равнодушная, как природа (вспомним у Тютчева «а равнодушная природа...»), своим безмолвием и бездеятельностью, по сути, потакает распаду и деградации народа, т.е. надвигающейся гибели страны.

От того, какие фильмы и телепередачи смотрит человек, какую музыку слушает, читает или не читает литературные произведения, в конечном счете зависит качество его личности, через него — социальное положение и в конечном итоге — судьба человека в обществе и общества в мире. Механизм этого глубинного воздействия культуры на человека и общество реализуется через когнитивный стиль, который с неизбежностью осуществляет себя в жизненной практике человека.

Думается, введение в массовый оборот этой категории не только важно и существенно, но и поможет огромному числу людей осознать, как же конкретно влияет на жизненные установки и результаты каждого человека его культура. Именно с этой категорией работают немецкие и американские психологи. Задавшись целью установить опытным путем, каковы связи успешности социальной деятельности людей с их культурными вкусами, предпочтениями и кругозором, они провели ряд опросов и исследований и получили такой результат: чем выше социальное положение реципиента, тем выше «планка» его художественных предпочтений. И наоборот — чем выше планка художественных предпочтений человека, тем больше у него шансов добиться высоких результатов в творчестве и организации жизни общества.

Так, преуспевающие бизнесмены, топ-менеджеры или ученые высокого уровня гораздо чаще проявляют склонность к классической музыке, нежели к популярной. Тут точнее сформулировать иначе: чем шире и глубже кругозор человека в искусстве, чем изысканнее его пристрастия, тем выше у него шанс успешно состояться на серьезном уровне. Такие люди увлекаются сложными структурами, скрытыми в художественных произведениях высокого когнитивного уровня. Они учатся отслеживать и понимать чувства и стремления других людей. Наконец, у них развивается опыт ассоциативного мышления, ширится поле ассоциирования, а именно способность мыслить ассоциативно и навык ассоциативного мышления повышают креативность человека и в целом усиливают творческие способности и подходы человека. Напротив, примитивные вкусы, грубые навыки тормозят творческое восприятие мира. У человека с развитым художественным опытом формируется *сценарное мышление*, позволяющее более гибко и неконфликтно решать складывающиеся ситуации. Люди с более узким и поверхностным художественным вкусом и опытом ведут себя более грубо и раздражительно, *реактивно*, отчего даже малые конфликты перерастают для них в ссоры и вражду. Люди с таким сознанием не могут быть руководителями, их удел — послушание и подчинение. Они малопригодны в творческой сфере. Их профессии не выходят из бытового уровня, это люди с сознанием обслуживающего персонала.

Напомню и подчеркну важную мысль: сведение культуры к отражению обычной жизни обычного человека только в лучшем обрамлении плюс личные стрессы звезд, ограничение всей духовной продукции масс- и поп-культурой, шоу-бизнесом закрывает духовные горизонты движения людей воспитает российский народ как страну обслуживающего персонала в лучшем случае. Таковы наши возможные перспективы.

Интересные ориентиры нам предоставляет недавняя история. Очень поучительный недавний пример Скандинавских стран. Для того чтобы сформировать подъем страны, правительство Швеции, например, вложило немалые средства... в развитие детской литературы. Не случайно сегодня во всем мире, говоря об этой стране, вспоминают великую Астред Линдгрэн с ее чудесным Карлсоном и симпатичным Малышом. Выдающаяся писательница высветилась на общем фоне, на общей волне политики государства: хочешь иметь достойную жизнь, сильную, уважаемую страну — вкладывай силы и средства в культуру, в первую очередь — детскую.

Поле нашей современной культуры неровное, неоднородное, противоречивое, многоуровневое. Однако проблематика целостного рассмотрения всей полноты культурного поля нова. Именно поэтому и предпринята попытка вернуть пространству культуры его многомерность и объемность.

Может быть, предлагаемая систематика недостаточно полна и недостаточно совершенна. Но это именно попытка системного, объемного взгляда на культуру, попытка анализа культуры как полного внутренних связей пространства *метатекста*, поля многомерной *семиосферы*.

Культуре нужен не узковекторный, а многофакторный анализ.

Главный вывод, на который хотелось бы обратить особенное внимание людей, стоящих у власти, заключается в том, что подъем той или иной страны всегда тесно связан с подъемом ее культуры. У всех великих государств во все времена была целенаправленная, мощная культурная стратегия и политика. Ни одна сильная держава не состоялась без этого фактора устремления народа на определенную духовную стилистику и интеллектуальную эстетику.

Без великой культуры не может быть ни великой страны, ни морального благополучия, ни здорового народа.

ЛИТЕРАТУРА

Зверева В. В. Предисловие // Массовая культура: современные западные исследования. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. С. 12.

Косенко С. Политика культуры или культура политики. Опыт Франции. — М., 2008. С. 13.

Эткинд Е. Там, внутри. О русской поэзии XX века. — СПб., 1997. С. 17–18.

РАСХОДЫ НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ В РЕГИОНАХ РФ С РАЗЛИЧНОЙ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬЮ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ

Горина Е.А., младший научный сотрудник Независимого института социальной политики

В данной статье приведен сравнительный анализ бюджетной политики трех регионов с различным уровнем бюджетной обеспеченности — г. Москвы, Тверской и Томской областей. Исследование проводилось на этапе экономического роста 2003–2008 гг. в отношении социально значимых расходов, и особенно расходов на социальную поддержку населения. Рассмотрены динамика роли этих расходов в консолидированных бюджетах субъектов РФ и тенденции в уровне финансирования; с точки зрения соотношения расходов на категориальные и адресные программы проанализированы приоритеты финансирования в региональных системах социальной защиты; показано растущее неравенство возможностей регионов в реализации мер социальной политики и дифференцирующая функция системы социальной защиты. Кроме того, обозначены возможные перспективы изменений социальных расходов региональных бюджетов под воздействием фактора экономического кризиса, начавшегося в 2008 г.

Социальные расходы, осуществляемые государством на разных уровнях бюджетной системы, являются основой социальной политики. В настоящее время ключевым в реализации основных социальных программ можно считать уровень субъектов РФ. Во-первых, социальные расходы распределены между уровнями бюджетной системы в России таким образом, что основная их часть (более трех четвертей) сосредоточена в консолидированных бюджетах субъектов РФ, причем роль последних постепенно растет [Социальный атлас...]. Во-вторых, в результате перераспределения полномочий между федеральной властью и субъектами РФ в 2005 г.¹ власти регионов получили законодательно закрепленную возможность самостоятельно определять характер мер социальной поддержки для ряда категорий населения², варьировать регламент, принципы и объем предоставления социальной помощи.

¹ Федеральный закон № 122-ФЗ от 22.08.2004 «О внесении изменений в законодательные акты РФ и признании утратившими силу некоторых законодательных актов РФ в связи с принятием федеральных законов „О внесении изменений и дополнений в федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ“ и „Об общих принципах организации органов местного самоуправления“»; Федеральный закон № 199-ФЗ от 29.12.2004 «О внесении изменений в законодательные акты РФ в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований».

² К ведению субъектов РФ относятся меры социальной поддержки ветеранов труда, тружеников тыла, реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, граждан пожилого возраста, семей с детьми, детей-сирот, малообеспеченных граждан и других социально уязвимых групп населения, а также установление региональных стандартов для предоставления гражданам субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг.

Начавшийся в 2008 г. экономический кризис спровоцировал резкое сокращение государственных бюджетных доходов, причем в наибольшей степени бюджетные риски сконцентрированы именно на региональном уровне. В этих условиях, очевидно, можно ожидать вынужденных изменений в сфере финансирования регионами своих социальных обязательств. Для того чтобы очертить современный «коридор возможностей» для регионов, необходимо выяснить, как складывалась ситуация с уровнем финансирования и приоритетными направлениями социальных расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ до кризиса, на этапе экономического роста. В настоящей статье рассмотрены динамика основных характеристик социальных расходов региональных бюджетов за 2003–2008 гг., соотношение расходов на категориальные и адресные программы социальной поддержки, возможные перспективы изменений социальных расходов региональных бюджетов под воздействием фактора кризиса 2008–2009 гг.

Возможности консолидированных бюджетов субъектов РФ финансировать свои социальные обязательства резко дифференцированы и определяются в первую очередь уровнем бюджетной обеспеченности³, по которому межрегиональное неравенство в России достигает 12 раз. Исходя из этого для анализа были выбраны три региона с различной бюджетной обеспеченностью: г. Москва, Тверская и Томская области. Москва входит в число субъектов РФ с наибольшей бюджетной обеспеченностью: в 2008 г. собственные душевые доходы столичного бюджета были почти в 2,5 раза выше средних по регионам РФ. В бюджете Томской области уровень собственных доходов на душу населения составлял около 75% от средних, но федеральные трансферты на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности в 2006–2007 гг. в область не поступали, т.е. формально регион считался бюджетным донором. Наконец, Тверская область относится к регионам с пониженной обеспеченностью бюджетными доходами (63% от средних по регионам) и является умеренным реципиентом (в 2006–2008 гг. 7–10% доходов бюджета области обеспечивалось федеральными дотациями на выравнивание).

В качестве методической основы при исследовании объемов и структуры социальных расходов консолидированных региональных бюджетов были использованы работы О.В. Кузнецовой [Доходы и социальные услуги..., 2005], Н.В. Зубаревич [Зубаревич, 2007], С.В. Суркова [Сурков, 2008], экспертов из Центра фискальной политики⁴. Как и в этих исследованиях, информационной базой для нашего анализа послужила отчетность Федерального казначейства об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ за 2005–2008 гг.⁵ Кроме того, были использованы данные законов об исполнении бюджетов тех или иных субъектов за соответствующие годы⁶.

В соответствии с принятой в РФ бюджетной классификацией в разряд социальных расходов включаются расходы на здравоохранение и физическую

³ Действующее законодательство РФ не содержит законодательно закрепленного, однозначного определения понятия «бюджетная обеспеченность». Мы будем рассматривать его как принципиальную способность бюджета финансировать закрепленные за ним расходные обязательства и понимать под ним уровень доходов консолидированного бюджета (собственных налоговых и неналоговых поступлений) в расчете на душу населения.

⁴ Центр фискальной политики; <http://www.fpcenter.ru>

⁵ Федеральное казначейство (Казначейство России); <http://www.roskazna.ru>

⁶ База данных «Консультант Плюс: Сводное региональное законодательство».

культуру, образование, культуру и СМИ, социальную политику⁷. В расширенном понимании к ним относят и расходы на жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), так как они имеют непосредственные эффекты в социальной сфере. В рамках упомянутых работ возможности финансирования и приоритетные направления социально значимых расходов в регионах РФ оцениваются по ряду индикаторов и их динамике:

- 1) *доля в общих расходах консолидированного бюджета субъекта РФ расходов на социальные цели, и в частности расходов по статье «Социальная политика».* Этот показатель отражает, какую роль играют социально значимые расходы в региональных бюджетах;
- 2) *объем в расчете на душу населения расходов на социальные цели, и в частности расходов по статье «Социальная политика».* Региональные различия значений этого индикатора не только зависят от финансовых возможностей регионов, но и позволяют судить о приоритетах региональных властей;
- 3) *структура расходов на социальную политику по различным видам программ,* которая раскрывает соотношение адресных и категориальных мер социальной поддержки населения в региональных системах социальной защиты.

ДОЛЯ РАСХОДОВ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ В КОНСОЛИДИРОВАННЫХ БЮДЖЕТАХ СУБЪЕКТОВ РФ

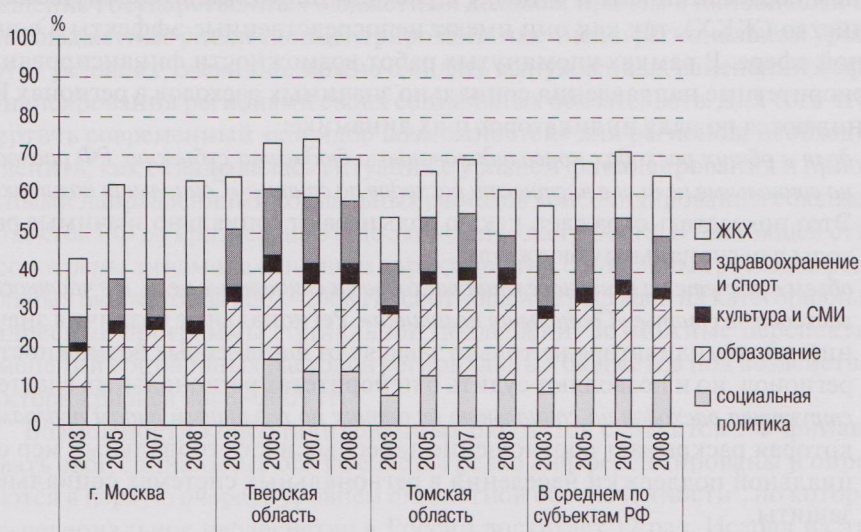
На этапе экономического роста бюджеты российских регионов стали в целом более социально ориентированными. Доля социальных расходов за 2003–2007 гг. во всех расходах консолидированных бюджетов субъектов РФ выросла от 44% до 53%, а если включить расходы на ЖКХ — от 57% до 70% (рис. 1).

Однако структурный сдвиг бюджетов субъектов РФ в сторону социальных расходов не сопровождался унификацией регионов по этому параметру. Их бюджеты по-прежнему в разной степени социально ориентированы. Так, из трех рассматриваемых регионов наибольшую социальную нагрузку имеет бюджет Тверской области: доля расходов на социальные цели была и остается выше среднероссийской, хотя за исследуемый период разрыв сократился. Этот максимум носит скорее вынужденный характер, поскольку при пониженной бюджетной обеспеченности Тверская область отличается повышенными потребностями в финансировании отраслей социальных услуг (из-за сильного старения населения и мелкоселенного дисперсного характера расселения в сельской местности). Бюджет Томской области также можно назвать социально ориентированным, хотя по структуре своих расходов он ближе к среднероссийским значениям.

Столичный бюджет менее социально нагружен по сравнению с другими регионами: суммарная доля расходов на образование, здравоохранение, культуру и социальную политику в Москве менее 40%. Дело в том, что социальные затраты московского бюджета теряются в его колоссальных объемах (расходы столичного бюджета составляют пятую часть от суммы расходов всех региональных бюджетов страны). С учетом финансирования ЖКХ удельный вес затрат на социальные цели приближается к среднероссийскому уровню.

⁷ По разделу «Социальная политика» в бюджетных классификациях проходят затраты на социальное обслуживание и социальное обеспечение населения, борьбу с беспризорностью, опеку и попечительство, пенсионное обеспечение.

Рисунок 1. Доля расходов на социальные цели в общих расходах консолидированных бюджетов г. Москвы, Тверской и Томской областей



Источники: Рассчитано по данным Федерального казначейства, региональных законов об исполнении бюджетов субъектов РФ, а также [Сурков, 2008].

Среди всех видов социальных услуг в структуре расходов региональных бюджетов РФ наиболее затратной статьёй является образование, примерно равные доли приходятся на здравоохранение и ЖКХ. Статья «Социальная политика», где сосредоточены почти все трансферты по социальной помощи населению, занимает только предпоследнее место, хотя за 2003–2008 гг. ее вклад в расходы бюджетов вырос наиболее существенно по сравнению с другими отраслями. Более того, при общем снижении суммарных расходов на социальные цели в предкризисный 2008 год доля расходов на социальную политику осталась прежней (рис. 1).

Рост доли расходов на социальную политику тесно связан с реформами, проводимыми федеральным центром. Так, в начале 2000-х гг. с переводом значительной части социальных выплат на федеральный уровень их финансирование в регионах стало более стабильным благодаря субвенциям из федерального бюджета. За 2000–2004 гг. доля расходов на социальную политику в региональных бюджетах не только выросла, но и выровнялась, что позитивно отразилось на сглаживании дифференциации в доступе бедных и уязвимых домохозяйств к социальной помощи в разных субъектах РФ [Зубаревич, 2007, с. 415]. Однако в 2005 г. делегирование субъектам РФ большей части полномочий по поддержке социально незащищенных групп населения и одновременная монетизация льгот потребовали увеличения расходов региональных бюджетов, зачастую без достаточных источников их финансирования, поэтому эффект структурного выравнивания заметно ослабел.

Регионы неодинаково адаптировались к федеральным реформам и в разных объемах проводили монетизацию льгот для граждан из числа региональных категорий, что отразилось на динамике роли социальной политики в структуре расходов. Власти Москвы минимизировали этот процесс, сохранив практически все прежние льготы. Более того, некоторые из них (например, право на бесплатный проезд в общественном транспорте) продолжали действо-

вать для более широкого круга лиц, а не только для региональных льготников. В Тверской области, напротив, уже в 2005 г. почти все натуральные трансферты, включая скидки при оплате жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ), были заменены денежными выплатами, которые в силу небольшого размера не могли компенсировать отмененные льготы. Региональным льготникам было оставлено только право на льготный проезд на городском и пригородном общественном транспорте, включая железнодорожный и внутренний водный, а также маловостребованные преимущества по социальному обслуживанию. В Томской области монетизация пошла по наиболее распространенному сценарию, при котором за региональными льготниками было оставлено право на скидки при оплате ЖКУ и на льготный проезд в общественном транспорте городского и пригородного сообщения. Взамен остальных льгот (по оплате услуг связи, медицинскому и лекарственному обеспечению, по оплате проезда в железнодорожном транспорте пригородного сообщения и др.) предоставлены ежемесячные денежные выплаты (ЕДВ)⁸. В результате в Москве в 2005 г. доля расходов на социальную политику выросла незначительно, тогда как в Тверской и Томской областях перераспределение расходов в пользу этой статьи было более выраженным (на 5–6 процентных пунктов). Кроме того, следует учитывать, что бюджетные расходы на социальную политику не дают полной картины, так как часть расходов на монетизацию льгот покрывалась регионами из других источников, в том числе за счет внебюджетных средств [Зубаревич, 2007, с. 412].

Полная монетизация льгот потребовала мобилизации больших финансовых ресурсов, поэтому в 2005 г. в Тверской области социальная политика стала второй по величине статьей расходов консолидированного бюджета области. В течение 2006–2007 гг. система социальных выплат была адаптирована к изменившимся условиям, что позволило немного снизить нагрузку на бюджет. Финансирование социальной политики наряду с образованием приоритетно и для бюджета Томской области: вклад этих статей в общую сумму бюджетных затрат больше среднероссийского уровня.

Структура бюджетных расходов, сложившаяся в Москве, характерна для регионов с высоким уровнем социальных расходов на душу населения [Доходы и социальные услуги..., 2005, с. 218]. Вклад социальной политики в расходы относительно невелик, а доли образования и особенно здравоохранения минимальны. При этом, как и в других крупнейших агломерациях, большая часть социальных расходов приходится на ЖКХ (около 30% бюджета).

В целом структура затрат на социальные цели существенно различается по регионам, но отражает скорее не экономическое состояние регионов и уровень жизни их населения, а особенности географического положения и расселения [Доходы и социальные услуги..., 2005, с. 218]. В типологии регионов по структуре социальных расходов бюджетов, предложенной Н. В. Зубаревич [Зубаревич, 2007, с. 412], анализируемые регионы относятся к разным типам. Тверская область — яркий представитель типа регионов с *вынужденным социальным максимумом*, где пониженная бюджетная обеспеченность сочетается с относительно высокой стоимостью бюджетных услуг и повышенной социальной нагрузкой. Отмеченные выше характеристики структуры социальных

⁸ При этом в Томской области, в отличие от многих регионов, сохранивших льготы, были установлены относительно высокие размеры ЕДВ для лиц из числа региональных льготных категорий (см. ниже).

расходов бюджета в Москве позволяют отнести столицу к типу регионов с социально ориентированными бюджетами, в которых сохранение высокой дотационности ЖКХ обусловлено политическим выбором властей. А Томская область относится к условному типу *срединных регионов* с менее выраженными различиями, не позволяющими выделить приоритеты бюджетной политики региональных властей⁹.

ОБЪЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ РАСХОДОВ

Расходы на социальные услуги, и в частности на социальную политику, играют значительную роль в консолидированных бюджетах субъектов РФ. Рассмотрим теперь, сколько могли и готовы были тратить регионы на выполнение своих социальных обязательств в период относительного экономического благополучия? Прежде чем перейти к размерам этих затрат на душу населения и их динамике, сделаем два замечания.

Первое. В предыдущем пункте, для того чтобы понять приоритеты бюджетной политики в субъектах РФ, структура расходов региональных бюджетов сопоставлялась со среднероссийской. Однако в отношении душевых расходов такое сравнение со средним значением имеет содержательный смысл только в годы умеренной экономической динамики: позволяя судить и о соотношении разных регионов, и о динамике уровня расходов в конкретном регионе. Но на этапе быстрого экономического роста (начало 2000-х — 2007 гг.), специфика которого в России проявляется в углублении разрыва между наиболее развитыми и «богатыми» регионами страны и всеми остальными, среднероссийский показатель оказывается завышенным. Сравнение со средними по субъектам значениями душевых расходов наглядно показывает лишь степень региональной дифференциации, но искажает реальный уровень и динамику душевых расходов в большинстве регионов. Избежать такого эффекта и корректно оценивать изменения в объемах финансирования бюджетных услуг можно, сопоставляя показатели душевых расходов в разные годы в постоянных ценах, рассчитанных с помощью индексов-дефляторов (например, индексов потребительских цен в субъектах РФ), что и было сделано при дальнейшем анализе.

Второе. Межрегиональные различия в объемах расходов на душу населения должны оцениваться с учетом стоимости жизни в регионах. В качестве корректирующего коэффициента в расчетах для проведения межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения, как правило, применяют показатель стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, который рассчитывает Росстат, а в сфере ЖКХ — федеральные стандарты предельной стоимости услуг ЖКХ в субъектах РФ, устанавливаемые законодательно.

На размер душевых социальных расходов первостепенное влияние оказывает уровень доходов региональных бюджетов на душу населения: как правило, больше на социальные цели тратят «богатые» субъекты РФ с относительно высоким уровнем экономического развития. При огромном отрыве Москвы

⁹ Оставшиеся два типа регионов — это, во-первых, так называемые получатели пособий — группа из нескольких республик Северного Кавказа с максимальной долей расходов на социальную политику (в основном это выплаты пособий) при пониженной доле всех социальных расходов и, во-вторых, регионы с несоблюдением приоритетов, в которых доля расходов на социальную политику и социальных расходов в целом в структуре бюджетов минимальна.

Таблица 1. Душевые социальные расходы в консолидированных бюджетах г. Москвы, Тверской и Томской областей в текущих ценах, тыс. руб.

Год	Социальные расходы	Социальные расходы и ЖКХ	Социальная политика
г. Москва			
2005	12,2	25,3	3,7
2006	17,6	38,4	4,8
2007	23,6	49,6	6,5
2008	31,8	66,4	9,6
Тверская область			
2005	8,6	10,5	2,3
2006	11,5	13,9	3,0
2007	14,2	17,7	3,5
2008	17,4	20,5	4,2
Томская область			
2005	9,6	11,4	2,2
2006	13,0	15,2	2,9
2007	15,8	19,7	3,8
2008	18,0	22,2	4,6
В среднем по субъектам РФ			
2005	10,6	13,6	2,3
2006	13,8	17,9	3,0
2007	17,9	23,5	4,0
2008	21,7	28,8	5,4

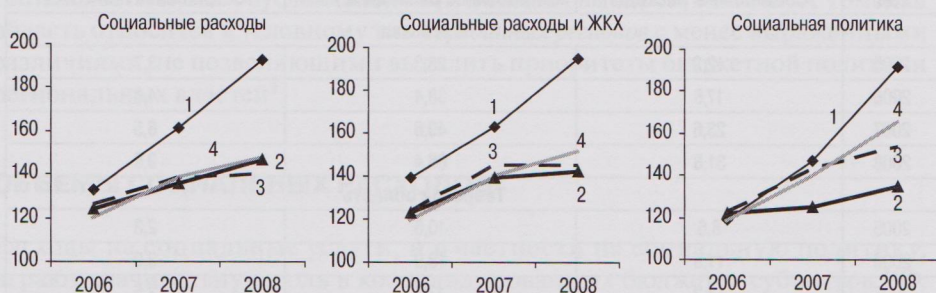
Источники: Рассчитано по данным Федерального казначейства и Росстата.

по уровню бюджетной обеспеченности (в 2008 г. собственные душевые доходы столичного бюджета были в 3,3–3,9 раза выше, чем в Томской и Тверской областях) ее душевые социальные расходы только на треть превосходят средние (табл. 1). Однако превышение становится более чем двукратным, если учитывать и затраты на ЖКХ — отрасль, в которой треть всех расходов из консолидированных бюджетов регионов РФ обеспечивается столичным бюджетом. Власти столицы сохраняют высокий уровень дотационности ЖКХ¹⁰ (объем финансирования этой отрасли на душу населения в 4,5–4,8 раза выше среднероссийского), что обусловлено как реальными факторами удорожания — огромной протяженностью коммунальных сетей, их изношенностью, так и патерналистской политикой властей [Доходы и социальные услуги..., 2005, с. 219].

Благодаря растущим налоговым поступлениям от естественных монополий и большинства крупных сырьевых компаний, зарегистрированных в Москве, доходная часть ее бюджета в 2005–2008 гг. ежегодно увеличивалась на 20–25%, что позволило опережающими темпами наращивать объем финансирования социальных обязательств. Душевые социальные расходы бюджета Москвы к 2008 г. выросли почти вдвое относительно уровня 2005 г. (в постоянных ценах) — это один из самых высоких показателей в стране (рис. 2).

¹⁰ Социальная составляющая бюджетных расходов на ЖКХ в регионах заключается, во-первых, в финансировании затрат на эксплуатацию и капитальный ремонт жилищного фонда, во-вторых, в субсидировании цен (тарифов) на ЖКУ для населения и, в-третьих, в выполнении региональных и федеральных жилищных программ. Согласно бюджетной классификации, ни жилищные субсидии для малообеспеченных, ни оплата ЖКУ для льготных категорий граждан не включаются в расходы раздела «Жилищно-коммунальное хозяйство»: обе эти важнейшие программы социальной поддержки относятся к разделу «Социальная политика».

Рисунок 2. Динамика душевых расходов на социальные цели в постоянных ценах к уровню 2005 г. (%): 1 — г. Москва; 2 — Тверская область; 3 — Томская область; 4 — в среднем по субъектам РФ



Примечание: В качестве дефлятора использован индекс потребительских цен.

Источники: Рассчитано по данным Федерального казначейства и Росстата.

В Тверской области, так же как и в Томской, с более ограниченными возможностями бюджета, душевые расходы на социальные цели (с учетом ЖКХ) составляют около 80% от средних по регионам. Напомним, что среднее значение сильно завышено из-за высоких расходов бюджета Москвы и нефтегазодобывающих автономных округов. Меньшие расходы на ЖКХ относительно среднероссийского уровня в обеих областях (в Томской области — 60%, а в Тверской — 43%) — также отчасти статистический артефакт. В то же время существуют и объективные причины: в этих регионах более активно проводится реформа жилищно-коммунального комплекса, финансовая нагрузка постепенно перераспределяется с государственного бюджета на домохозяйства. Такая политика позволяет не распылать бюджетные средства на дотации производителям и поставщикам ЖКУ и поддержку небедных семей. Об этом свидетельствует и динамика показателя возмещения населением затрат за ЖКУ: его номинальный уровень в первом полугодии 2007 г. составлял 89% в Тверской области и 90% в Томской, а в 2008 г. — уже 92% и 95% соответственно, при 100-процентном федеральном нормативе.

Из всех видов бюджетных социальных расходов именно расходы на социальную политику в наибольшей мере нацелены на поддержку уязвимых групп населения и служат важным механизмом борьбы с бедностью. Душевые расходы на социальную политику напрямую коррелируют с уровнем экономического развития региона: чем богаче население (больше соотношение денежных доходов и прожиточного минимума), тем больше расходы бюджета на социальную политику. С одной стороны, более высокий уровень доходов населения характерен для регионов с более высокой бюджетной обеспеченностью, у которых есть возможность тратить больше средств на социальную политику, с другой — более высокий уровень доходов населения, как правило, сопровождается и более высоким расслоением населения по доходам, что вызывает необходимость тратить значительные средства на социальную защиту малоимущего населения [Доходы и социальные услуги..., 2005, с. 220]. Помимо этого, душевые расходы на социальную политику в регионах с сопоставимым уровнем экономического развития варьируются в зависимости от политического выбора их властей.

Межрегиональное неравенство по душевым расходам на социальную политику в 2008 г. резко сократилось по сравнению с предыдущими годами (с 7,2 до 3,6 раза) преимущественно за счет относительного снижения или тор-

можения темпов роста показателей наиболее богатых нефтегазодобывающих автономных округов. Наряду с ними столица лидирует на фоне других регионов по расходам на социальную политику, тратя по данной статье на каждого жителя объем ресурсов, в 1,8 раза превышающий среднероссийский уровень. Благодаря максимальным расходам бюджета на социальную политику обеспеченность жителей Москвы социальными услугами, льготами и другими видами помощи гораздо выше, чем в других регионах России.

В Тверской области уже упоминавшаяся полная монетизация льгот и, как следствие, увеличение доли расходов консолидированного бюджета на социальную политику сопровождались значительным ростом душевых показателей финансирования этой статьи. К 2005 г. душевые расходы на социальную политику в области превзошли высокую среднероссийскую планку (табл. 1), а темпы их роста за первые два года реформ в системе социальной защиты были одними из наиболее быстрых в стране. Но однозначно оценить такую динамику весьма сложно. С одной стороны, рост расходов на социальную политику — позитивное изменение, поскольку они направлены на поддержку уязвимых групп и малоимущего населения. С другой — этот рост был достигнут вследствие сверхнапряжения бюджета области и относительного сокращения расходов на другие социально значимые цели. О неустойчивости такой бюджетной политики свидетельствует дальнейшая динамика душевых расходов по этой статье. Если в 2006 г. еще сохранялись высокие темпы роста, то уже в следующем году номинального увеличения затрат бюджета едва хватило, чтобы покрыть инфляцию: резервы перераспределения бюджетных средств были исчерпаны, а относительные объемы федеральной помощи, оказываемой бюджету Тверской области в целях реализации социальных программ, уменьшились (см. ниже). В итоге совокупный прирост реальных расходов на социальную политику за 2005–2008 гг. был одним из минимальных по стране (рис. 2).

Томская область также относится к тем регионам, которые значительно — более чем на треть — увеличили расходы на социальную политику в 2005 г. Это связано и с монетизацией льгот, которая хоть и была проведена по сокращенному сценарию, но при относительно высоких размерах ЕДВ, и с переводом выплат жилищных субсидий в ведение органов соцзащиты. Схожая динамика сохранилась и в последующие годы, что дало возможность поддерживать достаточно высокий уровень душевых расходов, близкий к среднему по РФ, тем самым улучшая обеспеченность населения различными видами социальной поддержки.

РАСХОДЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ НА ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ: СТРУКТУРА И СОФИНАНСИРОВАНИЕ

Рассмотрев уровень и динамику бюджетных затрат на социальную политику, приступим к вопросу о том, как распределяются эти средства, какие социальные программы приоритетны для финансирования в региональных системах социальной поддержки, насколько адресными являются расходы региональных бюджетов на социальную политику? В табл. 2 приведена структура расходов консолидированных бюджетов трех субъектов РФ по разделу «Социальная политика». Здесь учтены все меры социальной поддержки, реализуемые через региональные системы социальной защиты (льготы, выплаты, социальное обслуживание), при этом из общей суммы исключены расходы

Таблица 2. Доля расходов на реализацию категориальных, адресных и других мер социальной поддержки в расходах на социальную политику консолидированных бюджетов г. Москвы, Тверской и Томской областей

Меры социальной поддержки	Доля в расходах на социальную политику (без затрат на содержание органов управления), %					
	2006 г.	2007 г.	2006 г.	2007 г.	2006 г.	2007 г.
	г. Москва		Тверская область		Томская область	
Основные категориальные меры социальной поддержки	10,7	10,0	18,7	17,2	27,4	23,8
<i>в том числе:</i>						
меры социальной поддержки ветеранов труда и тружеников тыла	10,4	9,7	18,3	16,8	25,0	21,5
меры социальной поддержки жертв политических репрессий	0,3	0,3	0,4	0,4	2,4	2,3
Адресные социальные программы	47,6	41,8	17,5	15,0	17,9	14,7
<i>в том числе:</i>						
детские пособия	2,2	3,3	5,2	4,6	4,8	4,1
жилищные субсидии	6,7	5,1	10,5	8,6	13,1	10,5
адресная социальная помощь	38,7	33,4	1,8	1,8	—	—
Социальное обслуживание населения	10,9	11,9	20,8	19,9	18,5	15,1
Другие программы социальной помощи	30,7	36,2	43,0	47,9	36,2	46,4
<i>в том числе:</i>						
меры социальной поддержки льготных категорий граждан по расходным обязательствам РФ	13,0	10,8	19,7	18,9	9,6	9,0
Всего расходы на социальную политику (без расходов на содержание органов управления)	100	100	100	100	100	100

Источники: Рассчитано по данным Федерального казначейства и региональных законов об исполнении бюджетов субъектов РФ за соответствующие годы.

на обеспечение деятельности органов управления. Временные рамки этой части исследования ограничены 2007 г., поскольку отчеты об исполнении консолидированных бюджетов регионов за 2008 г. имеют гораздо меньшую степень детализации предоставления данных: вычленить отдельные статьи расходов по осуществлению конкретных мер социальной поддержки не представляется возможным.

При анализе структуры бюджетных расходов необходимо иметь в виду, что через региональные системы социальной защиты реализуется несколько уровней социальных программ:

- 1) меры социальной поддержки отдельных категорий населения, установленные на федеральном уровне и относящиеся к расходным обязательствам Российской Федерации¹¹;
- 2) программы социальной защиты населения, являющиеся расходными обязательствами субъектов РФ, в том числе:
 - а) установленные федеральными законами, но регулируемые и финансируемые субъектами РФ, а при необходимости софинансируемые из федерального бюджета — их можно условно обозначить как обязательные программы;

¹¹ Например, предоставление льгот по оплате ЖКУ и обеспечение льготного проезда в общественном транспорте лицам из числа федеральных льготных категорий, выплаты почетным донорам и др., на осуществление которых в бюджеты субъектов РФ поступают субвенции из федерального бюджета.

б) законодательно устанавливаемые, регулируемые и финансируемые только на региональном или муниципальном уровнях — так называемые добровольные программы.

Программы первого, федерального уровня целиком являются категориальными, т.е. предоставляются гражданам без учета уровня нуждаемости, исходя из их принадлежности к определенной категории. В рамках второго уровня наряду с категориальными программами функционируют адресные, которые предполагают наличие у получателей низкого уровня доходов. Из них можно выделить три вида программ социальной поддержки:

- 1) ежемесячное пособие гражданам с душевыми доходами ниже прожиточного минимума (ПМ), имеющим детей в возрасте до 16 лет (или до 18 лет, если они продолжают очное обучение в государственных образовательных учреждениях), — так называемые детские пособия;
- 2) субсидии малообеспеченным гражданам на оплату ЖКУ (жилищные субсидии);
- 3) адресная социальная помощь: другие меры социальной поддержки, оказываемые малоимущим и гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что соотношение основных социальных программ адресного и категориального характера, которые исполняются по расходным обязательствам субъектов РФ, существенно различается по регионам. Особенно выделяется Москва, где доля адресной социальной помощи в расходах бюджета на социальную политику превышает 40%, тогда как в Тверской и Томской областях вклад этого рода социальных программ значительно меньше. Огромный перевес расходов по статье «адресная социальная помощь» в столице обусловлен тем, что здесь реализуется специальная сверхзатратная программа доплат к пенсиям 2 млн неработающих и некоторых категорий работающих московских пенсионеров и инвалидов. Им ежемесячно доплачивается сумма, дотягивающая их доходы до гарантированного уровня (до 2008 г. — до величины прожиточного минимума пенсионера (ПМП) в Москве, к концу 2008 г. — до 1,5-кратной величины ПМП).

Это самая масштабная по охвату и объему расходов программа социальной защиты в Москве: благоприятные условия исполнения столичного бюджета позволили быстро наращивать ее финансирование в 2006–2008 гг., поэтому структура социальных расходов московского бюджета сильно «искажена» в сравнении с показателями других регионов. Относительный вес прочих адресных видов помощи — детских пособий и жилищных субсидий — в Москве в 1,5–2 раза меньше, чем в областях. Несмотря на сохранение большого набора льгот, в Москве на категориальные меры социальной поддержки региональных льготников приходится малая часть расходов, и этот случай исключителен.

В областях в рамках региональных расходных обязательств категориальные программы по объему финансирования превосходят адресные, но в разной степени. В Тверской области, отказавшейся от большей части натуральных трансфертов в пользу денежных выплат, преобладание незначительно: «стоимость» адресных мер в 2007 г. составляла около 90% от «стоимости» категориальных (еще в 2004 г. соотношение было обратным [Сурков, 2008, с. 195]). Передача на региональный уровень полномочий по социальной поддержке многочисленных категорий граждан и монетизация льгот отчасти замедлили переход к адресным формам социальной защиты. В бюджете Томской области расходы гораздо сильнее смещены в сторону категориальных льгот и выплат:

объем их финансирования в 1,6 раза превышает расходы на адресные меры социальной поддержки. Отметим, что в Томской области, в отличие от двух других регионов, нет единой региональной программы регулярной помощи малообеспеченному населению как таковой¹².

Из всех видов обязательных социальных программ, реализуемых по расходным обязательствам субъектов РФ, самыми затратными остаются меры социальной поддержки пожилых граждан — ветеранов труда и тружеников тыла. При сохранении категориального подхода доля средств, выделяемых на их финансирование, может постепенно снижаться в связи с демографической убылью получателей.

Проанализируем подробнее затраты бюджетов на реализацию категориальных социальных программ. Бюджеты регионов находятся в заведомо неравноценных условиях: нагрузка на них зависит от численности льготников региональных категорий, которые по разным причинам крайне неравномерно распределены по субъектам РФ. Эти различия в потребностях финансирования усугубляют неравенство бюджетных возможностей, однако не отражаются на структуре расходов. Так, Тверская область является одним из лидеров в стране по доле региональных льготников, получающих ЕДВ (около 12%), однако вес затрат на основные категориальные меры социальной поддержки в ее бюджете гораздо меньше, чем в Томской области, где только 9,5% населения получают ЕДВ регионального уровня.

В рассматриваемых регионах максимальные средства на одного получателя из числа региональных льготников расходуются в Москве (табл. 3). Однако при корректировке на коэффициент стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, учитывающий сильное удорожание жизни в столице, ее бюджетные социальные трансферты на эти цели сближаются по размеру с соответствующими показателями Томской области. Тверская область существенно отстает от других регионов, особенно в стоимости социальной поддержки самой многочисленной категории — ветеранов труда. Одинаковый во всех регионах уровень социальной поддержки имеют лишь труженики тыла (по соотношению стоимости социальных трансфертов с величиной прожиточного минимума пенсионеров).

Различия в уровне душевых затрат прежде всего связаны с тем, что в регионах сильно различается набор мер социальной поддержки — перечень и, соответственно, стоимость льгот, оставленных региональным категориям льготников после монетизации. О стоимости предоставляемых льгот можно судить по соотношению для каждой категории объема финансирования социальных трансфертов на одного получателя и размера назначенной ежемесячной денежной выплаты. Наиболее дорого в расчете на одного получателя региональным бюджетам обходится социальная поддержка реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий. Граждане этой категории, как правило, имеют право на самый широкий перечень льгот, действующих в том или ином регионе. В Москве, например, на каждого получателя из этой категории, помимо ЕДВ, в 2007 г. ежемесячно расходовалось более 1800 руб. В то же время стоимость натуральных льгот, предоставляемых одному ветерану труда, была в 2,5 раза меньше и составляла в среднем за месяц около 760 руб. Наименьшие по размеру социальные трансферты выделяются труженикам тыла. Во всех рассматриваемых регионах

¹² Этот вид помощи введен только в отдельных муниципалитетах Томской области (в частности, в г. Томске), незначителен по объему выплат и отдельной строкой в консолидированном бюджете области не указывается.

Таблица 3. Расходы консолидированных бюджетов г. Москвы, Тверской и Томской областей на обеспечение мер социальной поддержки граждан, относящихся к региональным льготным категориям, в 2007 г.

Категория льготополучателей	Доля получателей в общей численности населения в 2007 г., %*	Социальные трансферты из бюджета на одного получателя, руб. в месяц	Социальные трансферты на одного получателя с корректировкой, руб. в месяц**	Соотношение социальных трансфертов на одного получателя с величиной ПМ пенсионера, %	Размер ЕДВ в 2007 г., руб.
г. Москва					
Ветераны труда	7,0	1016	700	26	247
Труженики тыла	0,4	592	408	15	371
Репрессированные и реабилитированные	0,1	2296	1583	58	433
Тверская область					
Ветераны труда	9,4	360	375	12	350
Труженики тыла	2,8	413	430	14	409
Репрессированные и реабилитированные	0,1	787	820	26	639***
Томская область					
Ветераны труда	9,3	737	702	25	400
Труженики тыла	0,3	427	406	14	500
Репрессированные и реабилитированные	0,7	999	952	33	300

Примечания: * — Рассчитано как среднее значение между численностью на 31.12.2006 и 31.12.2007. ** — Использован коэффициент стоимости фиксированного набора (Росстат). *** — Сумма ЕДВ (409 руб.) и дополнительной денежной выплаты (230 руб.).

Источники: Рассчитано по данным Федерального казначейства и Росстата.

лица, принадлежащие к данной категории, имеют минимальный льготный пакет по сравнению с другими. Так, в Москве в 2007 г. его стоимость составляла немногим более 200 руб., т.е. почти в 9 раз меньше, чем для жертв политических репрессий.

Подробная классификация, принятая в законе об исполнении бюджета г. Москвы за 2007 г., позволяет раскрыть внутреннюю структуру расходов на реализацию конкретных мер социальной поддержки региональных категорий льготников. (В других регионах она не поддается анализу, так как отчет о бюджетных расходах менее детализирован.) Наиболее затратный вид социальной поддержки региональных льготников в Москве — скидки при оплате ЖКУ (рис. 3), которыми в 2007 г. пользовались реабилитированные лица и ветераны труда¹³. Ежемесячные денежные выплаты составляли до четверти стоимости всех социальных трансфертов этим двум категориям, тогда как для тружеников тыла они были основной частью затрат. Также среди мер социальной поддержки ветеранов труда и тружеников тыла важную роль играют льготы по оплате услуг связи (с 2007 г. они были заменены ежемесячной денежной компенсацией установленного размера), а для граждан из числа жертв политических репрес-

¹³ В 2008 г. льготы по оплате ЖКУ в Москве были введены и для тружеников тыла.

Рисунок 3. Структура расходов бюджета г. Москвы на предоставление мер социальной поддержки гражданам из числа региональных льготных категорий в 2007 г., %



Источник: Рассчитано по данным закона об исполнении бюджета г. Москвы за 2007 г.

сий — бесплатное санаторно-курортное лечение (или ежегодная компенсация для тех, кто его не получил).

Таким образом, из-за неравенства финансовых возможностей субъектов РФ, с одной стороны, и разнообразия схем организации социальной поддержки — с другой, одни и те же группы населения, проживающие в разных регионах, имеют неравноценный доступ к социальным трансфертам.

Вернемся к трансформации структуры бюджетных расходов на социальную политику. Для доли расходов на адресные программы характерна та же отрицательная динамика, что и для категориальных видов социальной поддержки. В Томской и Тверской областях она проявилась еще раньше, с 2004 г. [Сурков, 2008]. Среди программ с контролем доходов главным образом уменьшается вклад жилищных субсидий. Это сопряжено с сокращением во всех трех регионах числа семей, получающих данный вид помощи (особенно резко, почти вдвое, за 2006–2007 гг. в Томской области), и со снижением среднего размера выплат. Также сокращается доля средств, идущих на финансирование ежемесячных пособий на ребенка, в том числе благодаря усилению контроля доходов и уменьшению числа получателей.

Заметим, что тенденции в отношении жилищных субсидий в регионах не новы и уходят корнями еще в 2003–2004 гг., когда возрастающая распространенность данного вида помощи в условиях опережающего роста тарифов на ЖКУ стала представлять проблему для региональных бюджетов. Ее решению способствовали, во-первых, ускоренное снижение уровня бедности в 2003–2005 гг., а во-вторых, административный фактор: стали более жестко контролироваться доходы получателей, вплоть до того, что могли быть неформально «рекомендованы» ограничения по охвату семей и объемам выплат из бюджета [Зубаревич, 2007, с. 409].

С сокращением доли затрат на основные категориальные и адресные программы, соответственно, увеличивается часть расходов на другие программы социальной помощи. В их число вошли все остальные меры социальной поддержки, и прежде всего выплаты и льготы федеральным категориям льготников, и не имеющие уточнения статьи «Оказание социальной помощи» и «Мероприятия в области социальной политики», вклад которых особенно

значителен в Томской области (18% от общей суммы расходов на социальную политику).

Из всех рассматриваемых видов социальной поддержки целиком из региональных бюджетов финансируются только специальные программы адресной социальной помощи. Они относятся к разряду добровольных, регулируемых исключительно на уровне субъекта РФ, и в наибольшей степени нацелены на поддержку бедного населения, но играют незначительную роль в общей сумме затрат. На реализацию же обязательных социальных программ субъектам РФ при необходимости выделяются субсидии из федеральных бюджетных фондов для частичного софинансирования расходов. Объемы федеральных перечислений варьируются в широких пределах как по годам и видам программ, так и между регионами (табл. 4).

Как видно из данных, представленных в табл. 4, степень самостоятельности субъекта РФ в финансировании своих социальных программ коррелирует с уровнем его бюджетной обеспеченности: чем выше душевые доходы бюджета, тем больше доля собственных средств в расходах на социальную поддержку и тем меньшую роль играет федеральная помощь. Хотя «богатая» Москва получает такие субсидии, их вклад в общую сумму расходов на основные обязательные социальные трансферты лежит в пределах нескольких процентов. В Тверской области с пониженным уровнем бюджетных доходов вклад средств из федерального бюджета заметно выше (за их счет покрывается треть расходов на обязательные программы), тогда как в Томской области эта доля составляет около 10%.

В отношении динамики федеральных перечислений на исполнение отдельных социальных программ в регионах ситуация обстоит по-разному. В целом передача расходных обязательств от федерального центра к субъектам РФ в 2005 г. существенно изменила долю софинансирования в затратах как на категориальные, так и на адресные программы регионального уровня. В Томской области она сильно сократилась, причем в большей степени по наиболее затратным программам — льготам и выплатам гражданам из числа региональных льготных категорий, а также по жилищным субсидиям. Если в 2003 г. последние почти наполовину субсидировались из федерального бюджета [Сурков, 2008], то в результате поэтапного снижения к 2007 г. его вклад уменьшился до 13%. (Вероятно, упоминавшееся выше резкое сокращение численности получателей жилищных субси-

Таблица 4. Доля федеральных перечислений в расходах на реализацию основных региональных социальных программ в 2005–2007 гг., %

Доля федеральных перечислений	г. Москва			Тверская область			Томская область		
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Субсидии на оплату ЖКУ	1	2	1	27	27	27	31	12	13
Детские пособия	2	1	1	23	25	27	13	10	9
Меры социальной поддержки ветеранов труда и труженников тыла	1	7	2	20	39	35	12	6	5
Меры социальной поддержки жертв политических репрессий	25	32	23	41	40	47	75	43	63
Все основные обязательные социальные программы	2	5	2	23	34	32	21	10	11

Источники: Рассчитано по данным Федерального казначейства и региональных законов об исполнении бюджетов субъектов РФ.

дий в области стало реакцией на снижение объемов федеральной помощи в 2006 г.) Еще более радикальные изменения затронули программу детских пособий, которая до 2005 г. полностью финансировалась из федерального бюджета. Соответственно, эти тенденции приводят к росту нагрузки на региональный бюджет.

В Тверской области, наоборот, за этот трехлетний период практически все основные социальные программы стали более зависимы в финансовом отношении. Особенно сильно вырос объем федеральной помощи на реализацию мер социальной поддержки для наиболее многочисленных категорий получателей — ветеранов труда и тружеников тыла. Наиболее зависимой от перечислений из федерального бюджета, как и в других рассматриваемых регионах, остается статья расходов на социальную поддержку жертв политических репрессий. Адресные виды выплат в Тверской области софинансируются в меньшей степени, тем не менее и по ним доля федеральных субсидий превышает четверть суммы расходов.

Таким образом, реализация в области возросших социальных обязательств как категориального, так и адресного характера возможна только при значительных перечислениях из федеральных бюджетных фондов. При этом критерии выделения помощи непрозрачны, с формулой расчета необходимого объема перечислений не ознакомлены и сами региональные власти. Все это затрудняет управление социальными программами в области и других регионах со схожими бюджетными проблемами.

Итак, вышеперечисленные результаты анализа характеристик расходов, осуществляемых консолидированными бюджетами субъектов РФ на социальные цели и непосредственно на меры социальной поддержки населения, прежде всего свидетельствуют о значительных различиях между регионами по структуре и уровню социальных расходов в общем и затрат на программы социальной поддержки в частности. Приоритеты бюджетных социальных расходов, так же как и уровень душевых затрат на меры социальной поддержки, в немалой степени зависят от такого субъективного фактора, как политический выбор региональных властей. Однако ведущим фактором дифференциации является уровень экономического развития региона и его бюджетная обеспеченность.

Вместо унификации в организации системы социальной защиты и в уровне финансирования социальных трансфертов с середины 2000-х гг. усилилось дробление и многообразие региональных систем, выросло неравенство возможностей регионов в реализации мер социальной политики. В результате система социальной защиты выполняет не выравнивающую, а дифференцирующую функцию: население разных регионов имеет неравноценный доступ к социальным трансфертам и услугам, проявляется своеобразная дискриминация в зависимости от региона проживания. Социальное неравенство, обусловленное недостаточным объемом бюджетных ресурсов в большинстве российских регионов и усиливаемое невысокой эффективностью федеральной помощи, в перспективе будет оставаться значительным.

Категориальные программы социальной поддержки конкурируют с адресными за государственные бюджетные средства: доминирование расходов на категориальные программы является общей чертой в системах социальной поддержки разных регионов. Исключение составляют «богатые» регионы, такие как Москва, имеющие ресурсы для финансирования специфических региональных программ. В итоге программы, специально

разработанные для бедных и уязвимых групп, — один из важнейших инструментов системы социальной защиты в рыночной экономике — играют менее заметную роль в расходах региональных бюджетов, несущих основное бремя финансирования системы социальной поддержки.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНЫХ РАСХОДОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Какие риски и задачи для региональных бюджетов несет в себе начавшийся в 2008 г. экономический кризис? С одной стороны, резко уменьшаются их доходы из-за сокращения производства и снижения налоговой базы, с другой — именно на региональном уровне сконцентрирована большая часть социальных обязательств государства, а значит, и расходы на решение социальных проблем, обостряющихся в ходе кризиса: снижение доходов населения, рост уровня бедности и безработицы.

Сложившуюся ситуацию иллюстрируют данные мониторинга Министерства регионального развития РФ¹⁴. Согласно этому мониторингу, за 7 месяцев 2009 г. налоговые поступления в консолидированные бюджеты российских регионов сократились в целом на 17% по сравнению с 2008 г. Но этот показатель сильно усреднен: в ряде субъектов, особенно в более развитых, бюджетный кризис гораздо острее¹⁵. По оценке Минрегиона, в 21 субъекте РФ в 2009 г. могут возникнуть проблемы финансирования текущих расходов, к их числу относится и Тверская область. Трансферты из федерального бюджета покрывают только часть антикризисных расходов региональных бюджетов.

В результате регионы, особенно те, у которых и до кризиса в бюджете не было «лишних» средств, вынуждены «оптимизировать» свои расходы, в том числе и в сфере социальной поддержки: сдерживать темпы индексации социальных выплат и зарплат в бюджетном секторе, отказываться от некоторых направлений целевых программ, сокращать финансирование отдельных видов социальной помощи. По оценке Минрегиона России, для достижения сбалансированности региональных бюджетов сокращение расходов должно составить более 15%, иначе неизбежен рост задолженности по оплате труда, социальным выплатам населению и другим обязательствам.

В связи с этим еще более актуальной становится проблема повышения эффективности затрат на социальную поддержку, важнейшим компонентом которой может стать усиление адресности социальных программ, т.е. переориентация их на предоставление помощи только малообеспеченному населению, которое нуждается в ней в наибольшей степени. Под влиянием современного экономического кризиса подходы к оказанию социальной помощи населению могут начать пересматриваться. Дальнейшие направления нашего исследования связаны, во-первых, с изучением предпосылок, которые могут способствовать тому, чтобы программы социальной поддержки, основанные на принципе проверки нуждаемости, постепенно вытесняли большинство категориальных пособий и льгот, а во-вторых, с детальным

¹⁴ Мониторинг социально-экономического развития субъектов РФ. Министерство регионального развития РФ; <http://www.minregion.ru/WorkItems/ListNews.aspx?PageID=434>

¹⁵ Так, максимальное падение налоговых доходов в регионах в июле 2009 г. составляло минус 40–70% к июлю 2008 г. (Вологодская, Челябинская, Тюменская, Белгородская области, Татарстан, Пермский край и др.) [Мониторинг...].

анализом изменений, которые будут происходить с расходами региональных бюджетов на социальную политику.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова А.Л., Коваленко Е.А., Кузнецова П.О. Реформирование натуральных льгот на региональном уровне: высокая цена скромных достижений // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2005. №3. С. 31–50.

Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / Рук. авт. колл. Л.Н. Овчарова. — М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2005.

Зубаревич Н.В. Социальное развитие и социальная политика российских регионов // Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / Под ред. Т.М. Малевой; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007.

Консультант Плюс: Сводное региональное законодательство.

Мониторинг социально-экономического развития субъектов РФ. Министерство регионального развития РФ; <http://www.minregion.ru/WorkItems/ListNews.aspx?PageID=434>

Отчеты об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов. Федеральное казначейство (Казначейство России); <http://www.roskazna.ru>

Социальный атлас российских регионов; <http://atlas.socpol.ru>

Сурков С.В. Региональные адресные программы поддержки бедного населения: влияние финансовых и экономических институтов // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. №9. С. 187–204.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат); <http://www.gks.ru>

Центр фискальной политики; <http://www.fpcenter.ru>

КОНВЕНЦИЯ О ПРАВАХ ИНВАЛИДОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИИ

Клепиков А.В., к.э.н., заместитель председателя Всероссийского общества инвалидов
Шаталова Е.Ю., председатель Общероссийского общественного движения «За здоровую Россию»,
консультант Института современного развития

Статья посвящена вопросам внедрения норм Конвенции о правах инвалидов в России. Авторы статьи особо выделяют право инвалидов на труд и настаивают на изменении существующей в России системы трудоустройства инвалидов. Возможность получить достойное образование, быть полноправным участником конкурентного рынка труда, использовать полученные знания и навыки, занимаясь интересной работой, и получать достойную зарплату — эти аспекты интеграции инвалидов представляются авторам статьи наиболее важными. Кроме того, в статье рассмотрен опыт Москвы по осуществлению мер, направленных на интеграцию инвалидов в общественную жизнь.

Мировым сообществом давно признано, что люди с инвалидностью имеют такие же права, как и все остальные граждане, и должны иметь равные возможности в реализации своих прав. Эта проблема находится под постоянным и пристальным вниманием Организации Объединенных Наций. Так, на международном уровне приняты соответствующие документы, открытые для подписания и исполнения всеми государствами. На уровне стран улучшение условий жизни инвалидов и реализация их прав и свобод осуществляются путем принятия законов и исполнения соответствующих программ.

В России еще в 1995 г. был принят Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». В последние годы реализуются федеральные целевые программы поддержки инвалидов, принимаются меры по интеграции инвалидов в общество. Однако в общественном сознании помощь инвалидам до сих пор во многом ограничивают так называемой социальной защитой, понимаемой прежде всего как материальное вспоможествование.

Но современное развитие и новое мировоззрение, как в мире, так и в России, требуют внедрения в теорию и практику качественно иных подходов к обеспечению максимально полной интеграции граждан, имеющих физические или психические отклонения от принятых норм, в общественную жизнь.

Конвенция о правах инвалидов (далее — Конвенция) разрабатывалась ООН при активном участии организаций людей, имеющих инвалидность, была принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г. и вступила в действие 3 мая 2008 г. Российская Федерация подписала Конвенцию 24 сентября 2008 г. Сейчас продолжается работа по ее анализу, разработке плана первоочередных мероприятий, что является необходимым условием для ее ратификации. В связи с этим следует отметить, что Конвенция обобщила теорию и опыт применения законодательств различных стран в сфере защи-

ты прав и свобод людей с инвалидностью. Особенно важно, что Конвенция представляет собой первый всеобъемлющий, обязательный для исполнения документ для стран — членов ООН после его соответствующего подписания и ратификации.

Следует отметить, что в рамках концепции равных прав и свобод Конвенция вводит общие для всех стран основные понятия, связанные с их реализацией людьми с инвалидностью. Система общих понятий прежде всего касается определения терминов «инвалидность» и «инвалид». Согласно преамбуле (п. «е»), «инвалидность — это эволюционирующее понятие; инвалидность является результатом взаимодействия, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими...»¹. Соответственно, к инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими (ст. 1 Конвенции)².

По существу, Конвенция недвусмысленно утверждает, что не медицинские проблемы, связанные с состоянием здоровья человека, являются причиной инвалидности, а то состояние развития общества, которое создает барьеры для реализации прав и свобод людей с нарушениями здоровья. В свою очередь, из этих принципов следует, что при реализации статей Конвенции должны учитываться многие факторы развития различных стран, в том числе их традиции и ресурсные возможности. При этом все страны-участницы должны последовательно и неуклонно идти в общих направлениях, указанных в статьях Конвенции.

По мнению экспертов, принятие данной Конвенции в странах-участницах будет способствовать восприятию людей с инвалидностью полноправными гражданами, а не некоей особой общественной группой. Государства, которые ратифицируют Конвенцию, возьмут на себя юридическое обязательство относиться к инвалидам как к субъектам права, обладающим всеми гражданскими правами.

50 статей Конвенции подробно описывают права инвалидов, в которых охвачены, в частности, гражданские и политические права, право на физический доступ, участие в общественной жизни и недопустимость изоляции, право на образование, здоровье, занятость на открытом рынке труда, социальную защиту и другие аспекты жизнедеятельности инвалидов. Важно, что в Конвенции признается тот факт, что для достижения равноправия инвалидов необходимо добиться сдвигов в общественном сознании и возможно полного включения (инклюзии) людей с инвалидностью в общественную жизнь.

В настоящее время 143 страны подписали Конвенцию и 71 из них ратифицировали. Страны, ратифицировавшие Конвенцию, договариваются ввести законы и другие меры, нацеленные на более полное осуществление прав инвалидов, и упразднить законы, обычаи и практику, создающие почву для дискриминации инвалидов. Следует отметить, что Конвенция не устанавливает ни сроков, ни последовательности, в которой страны-участницы

¹ Конвенция ООН о правах инвалидов; <http://www.un.org/russian/document/convents/disability.html>

² Там же.

должны ее исполнять. Важно, чтобы страны по возможности, целенаправленно и постоянно следовали нормам Конвенции.

Вместе с Конвенцией Генеральная Ассамблея ООН приняла факультативный протокол, состоящий из 18 статей, на основании которого отдельные лица и группы имеют право после исчерпания национальных средств правовой защиты обращаться с ходатайствами в Комитет по правам инвалидов. Этот Комитет независимых экспертов был сформирован на первой конференции государств — участников Конвенции о правах инвалидов, прошедшей 31 октября — 3 ноября 2008 г. в Нью-Йорке. На этой конференции были выбраны 12 членов Комитета, который будет периодически рассматривать вопросы внедрения Конвенции, а также получать периодические доклады государств-участников о ходе осуществления ими их обязательств по Конвенции. В соответствии с факультативным протоколом Конвенции Комитет будет рассматривать и выносить решения по жалобам отдельных лиц. Кроме того, Комитет наделяется полномочиями проведения расследований в случаях подозрений о серьезных систематических нарушениях прав инвалидов.

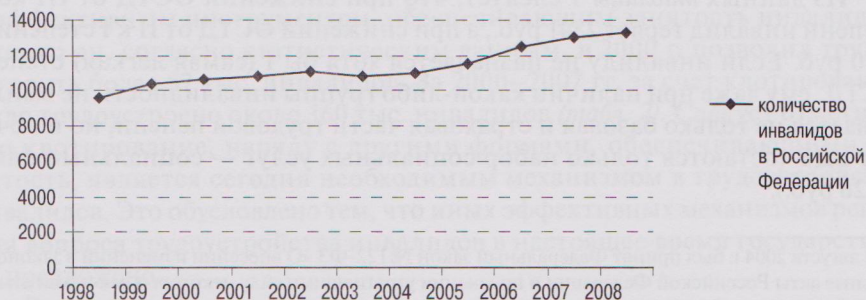
Таким образом, Конвенция не только учитывает возможности каждого государства по исполнению тех или иных статей, но и предусматривает механизм международного мониторинга и контроля процесса ее исполнения, включая участие в нем как самих инвалидов, так и их общественных объединений. Это важно как для повышения ответственности государств, так и для совершенствования норм Конвенции.

По мнению авторов данной статьи, наиболее острой является проблема с положением дел в сфере рынка труда для инвалидов с учетом инклюзивного подхода. Освещение в статье именно этой сферы жизнедеятельности людей с инвалидностью определяет ее важнейшую роль в формировании человека как социально активной личности.

В Российской Федерации, по данным Пенсионного фонда РФ, Минобороны России, МВД России, ФСБ России на 1 января 2007 г. насчитывалось более 13 млн инвалидов. И их численность неуклонно возрастает (рис. 1).

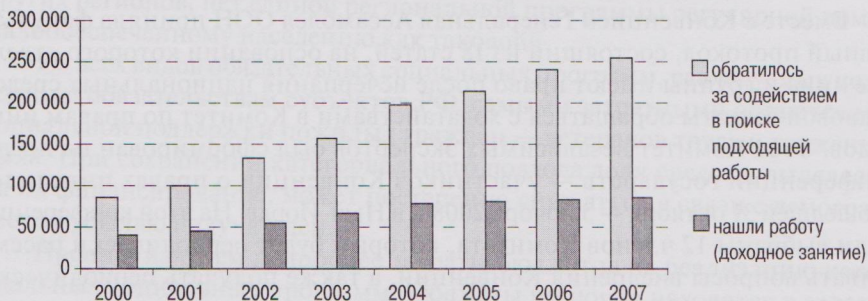
Трудовая занятость в жизни человека с инвалидностью играет даже более важную роль, чем в жизни здорового человека. Для человека с инвалидностью труд является мощнейшим фактором его реабилитации и интеграции в общественную жизнь. Вопреки мнению некоторых чиновников, инвалиды

Рисунок 1. Динамика роста численности инвалидов в Российской Федерации на 1 января, тыс. чел.



Источник: По данным Пенсионного фонда Российской Федерации, Минобороны России, МВД России, ФСБ России.

Рисунок 2. Численность граждан, относящихся к категории инвалидов, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы, чел.



Источник: данные Федеральной службы по труду и занятости.

хотят трудиться. Об этом свидетельствуют, например, факты их обращений в службы занятости о содействии в поиске подходящей работы (рис. 2).

Из данных, представленных на рис. 2, следует, что количество обратившихся в службу занятости в 2007 г. увеличилось примерно в 3 раза по сравнению с 2000 г. Количество нашедших работу (доходное занятие) увеличилось примерно в 2 раза, что свидетельствует о наличии потенциала для роста занятости инвалидов.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что резкое замедление роста числа трудоустроенных было отмечено в 2005–2007 гг. Именно в это время в Российской Федерации произошло принципиальное изменение социальной политики в отношении инвалидов, в том числе и на рынке труда.

В 2004 г. была проведена масштабная социальная реформа, которая началась после принятия закона № 122, широко известного в общественном сознании как «закон о монетизации льгот»³. Данный закон внес изменения в 152 законодательных акта, многие из которых касаются сферы социальной защиты. В результате проведенной реформы большинство льгот для инвалидов, установленных федеральным законодательством, были заменены ежемесячными денежными выплатами (ЕДВ).

Характерной чертой существующей в настоящее время системы социальной защиты инвалидов является то, что основным критерием определения потребности инвалида в мерах социальной защиты служит степень ограничения способности к трудовой деятельности (далее — ОСТД), которая влияет на определение размера пенсий и ЕДВ (табл. 1).

Из данных таблицы 1 следует, что при снижении ОСТД от III ко II степени инвалид теряет 2341 руб., а при снижении ОСТД от II к I степени — 1170 руб. Если инвалиду не назначается хотя бы I (самая легкая) степень ОСТД, ему даже при наличии какой-либо группы инвалидности не выплачивается не только базовая и страховая части трудовой пенсии, но и почти вся ЕДВ (остаются только набор социальных услуг — социальный пакет и 126 руб.).

³ 22 августа 2004 г. был принят Федеральный закон № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации» в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Таблица 1. Материальное положение различных групп инвалидов, руб.

Степень ОСТД	Размер базовой части трудовой пенсии по инвалидности	Размер ЕДВ	Совокупная сумма	Разница в совокупном доходе при изменении степени ОСТД
III	3588	1913	5501	2341
II	1794	1366	3160	1170
I	897	1093	1990	1307
Отсутствие степени (нулевая)	—	683	683	—

Если учесть низкий уровень зарплат работающих инвалидов, то становится очевидным дестимулирующее влияние потерь этих сумм при достаточно произвольном назначении ОСТД органами медико-социальной экспертизы (МСЭ).

Практика последних лет убедительно показала, что нововведения в социальной сфере снизили мотивацию инвалидов к реабилитации и активному образу жизни, и в частности к труду. Это объясняется прежде всего тем, что чем активнее инвалид себя ведет, тем больше вероятность, что он будет лишен части гарантированных государством пенсионных и иных денежных выплат. Если учитывать высокую безработицу среди инвалидов и сложности в получении образования и хорошо оплачиваемой работы, очевидно желание инвалидов сохранить гарантированные государством выплаты.

Общественные организации инвалидов с 2002 г. резко выступали против такой роли ОСТД в жизни инвалидов России и обращались к законодателям с просьбой принять соответствующие поправки в пенсионное законодательство. В 2009 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла такие изменения и дополнения в ряд законов, и с 1 января 2010 г. все денежные выплаты инвалидам будут определяться в соответствии с группами инвалидности, а не в соответствии с ОСТД. Хочется надеяться, что это будет способствовать росту активности инвалидов на рынках труда.

Другим фактором, оказавшим влияние на трудовую занятость инвалидов, стала практически полная ликвидация системы квотирования рабочих мест на малых и средних предприятиях.

Впервые квотирование для инвалидов было гарантировано ст. 21 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Нельзя утверждать, что данный механизм является единственным и эффективным инструментом, обеспечивающим занятость инвалидов. Однако он, согласно статистическим данным, в 2000 г. позволил трудоустроить более 57 тыс. инвалидов. За 2000–2007 гг. за счет квотирования было трудоустроено около 160 тыс. инвалидов (табл. 2). Следует отметить, что квотирование, наряду с другими формами, обеспечивающими занятость, является сегодня необходимым механизмом в трудоустройстве инвалидов. Это обусловлено тем, что иных эффективных механизмов решения вопроса трудоустройства инвалидов в настоящее время государством не предложено.

Еще одним фактором, оказавшим отрицательное влияние на решение вопросов, связанных с образованием и трудоустройством инвалидов, стало сворачивание активных мер по созданию безбарьерной среды жизнедеятель-

Таблица 2. Трудоустройство граждан на квотируемые рабочие места (по данным Федеральной службы по труду и занятости), чел.

Год	Численность граждан, трудоустроенных в счет квот	
	всего	в том числе относящихся к категории инвалидов
2000	109 432	57 146
2001	103 334	13 242
2002	97 677	12 584
2003	79 948	16 421
2004	68 575	19 217
2005	55 125	17 044
2006	38 056	12 834
2007	32 886	10 906

ности во многих регионах России. Начало этому процессу положило деление льготников на федеральных и региональных. В итоге региональные власти, особенно в дотационных субъектах России, потеряли интерес к решению проблем федеральных льготников, которыми и являются инвалиды. В силу этого, в частности, сокращалось финансирование региональных программ, касающихся инвалидов.

В исторической ретроспективе общие тенденции занятости инвалидов в России выглядят следующим образом: в середине 1990-х гг. численность работающих инвалидов продолжала сокращаться — за 1995–1998 гг. она уменьшилась на 10%. Менее трети инвалидов трудоспособного возраста имели работу. На протяжении многих лет доля трудоустроенных инвалидов составляла примерно 2% от среднесписочной численности работающих. Наиболее благополучными в отношении трудоустройства инвалидов были 1988–1989 гг., когда работали около 25–28% от общего числа всех инвалидов. Теперь эта цифра колеблется в пределах 10–11%, но следует учитывать, что трудоустройство бывает формальным [Малева Т.М., Васин С.А., Голодец О.Ю. и др., 1999]. К концу прошлого столетия удельный вес работающих инвалидов в общей их численности не превышал 11%. Особенно тяжелое положение складывалось с занятостью инвалидов I и II групп, среди которых удельный вес работающих составлял менее 8% [Малева Т.М., Васин С.А., Голодец О.Ю. и др., 1999].

Статистика обращений инвалидов в службы занятости и общественные организации инвалидов с вопросами, связанными с трудоустройством, наглядно демонстрирует, что количество работающих инвалидов могло бы быть значительно выше. Однако оно по-прежнему остается невысоким. Причин этому достаточно много. Основной можно назвать отсутствие системности в работе государственных служб и их в целом неудовлетворительную работу. Так, например, государственные органы и службы, призванные оказывать инвалидам помощь в трудоустройстве, не имеют четкой и полной информации о том, сколько, где и на каких местах хотят и могут трудиться инвалиды. Сегодня процесс трудоустройства инвалидов можно охарактеризовать как неуправляемый и случайный. Однако если общество заинтересовано в инвалиде не как в иждивенце, а как в равноправном гражданине, оно должно настаивать на усилении роли государства в процессе организации трудоустройства инвалидов.

Низкий уровень занятости инвалидов свидетельствует о наличии определенных барьеров, стоящих перед ними в трудоустройстве. Рассмотрим, как сами инвалиды характеризуют эти барьеры. С этой целью обратимся к интересному исследованию, проведенному Эрином Марцем (Erin Martz) совместно с региональной общественной организацией инвалидов «Перспектива». В ходе этого исследования были опрошены 316 взрослых инвалидов, проживающих в разных городах России. Их просили, в частности, отметить те барьеры, которые они встретили на пути к трудоустройству, а также те виды адаптации, которые они считают необходимыми. В результате был получен следующий ранжированный ряд барьеров [Государственная политика в отношении трудовой занятости...]:

- 1) если я буду работать, то потеряю медицинские льготы, так что работать не буду;
- 2) среда, в которой я живу, физически мешает мне попасть на рабочее место (чтобы пройти собеседование или работать);
- 3) из-за инвалидности я не смог приобрести навыки, необходимые для работы;
- 4) из-за инвалидности я не получил образования, необходимого для работы (не смог поступить в колледж или университет);
- 5) я получаю приглашения на собеседования, но мне никогда не предлагают работу;
- 6) на работе нет приспособлений, которые мне необходимы;
- 7) физическая среда на работе не дает мне ее посещать (для прохождения собеседования или чтобы работать);
- 8) мои коллеги относятся ко мне по-особому из-за инвалидности.

Первым, наиболее часто упоминаемым барьером в России автор называет потерю льгот или пенсии по инвалидности, что является, по его мнению, основной причиной, по которой инвалиды отказываются работать или активно искать работу.

Вторым, наиболее часто упоминаемым барьером становится физическое окружение, мешающее посещать работу.

Третий и четвертый барьеры отражают сложности трудоустройства инвалидов, вызванные недостаточным уровнем или отсутствием соответствующих профессиональных навыков и образования. «Таким образом, россияне с инвалидностью указали, что им необходимо больше возможностей для получения образования, чтобы затем продуктивную взрослую жизнь».

Автор условно делит выявленные барьеры на физические, психологические и системные. Это дало возможность выработать более четкие рекомендации по их устранению или ослаблению влияния.

Для нас особенно важно прежде всего то, что данные барьеры названы и отранжированы молодыми людьми с инвалидностью, на себе испытывшими сложности процесса трудоустройства.

Обратимся к тесту Конвенции и проанализируем рекомендации ст. 27, посвященной трудоустройству и занятости инвалидов.

ТРУД И ЗАНЯТОСТЬ (СТ. 27)

1. *Государства-участники признают право инвалидов на труд наравне с другими; оно включает право на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который инвалид свободно выбрал или на который он свободно согла-*

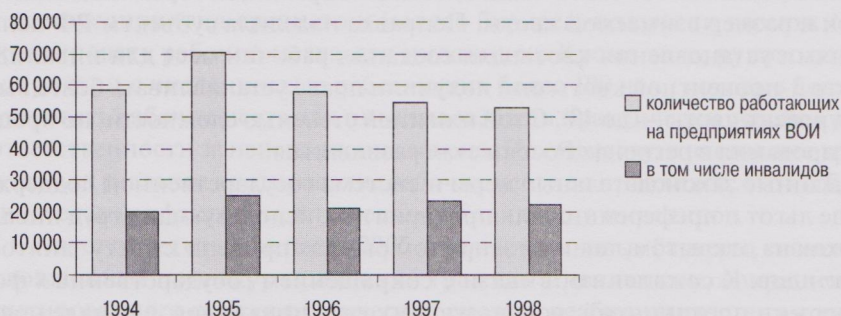
сился, в условиях, когда рынок труда и производственная среда являются открытыми, инклюзивными и доступными для инвалидов. Государства-участники обеспечивают и поощряют реализацию права на труд, в том числе теми лицами, которые получают инвалидность во время трудовой деятельности, путем принятия, в том числе в законодательном порядке, надлежащих мер, направленных, в частности, на следующее:

- a) запрещение дискриминации по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе и безопасных и здоровых условий труда;
 - b) защита прав инвалидов наравне с другими на справедливые и благоприятные условия труда, включая равные возможности и равное вознаграждение за труд равной ценности, безопасные и здоровые условия труда, включая защиту от домогательств, и удовлетворение жалоб;
 - c) обеспечение того, чтобы инвалиды могли осуществлять свои трудовые и профсоюзные права наравне с другими;
 - d) наделяние инвалидов возможностью эффективного доступа к общим программам технической и профессиональной ориентации, службам трудоустройства и профессиональному и непрерывному обучению;
 - e) расширение на рынке труда возможностей для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе, а также оказание помощи в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы;
 - f) расширение возможностей для индивидуальной трудовой деятельности, предпринимательства, развития кооперативов и организации собственного дела;
 - g) наем инвалидов в государственном секторе;
 - h) стимулирование найма инвалидов в частном секторе с помощью надлежащих стратегий и мер, которые могут включать программы позитивных действий, стимулы и другие меры;
 - i) обеспечение инвалидам разумного приспособления рабочего места;
 - j) поощрение приобретения инвалидами опыта работы в условиях открытого рынка труда;
 - k) поощрение программ профессиональной и квалификационной реабилитации, сохранения рабочих мест и возвращения на работу для инвалидов.
2. Государства-участники обеспечивают, чтобы инвалиды не содержались в рабстве или в подневольном состоянии и были защищены наравне с другими от принудительного или обязательного труда.

Исполнение положений данной статьи Конвенции, без сомнения, приведет к значительному уменьшению барьеров для инвалидов на пути к трудоустройству. Системная же реализация статей, посвященных доступности (ст. 9) и образованию (ст. 24), сможет устранить практически все барьеры, позволяя инвалидам наравне со здоровыми людьми стать полноправными участниками открытого рынка труда и тем самым реализовать свое право на труд и достойную жизнь.

Как известно, большая часть инвалидов в Советском Союзе традиционно трудились на специализированных государственных предприятиях или на предприятиях общественных организаций инвалидов. Занятость на таких предприятиях, как правило, относят к занятости на закрытом рынке труда.

Рисунок 3. Изменение количества работающих на предприятиях ВОИ в 1994–1998 гг.



Источник: Информация Всероссийского общества инвалидов.

С переходом России к рыночной экономике стал формироваться открытый рынок труда. В связи с этим возникла проблема занятости инвалидов в рыночных конкурентных условиях, которые изменили мотивации занятости как у инвалидов, так и у работодателей. Обозначение получения прибыли конечной целью определили другие критерии эффективности применения труда. А либерализация экономики привела к значительному сокращению вмешательства государства в экономику, что, в свою очередь, уменьшило прямую поддержку предприятий, на которых работали инвалиды.

При этом 1990-е гг. характеризовались широким спектром льгот и преференций, предоставляемых общественным организациям инвалидов и их предприятиям, что, безусловно, являлось косвенной поддержкой занятости инвалидов. Таким образом, при таких, казалось бы, противоречивых действиях государства удалось сохранить относительно высокий уровень занятости инвалидов. Об этом, например, свидетельствуют данные о занятости на предприятиях крупнейшей общественной организации инвалидов — Всероссийского общества инвалидов (ВОИ) (рис. 3).

Следует также отметить, что в этот период государством стали приниматься законодательные меры, направленные на преодоление негативной тенденции снижения занятости инвалидов с учетом норм международного права. Принятый 24 ноября 1995 г. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» определил целью государственной политики в области социальной защиты инвалидов «обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации»⁴. В соответствии с законом инвалидность определяется не только по ограничению в трудоспособности, но и во всех других сферах жизнедеятельности человека, а центр тяжести социальной политики в отношении инвалидов переносится с пассивных форм поддержки на реабилитацию и интеграцию инвалидов в общество.

В конце прошлого — начале нового столетия реализация права на труд инвалидами осуществлялась в соответствии со ст. 21 вышеуказанного Федерального закона, который утвердил порядок квотирования рабочих мест

⁴ Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст. 4563).

для инвалидов организациями, где численность работников составляет более 30 чел. Позднее в этот закон были внесены поправки, которые изменили порядок и размер взимаемой квоты. Поправка наделила субъекты РФ полномочиями установления квоты для создания рабочих мест для инвалидов: вместо 3-процентной квоты они получили право устанавливать более высокий уровень квоты — до 4%. С той или иной степенью сложности, но процесс квотирования в регионах России стал развиваться.

Данные законодательные меры и система государственной поддержки в виде льгот и преференций для предприятий, использующих труд инвалидов, как на открытом, так и на закрытом рынках привели к росту занятости инвалидов. К сожалению, в связи с сокращением государственных форм поддержки предприятий, использующих труд инвалидов, в начале нового столетия произошло снижение численности занятых инвалидов на обоих рынках труда. Особенно это отразилось на специализированных предприятиях, использующих труд инвалидов, в том числе предприятиях общественных организаций инвалидов, так как они в большей мере, чем предприятия открытого рынка, зависели от государственной поддержки. Такое отношение государства к деятельности общественных организаций инвалидов привело к резкому уменьшению количества их предприятий и, как результат, к сокращению занятости инвалидов (рис. 4 и 5).

Из данных рис. 4 следует, что количество занятых инвалидов на предприятиях ВОИ все эти годы снижалось, причем средний темп снижения был очень большим и составлял 15% в год. Наибольший темп снижения наблюдался в 2002–2003 гг. Это было вызвано прежде всего отменой значительной части налоговых льгот для общественных организаций инвалидов и их предприятий. Вынуждены были закрыться более 1200 малых и средних предприятий. В целом за 2002–2005 гг. в системе ВОИ было ликвидировано более 46 тыс. рабочих мест, в том числе более 21 тыс. для инвалидов.

Рисунок 4. Динамика занятости на предприятиях Всероссийского общества инвалидов, чел.

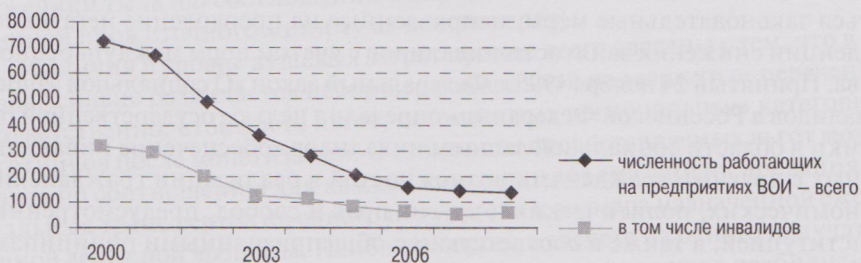
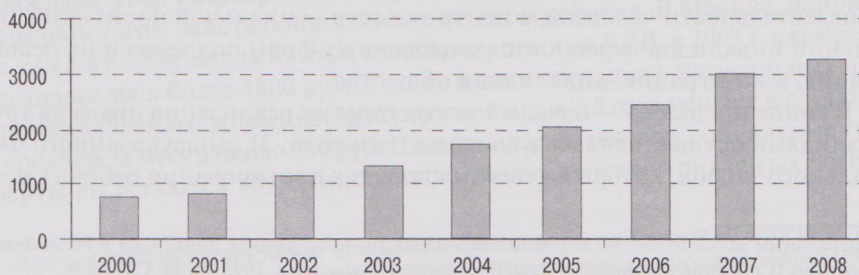


Рисунок 5. Рост заработной платы инвалидов на предприятиях ВОИ, руб. в месяц



Положение инвалидов на рынке труда России в 2005 г. еще более ухудшилось: организации, в которых работают менее 100 чел., а это практически все предприятия среднего и малого бизнеса, получили возможность не квотировать рабочие места для инвалидов. Кроме того, руководители предприятий с численностью работающих более 100 чел., которые должны квотировать рабочие места для инвалидов, были практически освобождены от ответственности за неисполнение закона. По существу, в настоящее время отсутствует реальное квотирование рабочих мест для инвалидов, что является отрицательным фактором, влияющим на занятость инвалидов.

Следует отметить, что после 2005 г. появились новые барьеры, связанные с усложнением процедур признания граждан инвалидами, сокращением гарантированного списка технических средств реабилитации, в том числе, что особенно важно, отменой льготного автотранспорта для большинства российских инвалидов, что также отрицательно влияет на их занятость. Наблюдается снижение у инвалидов мотивации не только к труду, но и к медицинской и социальной реабилитации, что способствует росту иждивенчества.

Действия государства в отношении занятости инвалидов, как уже отмечалось, продолжают носить бессистемный характер и, по существу, до сих пор не имеют четкой научной и практической основы. Поэтому надеемся, что принятая Конвенция о правах инвалидов и явится подспорьем, необходимым сейчас для формирования социальной политики в сфере трудовой занятости инвалидов.

Несмотря на то что магистральный путь к трудоустройству инвалидов — это создание условий для их занятости на открытом рынке труда, мы считаем, что на современном этапе развития России необходимо поддерживать и развивать все рынки труда.

Для обеспечения занятости на закрытом рынке труда нужна, во-первых, государственная поддержка этих рынков путем осуществления инвестиций в создание рабочих мест для инвалидов. Во-вторых, поддержка деятельности организаций и предприятий, обеспечивающих занятость инвалидов, путем предоставления льгот и преференций, в том числе связанных с реализацией данного вида продукции для государственных нужд. В-третьих, предоставление консультационной, методической и иной помощи в подготовке специалистов, обеспечивающих трудоустройство и деятельность инвалидов, разработка и внедрение методического материала, способствующего работе с инвалидами, имеющими разную патологию и тяжесть заболевания.

Решения проблем инвалидов в сфере занятости и образования требует широкого привлечения общественных организаций инвалидов как к участию в общественных консультированиях представителей государственных органов власти, так и к процессу реального трудоустройства инвалидов.

Необходимость скорейшей ратификации Конвенции очевидна. Интенсификация работы межведомственной рабочей группы при Министерстве здравоохранения и социального развития Российской Федерации могла бы ускорить процесс ратификации. Основными требованиями для стран-участниц являются соответствие внутреннего законодательства нормам Конвенции и необходимость отчитываться в их выполнении. Возможно, именно эти обстоятельства тормозят скорейшую ратификацию Конвенции Российской Федерацией.

В рамках реализации ст. 27 Конвенции должно быть разработано и принято антидискриминационное законодательство в отношении инвалидов,

основанное на международном опыте обеспечения права инвалидов на труд и достойную жизнь.

Другой первоочередной мерой по обеспечению занятости инвалидов должно стать совершенствование действующей государственной статистики, так как на сегодня не ведется регулярного статистического наблюдения ни за количеством инвалидов, работающих на открытых и закрытых рынках труда, ни за потребностями инвалидов в рабочих местах в различных регионах страны.

Следует особо отметить роль образования и наличия профессиональных навыков для трудоустройства инвалидов. Не случайно образование вошло в ряд основных барьеров на пути к трудоустройству молодых инвалидов [Государственная политика в отношении трудовой занятости...].

Значение образования для политики интеграции людей с инвалидностью в общество имеет два аспекта. С одной стороны, занятость, безусловно, является ключевым вопросом успешной интеграции инвалидов в общество. Предпосылки для достижения этой цели — образование и профессиональная подготовка инвалидов. Реализация образовательного потенциала инвалидов на рынке труда может выступать как критерий эффективности социальной политики, осуществляемой в отношении инвалидов в целом. Здесь образование — мост, ведущий к занятости, и его роль вполне утилитарна. С другой стороны, образование — фундаментальная ценность, определяющая социальный статус, возможности для самореализации личности и даже содержание жизни [Синявская О., Васин С.].

В мировой практике интеграция «проблемных» детей в общеобразовательные учреждения — закономерный этап развития системы специального образования в любой стране мира, процесс, в который вовлечены все высокоразвитые страны, в том числе и Россия. Такой подход к образованию неординарных детей вызван к жизни причинами различного характера. Совокупно их можно обозначить как социальный заказ достигших определенного уровня экономического, культурного и правового развития общества и государства.

Этот этап связан с переосмыслением обществом и государством своего отношения к инвалидам, признанием не только равенства их прав, но и осознанием своей обязанности обеспечить таким людям равные со всеми другими возможности в разных областях жизни, включая образование.

В этой связи имеет смысл рассмотреть опыт решения проблем инвалидов в г. Москве.

Каждый 7-й житель Москвы — инвалид. Это 1,2 млн чел., причем у 100 тыс. из них имеют место тяжелые нарушения здоровья, 26 тыс. — дети-инвалиды. Для этих людей непреодолимым препятствием может стать бордюрная плитка тротуара, ступеньки на входе в поликлинику, узкие двери лифта. Многим из них пока еще не хватает обычного человеческого тепла: нередко косые взгляды в их адрес, все еще распространено мнение, что инвалиды — это иждивенцы, не способные внести сколько-нибудь значимый вклад в наше общественное и экономическое развитие.

Правительство Москвы считает такое положение нетерпимым как с общечеловеческой, так и с практической точки зрения. Поэтому в городе начиная с 1991 г. успешно реализуются комплексные городские программы, касающиеся различных сторон жизни инвалидов.

В последнее десятилетие в Москве сфера социальной поддержки инвалидов и формирование многоуровневых межведомственных институтов

их интеграции в общество характеризуется комплексным, системным характером.

В городе реализуются конкретные целевые городские программы, охватывающие значительный круг вопросов в сфере развития систем социальной защиты инвалидов, медико-социальной реабилитации лиц с ограничениями жизнедеятельности и других смежных проблем инвалидов:

- комплексная целевая программа «Социальная интеграция инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности города Москвы» на 2007–2009 гг.;
- подпрограмма «Совершенствование работы с детьми-инвалидами и детьми с ограниченными возможностями здоровья» Комплексной целевой программы «Социальная интеграция инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности города Москвы» на 2007–2009 гг.;
- городская целевая программа по вопросам физической культуры и спорта для лиц с ограниченными возможностями здоровья (2008–2010 гг.);
- городская целевая комплексная программа «Культура Москвы» на 2008–2010 гг.;
- городская целевая программа развития наземного городского пассажирского транспорта в Москве на 2007–2009 гг.;
- городская целевая программа строительства гаражей-стоянок в Москве на 2008–2010 гг.;
- городская целевая программа по капитальному ремонту многоквартирных домов Москвы на 2008–2014 гг.

Отдельные профильные направления отрабатываются в городских программах развития «Столичное здравоохранение на 2008–2010 гг.», «Столичное образование–6», «Молодежь Москвы» (2007–2009 гг.) и др.

Вопросы материальной поддержки различных категорий инвалидов и членов их семей, совершенствования механизмов предоставления адресных государственных гарантий инвалидам — москвичам и другим лицам с ограничениями жизнедеятельности — ежегодно уточняются в рамках комплексных программ мер социальной защиты жителей г. Москвы на соответствующий финансовый год.

Так, только в рамках комплексной целевой программы «Социальная интеграция инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности города Москвы» на 2007–2009 гг. определены и выполняются более 1000 конкретных проектов и мероприятий (с установленными целевыми показателями, объемами работ и выделяемых на эти цели финансовых средств), на которые запланировано более 36 млрд руб.

Выполнением мероприятий указанной программой обеспечивается решение основных, практических задач по всем аспектам реабилитационной помощи различным категориям инвалидов (независимо от возраста, причины и тяжести инвалидности):

- проведение необходимых медицинских мероприятий, предоставление реабилитационной техники, протезных изделий, путевок на санаторно-курортное лечение, средств реабилитации для совершенствования комплексной медико-социальной реабилитации инвалидов (разных возрастных групп с различными патологиями) и других лиц с ограничениями жизнедеятельности;

- реабилитация инвалидов методами культуры и искусства, спорта и туризма;
- формирование приспособленной для инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности городской инфраструктуры;
- информационное сопровождение проблем социальной интеграции инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности;
- кадровое обеспечение решения проблем инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности;
- развитие социального партнерства в сфере социальной интеграции инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности.

Вместе с тем по ряду направлений работы (доступность городской инфраструктуры для инвалидов и других маломобильных граждан, трудоустройство инвалидов и поддержка их на рынке труда; социально-бытовая адаптация инвалидов с тяжелыми врожденными и приобретенными ограничениями в передвижении, общении, ориентации) для достижения эффективных результатов в краткосрочной перспективе требуется принятие дополнительных мер.

Кроме того, реально складывающаяся ситуация показывает, что многие практические задачи лежат в смежных сферах городского развития — архитектуры, строительства, жилищно-коммунального хозяйства, транспорта и др. Имеется еще несогласованность в деятельности различных городских служб, которые должны обеспечивать равный доступ всем жителям, в том числе имеющим особые потребности в связи с инвалидностью, к обычным, повседневным услугам.

Согласно Конвенции ООН о правах инвалидов (ст. 19), государство признает равное право всех инвалидов жить в обычных местах проживания при равных с другими людьми доступности услуг и объектов коллективного пользования, предназначенных для населения в целом, которые должны быть в равной степени доступны для инвалидов и отвечать их нуждам.

Кроме того, должно быть признано право инвалидов на самостоятельный образ жизни, место жительства и выбора того, где и с кем проживать. В городе реализуется уже пятая программа, направленная на решение проблем инвалидов. В результате сложилась и развивается комплексная инфраструктура реабилитационных учреждений различного ведомственного подчинения.

В настоящее время в сфере реабилитации работают более 1,4 тыс. организаций, предоставляющих медицинские, образовательные и социальные услуги инвалидам (детям и взрослым), в том числе 1016 городского подчинения, 44 федерального и 139 негосударственных.

Сложившаяся система в целом обеспечивает потребности в реабилитации инвалидов, а также граждан, имеющих ограничения жизнедеятельности, но не являющихся инвалидами.

В последней программе стали уже разрабатываться вопросы оказания психологической и социальной помощи и поддержки членам семей инвалидов вследствие тяжелых соматических и психических заболеваний, травм, детей и взрослых с врожденными дефектами и аномалиями.

По данным международных исследований, трудопотери, связанные с появлением в семье инвалида и необходимостью постоянного постороннего ухода и наблюдения со стороны родственников, в совокупном выражении могут составлять от 0,5% до 1% ВВП (при численности инвалидов не менее 10% от общей численности населения). Каждый рубль, вложенный в реа-

билитацию инвалидов и создание вспомогательных служб помощи членам их семей, дает десятикратный экономический эффект. Действующие в городе государственные реабилитационные структуры разной ведомственной подчиненности ориентированы в основном на работу с инвалидами. Только в последние два года органы и учреждения социальной защиты населения стали перестраивать свою деятельность на активную работу с этим контингентом. Ряд проектов в этом направлении реализуется в рамках Комплексной целевой программы, однако необходимо расширить эту работу, особенно в разделе помощи родителям детей с онкологическими заболеваниями, детским церебральным параличом (ДЦП), спинальников, инвалидов с психическими и интеллектуальными нарушениями.

Еще одним препятствием для эффективного решения проблем инвалидов является неготовность российского и московского сообщества воспринимать инвалидов равными членами общества и признавать равенство их прав на образование, труд, досуг, занятия физической культурой и спортом, на общественную и политическую деятельность. До настоящего времени даже в органах государственной власти порой бытуют старые мнения об ущербности инвалидов и никчемности их для общественно полезной деятельности, вследствие этого предлагается создавать для них специализированные учреждения, маршруты движения, центры для общения, считается излишней роскошью вкладывать средства для создания инвалидам условий для полноценной, максимально независимой жизнедеятельности.

В то же время достигнутые успехи все еще не позволяют считать Москву городом, где для всех в полном объеме обеспечены равные возможности для жизни и развития.

Власти Москвы не устраивает объем вовлеченности инвалидов в образовательные процессы, степень их участия в общественно полезном труде, доступность городской среды.

В связи с этим требуется разработка долгосрочной стратегии формирования толерантного отношения общества к инвалидам, понимания их проблем и нужд.

В Правительстве Москвы считают необходимым координацию всех разработанных программ и планов путем корректировки и дополнения основной Программы комплексом мероприятий в области совершенствования механизмов планирования, целевой индикации, управления, финансирования, развития системы социальной интеграции инвалидов.

Программа «Год равных возможностей», принятая в 2008-м, выделяет проблемы, требующие безотлагательного решения, а также дополнительные, уточняющие, мероприятия по уже разрабатываемым направлениям, которые обеспечивают перелом, прорыв в решении. Прежде всего это касается формирования безбарьерной городской инфраструктуры для инвалидов и вопросов трудоустройства и занятости инвалидов.

В Москве поставлена задача — превратить столицу уже к 2020 г. в город, где реально обеспечены равные возможности для развития всем ее жителям.

Выше мы подчеркивали, что реализация норм Конвенции в части образования, доступности, занятости практически устраняет все барьеры на пути к трудоустройству, которые отметили молодые инвалиды. При этом очевиден общий характер и универсальность норм. Следовательно, если мы хотим на деле решать вопросы занятости инвалидов, то независимо от того,

ратифицирована Конвенция или нет, мы будем, по существу, внедрять ее принципы и механизмы.

ЛИТЕРАТУРА

Государственная политика в отношении трудовой занятости людей с инвалидностью: международный опыт и российская практика / Сост. М. Л. Новиков. — М.: РООИ «Перспектива», 2008. С. 71.

Инвалиды в России: причины и динамика инвалидности, противоречия и перспективы социальной политики: Колл. сб. ст. / Т.М. Малева, С.А. Васин, О.Ю. Голодец, С.В. Бесфамильная // Бюро экономического анализа. — М.: РОССПЭН, 1999. С. 214.

Конвенция ООН о правах инвалидов; <http://www.un.org/russian/document/convents/disability.html>

О положении инвалидов в городе Москве (2006–2008) / Департамент социальной защиты населения г. Москвы. — М.: ООД «За здоровую Россию», 2008. С. 68.

Синявская О., Васин С. Социальная интеграция молодых людей с инвалидностью // Интернет-сайт Независимого института социальной политики; <http://www.socpol.ru/publications/pdf/Disability.pdf>

МИГРАЦИОННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ОЦЕНКИ И ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА

Мкртчян Н.В., к.г.н., ведущий научный сотрудник Института демографии ГУ–ВШЭ

В статье, на основе анализа статистических источников и обзора тематической литературы, рассматривается миграционная мобильность в России, ее динамика за достаточно длительное время, анализируются специфические для страны факторы, ее стимулирующие и дестимулирующие. Попытки сравнить уровень пространственной мобильности в России с другими странами не вполне состоятельны, т.к. опираются на малосопопоставимые источники данных. Обосновывается гипотеза, согласно которой формальное, фиксируемое статистикой снижение и без того невысокой миграционной мобильности объясняется прежде всего недоучетом миграции, прежде всего ее временных форм. Приводятся оценки и отдельные характеристики временной миграции, в основном основанные на данных выборочных обследований. В современных условиях управление пространственной мобильностью в России возможно в очень узких пределах, и это необходимо осознать структурам государственного управления.

Рост пространственной мобильности населения является одним из важнейших атрибутов современности. Он связан с экономическим развитием и глобализацией экономики, увеличившейся скоростью и надежностью транспорта, распространением информации, а также неравномерностью демографического и экономического развития по странам и крупным регионам мира. Пространственная мобильность включает как собственно миграцию, которая предполагает смену индивидом постоянного места жительства, так и временные, эпизодические перемещения, роль которых возрастает.

На внутренние миграции в России в разные годы приходилось от 73% до 92% всех фиксируемых статистикой миграционных перемещений. Общее число внутренних переселений, по нашей оценке, только в 1989–2005 гг. составило 45 млн чел.

Анализ статистики, применяемый рядом российских и зарубежных исследователей при сравнении миграционной мобильности в России и других странах, показывает, что в России пространственная мобильность населения находится на сравнительно невысоком уровне. Так, в одной из своих работ Ю. Андриенко и С. Гуриев [Andrienko Y., Guriev S., 2004] приводят сравнения интенсивности внутренней миграции в России и ряде других стран (табл. 1).

Однако сами авторы признают, что ценность подобных сравнений ограничена прежде всего потому, что во многих странах регионы, между которыми осуществляется миграция, меньше российских, поэтому межрегиональная миграция в значительной мере может замещаться ежедневными поездками на работу из пригорода и обратно [Андриенко Ю., Гуриев С., 2006]. Также общепризнанно, что для подготовки официальной статистики миграции в России, на которой основываются сопоставления, существует ряд методологических проблем. О них более подробно будет рассказано ниже.

Таблица 1. Внутренняя миграция в 1998 г., % ко всему населению

Корея	11,8
Финляндия	10,0
Австралия	7,9
Норвегия	6,5
Швейцария	6,1
Япония	4,9
Нидерланды	4,0
Венгрия	4,0
Чехия	1,9
Россия	1,8

Источник: статистические ежегодники по соответствующим странам (цит. по: *Besstretyannaya G. The Applicability of the Tiebout Hypothesis to Russian Jurisdictions*. — М.: Master Thesis, New Economic School, 2001).

По мнению М.Б. Денисенко, при проведении сравнительного анализа уровня внутренней территориальной мобильности разных стран следует помнить о его статистических ограничениях. Во-первых, определения внутреннего мигранта в разных странах различны; во-вторых, для определения объема перемещений (будь то маятниковые или постоянные) используются разные источники данных (регистры населения, административные источники, переписи, выборочные обследования); в-третьих, качество учета внутренних перемещений различно между странами; в-четвертых, величина межрайонных потоков зависит от размера административно-территориальных образований (чем меньше площадь, тем больше мигрантов) [Денисенко М.Б. и др., 2008]. На ограничения административно-территориального деления при учете миграции указывает и В.М. Моисеенко. В России перемещения на незначительные расстояния (например, в соседние поселения, расположенные за границей данной единицы административно-территориального деления) могут рассматриваться как миграция. В то же время перемещения в пределах некоторых административно-территориальных единиц, возможно даже на более значительное расстояние, могут не учитываться как миграция [Моисеенко В.М., 2004]. Даже в Европе, где система учета миграции налажена хорошо, статистические сравнения внутренней миграции между странами затруднены [Poulain M., 1994].

Тем не менее имеющиеся данные позволяют установить принципиальные различия между странами по интенсивности внутренней миграции для населения в рабочих возрастах, а также по степени вовлеченности населения в маятниковые перемещения. Так, в 2005 г. среди стран с большой территорией наиболее высокой интенсивность межрегиональной миграции была в США — 26 на 1000 чел. населения. В Австралии этот показатель равнялся 17 на 1000, а в Канаде — ~9. Для сравнения отметим, что в России интенсивность внутренней межрегиональной миграции составляла 5,7 на 1000 чел. Что касается других стран с меньшей территорией, то высокий уровень межрегиональной миграции наблюдался в Великобритании (между 19 регионами и метрополитенскими ареалами) и Японии (между префектурами), Швеции (между 21 регионом) — почти 20 перемещений на 1000 чел. населения. В миграциях между землями Германии участвует 13–14 чел. из тысячи. Сопоставимой с российской интенсивность межрегиональной миграции в 2005 г. была в Испании (7,8), Чехии (7,3), Швеции (7,1), Италии (5,6). В Польше, Греции и Словакии интенсивность межрегиональных перемещений была ниже,

чем в России¹. По расчетам С.В. Рязанцева (2004), миграционная активность населения России в 5 раз ниже, чем в США, однако методики расчетов автор не раскрывает. Отставание населения России в уровне мобильности от населения США показывают и расчеты Борнхорста и Коммандера (2004), однако российский уровень все же выше уровня Венгрии, Румынии и Франции.

Сравнения миграционной мобильности с другими странами проводились и ранее. Так, в 1980 г. 31,2% населения США из числа лиц, родившихся в стране, проживали не в том штате, где родились. В СССР в то время, по оценкам Ж.А. Зайончковской, сопоставимые данные составляли примерно 23–25% населения страны.

РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Нет однозначного ответа на вопрос, насколько миграционная мобильность в России в советский период поддерживалась или сдерживалась государством. С одной стороны, в стране постоянно развертывались организованные государством кампании по переселению многих тысяч и даже миллионов человек в районы быстрого индустриального развития, в основном на востоке страны. С другой — государство сдерживало миграцию, в том числе посредством системы паспортизации и сопутствующей ей прописки.

Процесс организованного переселения в районы быстрого индустриального развития не всегда шел гладко, и даже в период безусловного господства плановой экономики население в основном совершало самостоятельные переселения. По оценке А.В. Топилина (1975), максимального значения организуемая государством миграция достигла в конце 1940-х гг. и составляла 40% всех переселений. По оценкам для конца 1970-х — начала 1980-х гг., доля управляемой (контролируемой Госкомструдом) миграции в России составляла 15% [Денисенко М.Б. и др., 1989].

В годы репрессий конца 1920-х — начала 1950-х гг. осуществлялись массовые высылки и депортации сотен тысяч людей в регионы Севера и Сибири [Ткаченко А.А., 2002]. Многие крупные города в российском Заполярье создавались за счет фактически бесплатного изнурительного труда заключенных. Репрессированные после отбытия срока заключения оставались на поселениях в северных городах и зачастую не имели права выезжать оттуда [Малева Т.М., 1998].

Долгое время государство стимулировало миграцию в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, устанавливая надбавки (коэффициенты) к заработной плате и предоставляя многие льготы работающему там населению (льготный пенсионный стаж, возможность внеочередного приобретения предметов длительного пользования, бронирование жилья в регионах выезда, бесплатный проезд к местам отдыха, лучшее снабжение продуктами питания и т.п.)². По оценке Ж.А. Зайончковской (1991), постепенно эти меры привели к тому, что на российском Севере и в целом в регионах с тяжелыми природно-климатическими условиями образовалось избыточное население, его заселенность существенно превышала заселенность

¹ Рассчитано Денисенко М.Б. по данным национальных статистических органов.

² Эти льготы и компенсации описаны во многих работах. См., например: *Моисеенко В.М.* Внутренняя миграция населения. — М.: ТЭИС, 2004. С. 100–108; *Финансовые отношения федерального центра и северных регионов и их влияние на организованную миграцию с Севера.* — М.: ИЭПП, 2001. С. 92–103; *Регент Т.М.* Миграция в России: проблемы государственного управления. — М.: Изд-во ИСЭПН, 1999. — 304 с.; *Зайдфудим П.Х., Фролов О.П., Бобков О.И. и др.* Социальная реабилитация населения Севера России. — М.: ИВЦ «Маркетинг», 1994. — 94 с.

схожих в природно-климатическом отношении регионов других северных стран (например, Канады), где нет таких крупных городов, как на севере России. Оценки перенаселенности российского Севера, сделанные в начале 1990-х гг., составляли от 20% до 40% [Зайдфудим П.Х., 1993]. По расчетам А.И. Трейвиша, Россия заселена более равномерно, чем другие крупные страны (Китай, США, Канада). Средний россиянин даже в европейской части страны живет в более суровых климатических условиях, чем средний житель Швеции, где среднегодовая температура такая же, как в Европейской России. В северных регионах России выше распаханность территории [Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И., 2003]. Анализ подушевых температурных значений показывает, что за советские десятилетия Россия стала «экономически холоднее», в то время как в странах с рыночной экономикой производства переместились в более теплые районы. Средний россиянин сегодня живет при средней температуре, которая на 1 °С ниже, чем в 1913 г. [Hill F., Gaddy C., 2003].

Специфической чертой устройства российской территории является искаженная структура городов. В царской России и особенно в советский период многие постоянные поселения в Сибири и на Дальнем Востоке создавались там, где они никогда не появились бы в условиях рыночной экономики. В России нарушено правило Зипфа, ощущается нехватка городов «второго ряда» [Андриенко Ю., Гуриев С., 2006].

Начиная с 1990-х гг. происходит деградация социальной инфраструктуры, транспортной сети, особенно выраженная на востоке страны [Тархов С.А., 2002], быстро убывает население восточных регионов страны, прежде всего в результате миграции на запад. В некоторых исследованиях продемонстрирован высокий потенциал миграционной мобильности населения российского Севера: так, обследование лиц, проживающих в четырех северных регионах в 1998 г., показало, что масштабы потенциальной миграции очень велики, перебраться были готовы свыше 50% населения [Heleniak T., 2002], и эти намерения постепенно реализуются.

Что касается сдерживания миграции посредством системы паспортизации и прописки, этот процесс подробно описан в работах историков и демографов начала 1990-х гг. [Попов В., 2004]. В работах отечественных исследователей миграции в более ранний период эта проблема в силу объективных причин практически не исследовалась, упоминались только административные ограничения оттока населения из сельской местности и ограничение роста крупных городов [Дмитриев А.В., Межевич М.Н., 1981].

Однако эти меры имели ограниченный успех. Так, неудачные попытки сдержать рост населения Москвы предпринимались с конца 1920-х гг. [Моисеенко В.М., Переведенцев В.И., Воронина Н.А., 1999]. Власти стремились ограничивать строительство в Москве крупных промышленных предприятий, делались попытки создания городов-спутников (например, Зеленоград). В 1959 г. Генплан Москвы предполагал ограничить ее население 5 млн чел., однако сдержать рост населения города не удавалось даже в эпоху торжества плановой экономики и жесткой административно-командной системы.

Несмотря на многочисленные декларации, с миграцией в Москву не справляются столичные власти и сегодня. Москва и Московская область в 2001–2005 гг. аккумулировали 85% чистой миграции в Центральный округ, в 2007 г. — 73%. И это только данные статистического учета. К ним стоит добавить временную и маятниковую миграцию. В 1985 г. число маятниковых мигрантов оценивалась в 1 млн чел. [Там же]. Оценки числа маятниковых

мигрантов в начале 2000-х гг. достигают 3 млн чел. [Смидович С.Г., 2005], однако эта цифра несколько завышена.

Имели место и меры экономического сдерживания миграции. Так, в сельской местности российского Нечерноземья в 1980-х гг. постоянным работникам совхозов и других государственных предприятий устанавливались надбавки к заработной плате за непрерывный стаж работы [Моисеенко В.М., 1985].

ДИНАМИКА МОБИЛЬНОСТИ

В России в течение XX в. миграционная мобильность населения росла: с 1926 по 1979 г. она более чем удвоилась, отражая высокие темпы урбанизации, повышение уровня образования населения [Зайончковская Ж.А., 1991]. Доля населения, проживавшего в местах постоянного жительства менее двух лет, составлявшая в 1926 г. 3,5%, в 1970 г. — 5,8%, к 1979 г. достигла 7,7%. Очень большие масштабы миграции фиксировались в отдельные годы массивной индустриализации страны: так, с 1935 г. число прибывших в города составило 13,7 млн чел., немногим меньше эти цифры были и в предшествующие этому годы [Труд в СССР..., 1936].

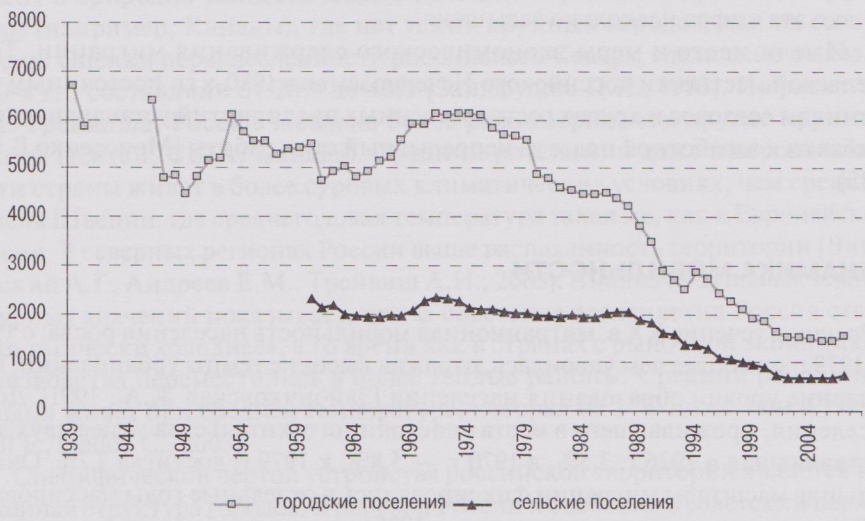
В последующие десятилетия миграционная активность населения стала снижаться довольно быстрыми темпами (*рис. 1*). Однако в это же время произошли серьезные изменения в системе статистического учета мигрантов, как международных, так и внутренних, что осложняет анализ данных за длительное время и делает их малосопоставимыми. В частности, разрушилась система учета учебной миграции [Чудиновских О.С., 2004]. Современная статистика миграции уже существенно отличается даже от систем сбора данных в других странах бывшего СССР [Там же, 2006].

Таким образом, уровень пространственной мобильности населения России в постсоветский период снизился примерно вдвое — до уровня, имевшего место в России перед Первой мировой войной [Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н., 2008].

Снижение пространственной мобильности зафиксировала и последняя российская перепись, проведенная в 2002 г. Доля людей, никогда не переезжавших — местных уроженцев, к 2002 г. сильно выросла — до 55,8% против 49,3% в 1989 г. и 46,1% в 1979 г. (*рис. 2*). Сейчас люди, безвыездно проживающие в местах своего рождения, заметно преобладают в населении страны, причем эта тенденция прослеживается и у городского, и у сельского населения, но у городского населения она выражена особенно четко.

Известно, что перепись населения 2002 г. подкорректировала оценки масштабов международной миграции в Россию за 1990–2002 гг., добавив 1,8 млн дополнительных международных мигрантов [Население России..., 2006]. Однако по ее результатам необходимо внести определенную корректировку и в масштабы внутренней миграции. Ведь население почти 70 регионов по численности не дотянуло до расчетных показателей, в то время как население Москвы, Московской области, ряда регионов юга страны существенно превысило оценку по данным текущего учета. Напомним, что в межпереписной период отмечен повсеместный недоучет прибытий по внешней миграции, следовательно, масштабы внутреннего перераспределения населения должны были быть еще существеннее. Перепись позволила учесть часть «квазивременных» (по выражению В.М. Моисеенко) мигрантов.

Рисунок 1. Число прибывших (вся миграция), Россия, тыс. чел.



Источники: Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат России. — М., 1998; Численность и миграция населения России, 1998–2008.

Рисунок 2. Население, проживающее в месте жительства с рождения и не с рождения, %



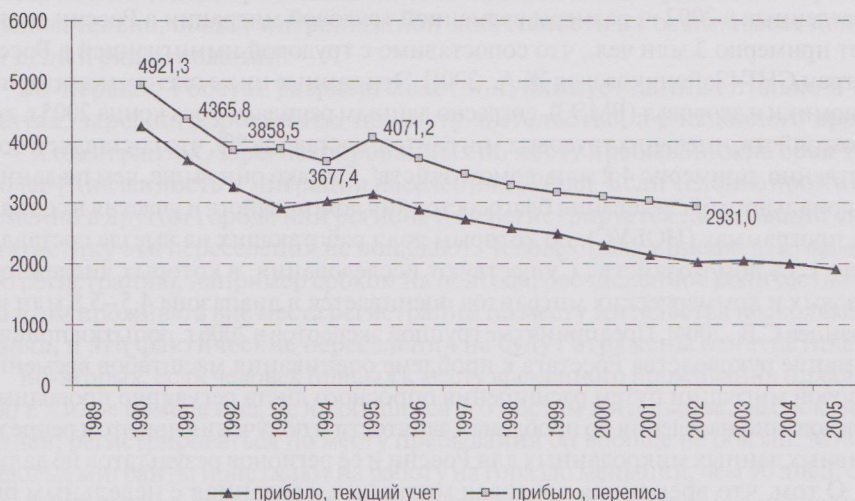
Примечание: Неуказавшие время проживания (в 2002 г. — 1,4%) пропорционально распределены.

Источник: Население России — 2005. 13-й ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский; ГУ—Высшая школа экономики. — М.: Издательский дом ГУ—ВШЭ, 2007. С. 213. Расчеты Ж. А. Зайончковской.

В 2004 г. Центр демографии и экологии человека ИНП РАН по заказу Росстата производил оценку количества прибывших и выбывших по России и отдельно по каждому региону в 1990–2002 гг. Поправка на прибывших по внешней миграции легко высчитывается исходя из скорректированных данных миграционного прироста в 1990–2002 гг., все остальные недоучтенные прибытия — внутренняя миграция.

Если сопоставить эти оценки с данными текущего учета населения (рис. 3), становится очевидно, что недоучет внутренней миграции имел место все эти годы, однако примерно с 1995 г. его масштабы в соотношении

Рисунок 3. Количество прибывших по внутренней миграции, тыс. чел.



Источник: Оценки ЦДЭЧ ИНП РАН, 2004; Численность и миграция населения России, 2003–2005.

с регистрируемыми масштабами миграции стали более существенными. Наши оценки показывают, что к 2002 г. недоучтенная внутренняя миграция составляла приблизительно 30%³. Недоучтенный статистикой выезд населения из регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока в европейскую часть России ориентировочно мог достигать 1 млн чел. [Мкртчян Н. В., 2005]

Если принимать во внимание эти оценки, спад масштабов внутренней миграции в 1990-е гг. был несколько более плавным: они сократились не на 50%, а на 40% — с 4,9 млн в 1990 г. до 2,9 млн в 2002 г. Однако эти расчеты, опирающиеся на тренды регистрируемой миграции, также показывают продолжающийся до этого времени спад масштабов внутренних переселений.

Результаты переписи населения вскрывают масштабы неучтенной миграции молодежи, которую притягивают региональные центры. По нашим расчетам, за межпереписной период (1989–2002 гг.) население ряда региональных центров в возрасте 15–24 лет увеличилось за счет миграции из других городов и районов этих регионов на 20–25% [Мкртчян Н. В., 2008; Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., 2009]; соответственно, столько же молодежи недосчитываются села, малые и средние города. Официальная статистика эту миграцию в основном не учитывает или учитывает с большим временным лагом.

СМЕНА ФОРМ МИГРАЦИИ И РОЛЬ НЕДОУЧЕТА

Многие исследователи признают, что в конце 1990-х гг. миграция, связанная со сменой постоянного места жительства, вытесняется временными формами пространственной мобильности. Об этом свидетельствует широко развернувшаяся в постперестроечное время внутренняя трудовая миграция. По масштабам она напоминает «отходничество», распространенное в России в конце XIX — первой трети XX в. Его масштабы достигали 5–6 млн чел. в год [Моисеенко В. М., 2004].

³ Эти оценки подтверждаются в работе Ж. А. Зайончковской и Н. Н. Ноздриной.]

По оценкам, основанным на обследованиях домохозяйств в 7 городах России, проведенных в 2002 г., размеры временной трудовой миграции в России составляют примерно 3 млн чел., что сопоставимо с трудовой иммиграцией в Россию из стран СНГ [Зайончковская Ж.А., 2001]. Эти данные ниже оценок мониторинга экономики и здоровья (РМЭЗ), согласно данным раунда опроса конца 2005 г. доля домохозяйств, имеющих трудовых мигрантов, составила 8%, что составляет, соответственно, примерно 4,2 млн. домохозяйств⁴. Однако они выше, чем по данным национального обследования благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС), по которым доля работающих на выезде составляет около 1,3% домохозяйств⁵. Существуют исследования, в которых численность трудовых и коммерческих мигрантов оценивается в диапазоне 4,5–5,8 млн чел. [Рязанцев С.В., 2004]. Предпринятые группой экспертов в 2006 г. попытки привлечь внимание руководства Росстата к проблеме оценивания масштабов временной трудовой миграции путем расширения опросного листа регулярно проводимых обследований населения по проблемам занятости и получения при этом репрезентативных данных микроданных для России и ее регионов результатов не дали.

О том, что временная трудовая миграция, связанная с недельным ритмом (люди работают в соседних областях, возвращаясь домой только на выходные), особенно распространена в регионах Центральной России, писали эксперты Всемирного банка еще в 2001 г. [Pinto V., Drebensov V., Titov S. et al., 2001]. Недоучет временной миграции серьезно обедняет анализ масштабов пространственной мобильности. Например, в Китае величина «текущего населения» (*floating population*) достигает 80 млн чел. по сравнению с 20 млн чел. „зарегистрированных мигрантов“» [Kam Wing Chan, Yang Yunyan, 1997].

Согласно данным одного из недавних российских обследований населения⁶, распространенность работы на выезде (исключая маятниковую миграцию и работу вахтовым методом) составляет 4,4%: столько опрошенных указали, что в течение последних двух лет они или члены их семьи выезжали с целью заработка в другие населенные пункты, в том числе 1,7% опрошенных указали, что такого рода поездки совершаются постоянно. По крайней мере для 2/3 опрошенных работа на выезде является основным и/или единственным занятием.

Согласно исследованиям в г. Липецке [Денисенко М.Б., 1996], В начале 1990-х гг. на заработки выезжало всего лишь 3,7% опрошенных. В год проведения обследования отправиться на заработки собирались 5,2% опрошенных, и только лишь 1,1% респондентов сказали, что точно поедут работать в другие регионы.

⁴ Обследование 5 тыс. домохозяйств, репрезентирующих РФ в целом. Раунд поведился в октябре-декабре 2005 г. Вопрос в обследовании звучал так: Кто-нибудь из членов домохозяйства выезжал в другие населенные пункты на работу в течение последних 12 месяцев (командировки не учитывался)?»

⁵ Следует отметить, что время проведения обследований домашних хозяйств (апрель-май для НОБУСа и октябрь-декабрь для РМЭЗ) могло привести к недооценке сезонной трудовой миграции и тем самым миграции в целом.

⁶ Проводилось Центром миграционных исследований совместно с Левада-Центром в декабре 2005 г. в 10 центрах субъектов РФ: Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Казани, Краснодаре, Владивостоке, Оренбурге, Белгороде, Смоленске и Нальчике. Общее число респондентов — 3220 чел., опрашивалось все население по репрезентативной для городов выборке. Некоторые результаты обследования изложены в: Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России // Проблемы прогнозирования. 2008. №4. С. 98–112; Флоринская Ю.Ф. Влияние материального положения и жилищных условий на мобильность российского населения // Проблемы прогнозирования. 2008. №6. С. 140–155; Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Демографические и социально-экономические факторы динамики миграционной активности населения России: современная ситуация и перспективы / Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. — М.: МАКС Пресс, 2008. С. 571–604.

Проблема оценки реальных масштабов временной трудовой миграции, а следовательно, общей миграционной мобильности в России имеет под собой целый ряд оснований.

Во-первых, Росстат разрабатывает и публикует данные только о мигрантах, зарегистрированных по месту жительства, а с недавнего времени — и о мигрантах, зарегистрированных по месту пребывания на срок 1 год и более [Численность и миграция населения..., 2008]. Если человек проживает временно в другом городе или регионе или регистрируется на меньший срок, в статистику эти переселения не попадают. Человек может продлевать временную регистрацию, например сроком на полгода, бесчисленное количество раз, при этом проживать вне места регистрации по месту жительства несколько лет подряд, и эти фактические переселения не будут отражены в статистике.

Во-вторых, если человек прибыл к месту временного проживания (пребывания) в жилое помещение, не являющееся его местом жительства, на срок менее 90 дней, регистрироваться по месту пребывания он вообще не обязан. Многие трудовые мигранты приезжают на работу на гораздо меньший, чем 90 дней, срок (имеется в виду не срок контракта, который может быть сколь угодно долгим). При этом, выезжая, например, раз в месяц к месту постоянного жительства, которое может находиться в другом субъекте РФ, регистрироваться в том городе, где работают, они не обязаны. Проблем с работодателями в этом случае обычно не возникает. Наши углубленные интервью, проведенные в недавних исследованиях [Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В., 2007], показывают, что немногие работодатели спрашивают у своих работников регистрацию. Не является отсутствие регистрации и большой проблемой во взаимоотношениях с милицией. Человеку со славянской внешностью достаточно показать билет с датой приезда.

Масштабы нерегистрируемой внутренней миграции, как временной, так и на длительный срок или навсегда, могут быть достаточно велики. Например, в г. Астане (Казахстан) в июле 2000 г. «в целях обеспечения выполнения юридическими и физическими лицами «Правил документирования и регистрации населения Республики Казахстан» была проведена акция «Я — житель столицы», в ходе которой было зарегистрировано 153,5 тыс. чел. (это почти треть населения города), проживающих в столице с 25 февраля 1999 г. по 31 августа 2000 г. без регистрации в органах внутренних дел [Миграция населения Республики Казахстан..., 2002]. В большинстве своем это были не нелегальные иммигранты из других стран, а выходцы из других регионов и городов страны. Конечно, случай с новой столицей Казахстана нетипичный, город строится и развивается усиленными темпами, для российской столицы это уже давно пройденный этап. Но этот пример показывает, какой может быть латентная миграция в соотношении с «видимым» потоком, который составлял несколько тысяч в год. Но масштабы миграции в Москву тоже впечатляют: по данным УФМС по г. Москве, в 2007 г. в столице численность зарегистрированных по месту пребывания (т.е. постоянно зарегистрированных в других регионах страны) составила 1227 тыс., за тот же период поставлено на миграционный учет иностранных граждан 1712 тыс.⁷

Временные мигранты — российские граждане и иностранцы — явно тяготеют к крупным городам. Это показывают наши исследования в российских

⁷ Следует уточнить, что данные цифры фиксируют число **регистраций**, а не число зарегистрированных людей, находящихся одновременно в столице. Так как регистрация по месту пребывания и постановка на миграционный учет осуществляются на разный срок, то один и тот же человек мог в течение года быть зарегистрирован не один раз. Подробнее см.: Чудиновских О. Статистика миграции знает не все // Демоскоп Weekly. 2–15 июня 2008 г. № 335–336; <http://demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema01.php>

регионах: Оренбургской и Нижегородской областях в 2002 г., в Иркутской и Калининградской областях в 2007 г., в Красноярском крае в 2008 г. Эти миграционные потоки не попадают в статистику, которую регулярно публикует Росстат, но с ней можно ознакомиться в УФМС.

В-третьих, внутренняя трудовая миграция имеет много видов и форм, и провести четкую грань между ними очень сложно [Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В., 2007].

Как показывают уже приводимые ранее данные обследования миграционной мобильности населения крупных городов в конце 2005 г., среди респондентов, которые сами или члены их семей имели в последние два года работу на выезде, немногим более четверти выезжали на заработки в другие поселения в пределах «своего» субъекта Федерации, в другие регионы выезжали 57,2%. При этом очень многие выезжали в Москву или Московскую область. За пределами России временную работу имели 16,3% мигрантов, большая часть из них — в странах традиционного зарубежья

Основные сферы занятости на выезде: торгово-посредническая деятельность — 22%, строительство — 36%, занятость в промышленности — 11%. В качестве работников сельского хозяйства, сотрудников охраны, водителей на городском транспорте и нянь трудились по 1–4% опрошенных.

Работа на выезде в 40% случаев занимала меньше месяца, более года трудились только 11% опрошенных. Наиболее часто непродолжительную занятость на выезде указывали занятые в торгово-посреднической деятельности; среди занятых в строительстве или промышленности существенно доля тех, кто работал достаточно продолжительное время.

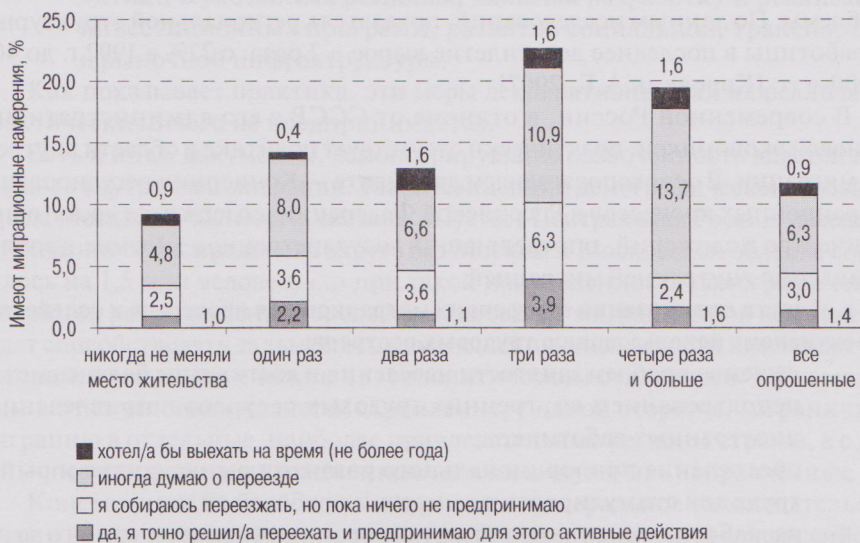
Временная трудовая миграция способствует формированию миграционных намерений, т.е. в перспективе ведет к миграции, уже связанной с изменением постоянного места жительства. Респонденты, которые имели работу на выезде, чаще собираются в будущем переехать в другой населенный пункт: такие намерения высказывали 41% тех, кто ездит постоянно, 22% выезжающих иногда и только 11% не выезжающих на заработки. Предпринимали для этого конкретные шаги 7,1% постоянно работающих на выезде против 1,3% тех, кто не выезжает на заработки; собирались переезжать, но не предпринимали для этого конкретных шагов — 12,5% против 2,9%; иногда задумывались — 21,4% против 5,7%.

Предыдущая миграционная активность влияет на потенциальную миграционную активность и формирование миграционных намерений в будущем. Как показали данные обследования «Миграционная мобильность населения России», опрошенные, сменившие место постоянного жительства в прошлом, имеют и более высокие миграционные установки на будущее, причем максимальные миграционные намерения у тех, кто переезжал 3–4 раза (рис. 4).

Работа на выезде — хороший способ подготовить свой переезд (люди часто переезжают туда, куда ранее приезжали на время). Так, по данным опроса, проведенного Центром миграционных исследований в 2004 г.⁸, среди причин, побудивших респондентов выбрать для жительства именно данный населенный пункт, 15% указали, что здесь ранее работали сами или родственники. По рангу эта причина уступает только переезду к родственникам. Потенциальный мигрант имеет возможность подготовить свой переезд: встроиться в рынок труда, подыскать подходящее жилье для семьи и т.п.

⁸ Было опрошено 713 семей в 7 областных (краевых) центрах России.

Рисунок 4. Доля имеющих миграционные намерения в зависимости от прежнего миграционного опыта



Источник: данные обследования «Миграционная мобильность населения России».

Влияние предыдущего миграционного опыта на потенциальную миграционную активность подтверждается также данными других исследователей [например, Кузнецова П. О., Федорев А. В., 2006].

Мы полагаем, что миграция на постоянное место жительства и временные миграции находятся в тесной взаимосвязи. С конца 1990-х гг. снижение масштабов миграции на ПМЖ сопровождается ростом временной, нефиксируемой статистикой миграции. Несмотря на «пережитки» прошлого, прописка (ныне регистрация на ПМЖ) уже становится необязательной для очень многих россиян. Необязательно иметь в городе, где работаешь, постоянное жилье — квартиру или место в общежитии. Для проживающих на арендуемой жилплощади регистрация на ПМЖ невозможна, на какой бы длительный срок человек ни поселился.

В то же время и миграция на ПМЖ, и временные формы мобильности имеют очень близкие направления. Прежде всего миграция на ПМЖ постепенно «вырастает» из временной миграции, и это подтверждается нашими исследованиями. Особенно в постсоветской России, когда практически отсутствует организуемая государством миграция. Миграция на ПМЖ фактически является завершением длительного периода, в течение которого человек проживал в том или ином населенном пункте временно.

ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЕЛЫ УПРАВЛЕНИЯ МОБИЛЬНОСТЬЮ

Низкая миграционная подвижность населения усугубляет демографическую ситуацию в России, не способствует интересам рыночной экономики, препятствует более полному использованию рабочей силы и в конечном счете консервирует бедность [Зайончковская Ж. А., Ноздрин Н. Н., 2008]. Экономисты утверждают, что российская безработица в значительной мере носит структурный характер: дефицит рабочей силы в одних регионах и отраслях сочетается с ее избытком в других [Коровкин А. Г., 2003, 2007; Коровкин А. Г.,

Парбузин К. В., 2006]. Низкая миграционная активность населения, а также существующие в стране «барьеры мобильности» препятствуют решению этой проблемы. По данным исследований, показатель региональной структурной безработицы в последнее десятилетие вырос в 2 раза: с 22% в 1992 г. до 40% в 2000-е гг. [Коровкин А. Г., 2007].

В современной России, в отличие от СССР с его административно-плановой экономикой, практически отсутствует политика в области внутренней миграции. В основополагающем документе — Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации⁹ содержится достаточное количество положений, определяющих государственное видение проблем управления внутренней миграцией:

в области оптимизации внутренних миграционных процессов и содействия эффективному использованию трудовых ресурсов:

- решение проблем занятости населения и достижение баланса между использованием внутренних трудовых ресурсов и привлечением иностранных работников;
- обеспечение пропорционального развития рынка жилья и рынка труда для стимулирования миграции рабочей силы;
- разработка механизмов стимулирования территориального перераспределения экономически активного населения для обеспечения сбалансированности региональных рынков труда;
- определение перспективных либо не рекомендуемых для расселения мигрантов территорий и населенных пунктов;
- разработка мер по созданию новых и сохранению имеющихся рабочих мест, а также основных условий жизнеобеспечения населения в районах с высоким оттоком населения и критическим состоянием рынка труда;
- государственная поддержка переселенцев из неперспективных населенных пунктов;
- развитие межбюджетных отношений, формирование федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на основе учета состояния рынка труда в отдельных регионах страны;
- использование ротационной системы формирования трудовых ресурсов, применение вахтового метода в регионах с тяжелыми природно-климатическими условиями;
- оптимизация внутренней миграции на основе прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации и Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации;

в области создания условий для сохранения и дальнейшего формирования населения в северных, восточных и приграничных регионах Российской Федерации:

- восстановление экономической активности организаций, расположенных на территории Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, за счет привлечения рабочей силы из других районов страны;
- стимулирование миграции населения Российской Федерации, а также граждан государств — участников Содружества Независимых Государств и государств Балтии в северные и восточные регионы страны и регулирование иммиграции в приграничные регионы Российской Федерации;

⁹ Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.03.2003 № 256-р.

- проведение активной экономической и градостроительной политики в указанных регионах, включая разработку и реализацию инвестиционных программ, развитие социальной, транспортной и рыночной инфраструктуры.

Как показывает практика, эти меры декларативны, для их реализации практически ничего не предпринимается.

Есть и иные документы, демонстрирующие озабоченность властей проблемами внутренней миграции. Так, в Концепции демографического развития города Москвы, в частности, сказано: «Пустеет Центральная Россия: население одноименного федерального округа без Москвы и Московской области сократилось на 1,5 млн человек, <...> при такой направленности демографических тенденций рост населения города Москвы за счет миграционной компоненты будет способствовать дальнейшему уменьшению численности населения территорий, в том числе и важных в геополитическом отношении»¹⁰. Естественным в этих условиях является стремление, с одной стороны, «ограничить» миграцию в отдельные, наиболее привлекательные регионы страны, а с другой — перенаправить миграционные потоки в «нужных» направлениях.

Конституция Российской Федерации и федеральное законодательство России не предусматривают административных ограничений для российских граждан в выборе места пребывания и жительства. Для иностранцев, законно находящихся на территории России, не возбраняется смена места пребывания. В соответствии с действующим законодательством, возможности административными мерами направлять потоки иммигрантов (иностранцев) существуют только до приобретения ими статуса постоянно проживающих на территории России (вида на жительство) или гражданства РФ.

Кроме того, государство ограничено и в мерах экономического стимулирования миграции в «нужных» направлениях, тем более что нет ясности в том, куда необходимо направлять миграционные потоки (а главное, откуда брать) в условиях повсеместной нехватки населения [см. подробнее: Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И., 2003].

Внутренние перемещения населения должны осуществляться в тех направлениях и в таких масштабах, которые отвечают социально-экономическим реалиям. Процесс формирования условий, воздействующих на эти процессы, в основном лежит вне сферы компетенции миграционной политики. Существующие реалии таковы, что и внутренние мигранты, и иммигранты стремятся в регионы с более высоким уровнем жизни, с хорошими возможностями для трудоустройства и самореализации. Наиболее привлекательны для них крупные и крупнейшие города, имеющие сформированные ниши труда. Как это ни парадоксально, но чем больше будет приезжать иммигрантов в крупные города и занимать там традиционные ниши мигрантского труда, тем с меньшей скоростью будут пустеть российские села и малые города. В масштабах страны это будет означать, что свободное расселение иммигрантов в городах Европейской России будет препятствовать быстрому оттоку населения из регионов восточной части страны, это показывают и прогнозные расчеты, разрабатываемые ЦДЭЧ ИНП РАН¹¹ и Институтом демографии ГУ–ВШЭ.

Невыполнимы в современной России меры миграционной политики, направленные на «разворот» существующих направлений миграции [Мкртчян Н. В., 2003, 2004], на серьезное изменение системы расселения

¹⁰ Концепция демографического развития города Москвы. Утверждена постановлением Правительства Москвы от 28.06.2005 №482-ПП.

¹¹ Подготовлены по заказу Росстата в 2003 и 2005 гг. Не публиковались.

в стране. Социологические опросы убедительно показывают нежелание населения западных регионов ехать на восток [Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н., 2008]. Система расселения очень устойчива и инерционна, и попытки сломать ее ни к чему не приведут. Неправильно и проводить политику по искусственному сдерживанию миграции из сельской местности в города, а также политику по искусственному сдерживанию роста городов.

Разворот миграционных потоков, попытка нового заселения восточных регионов страны объясняется необходимостью сокращения «демографического дисбаланса» с соседним Китаем. Но даже в короткий срок, удвоив там население, мы сократим демографический дисбаланс с 1: 30 до 1: 15. А чтобы сравняться по плотности населения с Северным Китаем, потребуется примерно 500 млн чел. [Андреев Е.М., Вишневский А.Г., Мкртчян Н.В. и др., 2004].

Формирование населения восточных районов страны в конце XIX — начале XX в. осуществлялось в условиях совершенно отличной демографической ситуации (рост населения на 2–3,5% в год), проблемы крестьянского малоземелья и связанного с этим избыточного населения в ряде губерний европейской части страны. В настоящее время лишнего населения нет в России нигде, за исключением, пожалуй, ряда республик Северного Кавказа (и то эти излишки — результат постоянно отстающего экономического развития региона). Помимо того что у государства нет ни административных, ни экономических возможностей для управления процессами внутренней миграции, нет необходимых человеческих ресурсов, которыми можно было бы управлять [Вишневский А.Г., Денисенко М.Б., Елизаров В.В., 2007].

С середины 2000-х гг. в ряде субъектов Российской Федерации, в макрорегионах (на уровне федеральных округов) разрабатываются концепции и стратегии социально-экономического развития на долгосрочную перспективу. Многие из них ставят своей целью привлечение населения из других регионов страны, а также сдерживание миграции «своего» населения, в том числе молодежи. С одной стороны, региональные власти демонстрируют заинтересованность проблемами сохранения населения и трудовых ресурсов, с другой — в разрабатываемых документах не предусмотрено никаких рычагов для осуществления этого.

Таким образом, анализ статистики и публикаций по миграционной активности населения России показывает, что масштабы мобильности, основанные на данных официальной статистики, невелики, однако при этом не учитываются многообразные формы временной мобильности, не связанной со сменой постоянного места жительства в российском понимании. Все это сильно осложняет (если не сказать, делает невозможным) оценку масштабов мобильности в межстрановом контексте.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Е.М., Вишневский А.Г., Мкртчян Н.В. и др. Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу. — М.: ИЭПП, 2004. С. 43–44.

Андрюченко Ю., Гуриев С. Анализ миграции в России // Серия «Аналитические разработки и отчеты». ЦЭФИР. 2006. №23. Апрель. С. 19.

Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора // Научные труды №53Р. — М.: ИЭПП, 2003. С. 28–36.

Денисенко М.Б. Миграция населения в Липецкой области: тенденции, влияние на демографическую динамику, направления регулирования // Демографический вестник. 1996. №1.

- Денисенко М. Б., Денисова И. Г., Карачурина Л. Б. и др. Разработка модели организации трудоустройства в другой местности граждан, ищущих работу, органами государственной службы занятости и рекомендации по ее администрированию: Отчет для Роструда. — М.: 2008 [не опубликован].
- Денисенко М. Б., Ионцев В. А., Хореев Б. С. Миграциология. — М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 65.
- Дмитриев А. В., Межевич М. Н. Социалистическая урбанизация и ограничение роста крупнейших городов // Социологические исследования. 1981. №11. С. 15–16.
- Зайдфудим П. Х. Реабилитация жизненной среды российского Севера. — М.: Госкомсевер России, 1993. С. 31.
- Зайдфудим П. Х., Фролов О. П., Бобков О. И. и др. Социальная реабилитация населения Севера России. — М.: ИВЦ «Маркетинг», 1994. — 94 с.
- Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. — М.: Наука, 1991. С. 58.
- Зайончковская Ж. А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности // Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России» / Под ред. О. Д. Воробьевой. — М., 2001. С. 21.
- Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция в России: правовая практика. — М., 2007. С. 24–26.
- Зайончковская Ж. А., Ноздрина Н. Н. Миграционный опыт населения региональных центров России // Проблемы прогнозирования. 2008. №4. С. 98–112.
- Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Демографические и социально-экономические факторы динамики миграционной активности населения России: современная ситуация и перспективы // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А. Г. Коровкин. — М.: МАКС Пресс, 2008. С. 571–604.
- Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А. Г. Коровкин. — М.: МАКС Пресс, 2009 [в печати].
- Коровкин А. Г. Дихотомия «дефицит — безработица» на российском рынке труда // Демоскоп Weekly. 19 февраля — 4 марта 2007 г.; <http://demoscope.ru/weekly/2007/0277/analit03.php>
- Коровкин А. Г. Структурная асимметрия // Отечественные записки. 2003. №3.
- Коровкин А. Г., Парбузин К. В. Оценка несбалансированности спроса и предложения на российском рынке труда // Проблемы прогнозирования. 2006. №4.
- Кузнецова П. О., Федорев А. В. Микроанализ потенциальной миграции в Томской области // Миграция населения: статистика, выборочные обследования, политика: Сб. ст. / Под ред. М. Б. Денисенко. — М.: МАКС Пресс, 2006. С. 85.
- Малева Т. М. Проблемы северной миграции: Печорский угольный бассейн / Научные доклады. — М.: Московский центр Карнеги, 1998. Вып. 21. С. 14.
- Миграция населения Республики Казахстан за январь — декабрь 2001 г. — Агентство РК по статистике, 2002. С. 5.
- Мкртчян Н. В. Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты // Мир России. Т. XII. Социология, этнология. 2003. №2. С. 151–164.
- Мкртчян Н. В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Региональные исследования. 2008. №2. С. 21–38.
- Мкртчян Н. В. Миграция в России: западный дрейф // Демоскоп Weekly. 10–23 января 2005 г. №185–186; <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema01.php>
- Мкртчян Н. В. Миграция в России: западный дрейф // Информационный бюллетень Центра демографии и экологии ИНП РАН. 2004. Декабрь. №87.
- Моисеенко В. М. Внутренняя миграция населения. — М.: ТЭИС, 2004. С. 35, 50, 91, 100–108, 238.
- Моисеенко В. М. Снижение масштабов внутренней миграции населения в России: опыт оценки динамики по данным текущего учета // Вопросы статистики. 2004. №7. С. 49–50.
- Моисеенко В. М. Территориальное движение населения: характеристика и проблемы управления. — М.: Мысль, 1985. С. 105.
- Моисеенко В. М., Переведенцев В. И., Воронина Н. А. Московский регион: миграция и миграционная политика // Рабочие материалы Московского центра Карнеги. 1999. №3. С. 42–44.

Население России — 2003—2004. 11—12-й ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. — М.: Наука, 2006. С. 306.

Население России — 2005. 13-й ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский / ГУ—Высшая школа экономики. — М.: Издательский дом ГУ—ВШЭ, 2007. С. 186—188.

Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. О масштабе политических репрессий в СССР при Сталине: 1921—1953 // Сайт Forced Labor Camps: www.osa.ceu.hu/gulag; адрес доступа: <http://www.osa.ceu.hu/updates/2005/publications/terrorstatsru.htm>

Попов В. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. №6. С. 194.

Регент Т.М. Миграция в России: проблемы государственного управления. — М.: Изд-во ИСЭПН, 1999. — 304 с.

Рязанцев С.В. Внутренняя миграция населения в России: региональные особенности и перспективы // Народонаселение. 2004. №3. С. 113.

Смидович С.Г. Проблемы регулирования миграции в Москве // Миграционные процессы: Прошлое. Настоящее. Будущее. Сб. материалов X и XI Московско-Берлинских международных семинаров. — М., 2005. С. 37.

Тархов С.А. Диспропорции пространственной структуры транспортной сети современной России // Третьи сократические чтения по географии (Старая Русса, 2—5 мая 2002 г.). Россия в современном мире: поиск новых интеллектуальных подходов: Сб. ст. / Под ред. В.А. Шупера. — М.: Компания Спутник+, 2002. С. 145—168.

Ткаченко А.А. История депортации народов России // Российский демографический журнал. 2002. №1. С. 58—65.

Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. — М., 1975.

Труд в СССР: Статистический справочник. — М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. С. 7.

Финансовые отношения федерального центра и северных регионов и их влияние на организованную миграцию с Севера. — М.: ИЭПП, 2001. С. 92—103.

Флоринская Ю.Ф. Влияние материального положения и жилищных условий на мобильность российского населения // Проблемы прогнозирования. 2008. №6. С. 140—155.

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2007 г.: Статистический бюллетень. — М.: Росстат, 2008. С. 3.

Чудиновских О. Статистика миграции знает не все // Демоскоп Weekly. 2—15 июня 2008 г. №335—336; <http://demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema01.php>.

Чудиновских О.С. О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. 2004. №10. С. 27—36.

Чудиновских О.С. Текущая статистика миграции в некоторых странах бывшего СССР // Миграция населения: статистика, выборочные обследования, политика: Сб. ст. / Под ред. М.Б. Денисенко. — М.: МАКС Пресс, 2006. С. 7—40.

Чудиновских О.С. Учет миграции в России: причины и последствия кризиса // Демоскоп Weekly 10—23 января 2005 г. №185—186; <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit03.php>

Andrienko Y., Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia: evidence from panel data // Economics of Transition. 2004. Vol. 12. №1. P. 1—27.

Bornhorst F., Commander S. Regional unemployment and its Persistence in Transition Countries // IZA Discussion Paper №1074. March 2004. Цит по: [Андриенко Ю., Гуриев С., 2006].

Heleniak T. Migration Dilemmas Haunt Post-Soviet Russia. — Migration Policy Institute, 2002.

Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. — Wash., D. C.: Brookings Institution Press, 2003. Цит. по: [Андриенко Ю., Гуриев С., 2006].

Kam Wing Chan, Yang Yunyan. Internal migration in Post-Mao China: A Dualistic Approach // Demography in China. — Beijing, 1997. P. 172. Цит. по: [Моисеенко В., 2004].

Pinto B., Drebenstov V., Titov S. et al. The Russian Federation After the 1998 Crisis: Towards «Win-win» Strategies for Growth and Social Protection // The World Bank, ECA region, electronic publication. 2001. August.

Poulain M. La Mobilité Interne en Europe. Gualles Données Statistiques? // Espace, Population, Sociétés. 1994. 1. Цит. по: [Моисеенко В., 2004].

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ ЗАЕМЩИКОВ В ИПОТЕЧНОЙ СИСТЕМЕ США И РОССИИ

Бурдяк А.Я., магистр экономики, старший научный сотрудник Независимого института социальной политики
Головляница Е.Б., магистр социологии, научный сотрудник Независимого института социальной политики

Кризис системы ипотечного кредитования в США, начавшийся в 2007 г., принято рассматривать в числе факторов, приведших к возникновению общемирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Ухудшение экономической конъюнктуры во второй половине 2008–2009 г. вызвало расширение круга ипотечных заемщиков, оказавшихся перед угрозой дефолта. В предлагаемом вниманию читателя обзоре рассмотрены основные меры, принимаемые правительством США для помощи ипотечным заемщикам в целях предотвращения дефолта либо минимизации его негативных последствий, а также приводится краткое описание аналогичных мер в России в сравнении с программами США.

Источником ипотечного кризиса в США стала неблагоприятная ситуация, сложившаяся в сегменте рискованного, или нестандартного, ипотечного кредитования. В рамках двухуровневой ипотечной системы США банки стремятся обезопасить выданные ипотечные займы, продавая закладные инвесторам в качестве ценных бумаг; в дальнейшем риски по закладным несут инвесторы, а банки лишь обслуживают кредит. Вследствие этого банк не заинтересован в жестких требованиях к заемщикам и склонен выдавать займы даже при высокой вероятности дефолта. В результате число ссуд, выданных ненадежным заемщикам, резко увеличилось в первой половине 2000-х гг. К 2008 г. после вмешательства государства выдача рискованных ипотечных займов практически прекратилась. Большая часть задолженностей и дефолтов в ходе ипотечного кризиса 2007–2008 гг. произошла именно по этим займам [Mayer C., Pence K., Sherlund S., 2009]. Однако и после ужесточения требований к качеству займов правительство

США по-прежнему сталкивается с проблемой предотвращения массовых дефолтов по ипотечным обязательствам.

В случае неспособности заемщика выплачивать ипотечный займ организация, обслуживающая кредит, обращает взыскание на заложенное жилье, становится собственником и продает его, чтобы покрыть потери от невыплаченного займа и издержки на юридические процедуры. В массовом масштабе это ведет к негативным последствиям (дополнительное снижение цен на жилье, потеря жилья для граждан, распад местных сообществ и т.д.). В ряде случаев, когда ожидаемые выгоды от продажи жилья меньше ожидаемых потерь, банк идет навстречу должнику, помогая ему ликвидировать задолженность. Государство видит свою непосредственную роль в том, чтобы стимулировать инвесторов и обслуживающие кредит организации чаще прибегать к такого рода добровольной помощи, чем к обращению взыскания.

Способы снижения потерь в связи с неспособностью должника рас-

платиться по долгам делятся на две группы в зависимости от того, предполагается ли сохранение за должником права собственности на жилье. Первая группа мероприятий рассчитана на заемщиков, испытывающих временные финансовые трудности, и включает отсрочку платежей, реализацию различных планов погашения просроченной задолженности по взаимной договоренности заемщика и кредитора, продление срока кредита, а также программу реструктуризации и рефинансирования займов (с изменением контракта). Меры, предполагающие смену собственника, включают продажу заложенного жилья заемщиком и добровольный отказ от прав собственности.

Кредитор может установить для заемщика *льготный период* с освобождением от выплат по ипотеке (только процентов либо от всех выплат). По окончании льготного периода отложенные выплаты добавляются к сумме регулярных платежей.

По плану погашения просроченной задолженности заемщик обязуется вносить в дополнение к плановым дополнительные платежи для погашения просроченных. Период, в течение которого производится такое погашение долга, обычно не превышает 10 месяцев; для отдельных категорий заемщиков (например, одинокие женщины с детьми) может быть установлен более длительный срок выплат. Возможна договоренность о выплате всех просроченных платежей единым взносом к определенному сроку.

Возможно получение *последующей ипотеки* — беспроцентного займа в размере просроченных платежей, выдаваемого на срок действия основного ипотечного кредита. Задержка платежей, покрываемых займом, не должна превышать 12 месяцев. Сфера применения ограничена зай-

мами, выданными либо гарантированными Федеральной жилищной администрацией (ФНА).

Программа *Home Saver Advance*, начатая агентством «Фанни Мэй» в феврале 2008 г.¹, ориентирована на заемщиков с просроченным основным займом, сохранивших или восстановивших платежеспособность, но нуждающихся в помощи для покрытия просроченных выплат. Им предоставляется кредит от 1 до 15 тыс. долл. (или 15% от суммы долга), покрывающий текущую задолженность по основной ипотеке, сроком до 15 лет. В течение первых 6 месяцев проценты не начисляются, начиная с 7-го месяца устанавливается фиксированная низкая процентная ставка (5%). Средства могут быть направлены на выплату просроченных платежей по ипотеке, процентов, налогов, страховых отчислений, пени и штрафов за просрочку выплат. Сфера применения ограничена займами, выданными либо гарантированными Федеральной национальной ипотечной ассоциацией (FNMA); тип жилья не ограничен. Для участия в программе необходимо, чтобы по ипотеке были внесены по меньшей мере 6 платежей (для заемщиков, уже получавших помощь в связи с просрочкой, — 12 платежей) и просрочка не превышала двух месяцев; после всех обязательных выплат и необходимых затрат на питание, коммунальные услуги и т.д. у заемщика должно оставаться не менее 200 долл.

Для обслуживающих компаний, выдающих такой кредит, предусмотрены поощрения — 200 долл. за каждый выданный кредит и еще 500 долл., если получивший кредит заемщик вовремя произвел три последующих выплаты по основной ипотеке. Критики программы указывают на высокую долю повторных дефолтов по основному займу после окончания льготного периода: за фев-

¹ Срок окончания программы не определен.

раль — апрель 2009 г. — до 70% от всех заемщиков, получивших кредит². В ответ на критику в конце апреля эта опция официально заявлена применимой только к платежеспособным заемщикам; в противном случае заемщику должно быть предложено участвовать в программе реструктуризации «Сделаем дом доступным» (*Making Home Affordable*).

ПРОГРАММА РЕФИНАНСИРОВАНИЯ И РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ЗАЙМОВ 2009 Г.

За два года ипотечного кризиса правительство США реализовало ряд программ помощи заемщикам³, однако они не оказали заметного противодействия росту числа лишений прав выкупа закладной. Впервые о планах перехода к более активным действиям было заявлено в феврале 2009 г. В марте 2009 г. в рамках мероприятий по спасению проблемных активов начата программа «Сделаем дом доступным», задачей которой провозглашается поддержка семей, стремящихся добросовестно уплачивать ипотечные взносы за отдельное жилье, но испытывающих временные трудности двух видов:

- в условиях падения стоимости залога они не могут перейти на законодательно установленный более низкий процент по ипотечному кредиту (ипотечный займ должен быть выдан или гарантирован агентствами «Фанни Мэй» или «Фредди Мак», и отношение долга

к стоимости залога не должно превышать 125%);

- испытывают или в ближайшее время испытают финансовые трудности (например, уменьшение рабочего времени либо сокращение), так что расходы на погашение кредита превышают 31% от суммарных доходов семьи до вычета налогов.

Соответственно программа включает два направления: первой группе заемщиков предлагается рефинансирование займа с установлением более низкой ставки, либо продление периода выплаты, либо изменение условий займа (например, перевод на фиксированный процент)⁴. При этом основная сумма займа не изменяется. Этот ход предлагали представители неправительственных организаций, настаивавшие на радикальном сценарии борьбы с просроченными долгами, однако он не прошел из-за противодействия кредиторов. Мера применяется к ипотечным кредитам, выданным не позднее 1 марта 2009 г. Программа рефинансирования займов продлится до июня 2010 г.

Второй группе заемщиков предлагается реструктуризация займа с сокращением ежемесячных выплат по кредиту до 38% душевых доходов, в идеале — до 31% (и не менее чем на 6%). Ставка по кредиту может быть снижена до 2% в течение первых пяти лет. Если после пересмотра ставка оказывается выше или равна ставке, установленной по соглашению кредитора и заемщика о потолке процентной ставки⁵, то она сохраняется до окончания выплаты кредита; если

² <http://www.housingwire.com/2009/05/22/fannie-program-sees-70-recidivism>

³ Программы Hope Now, Hope Line, Hope for Homeowners, No Homeowners Left Behind, FHA Secure, FHA Modernization Act, Emergency Loan Modification Act of 2007.

⁴ Кроме того, в дальнейшем введено сокращение стоимости коммунальных услуг для заемщиков, исправно исполняющих свои обязательства по кредиту.

⁵ Interest Rate Cap.

достигнутая процентная ставка ниже потолка, то после первых пяти лет она постепенно увеличивается (не более 1% в год), пока не достигнет его, и затем фиксируется до окончания выплаты кредита. Если снижения ставки недостаточно для выхода на пороговый размер платежей, может применяться продление срока выплаты кредита максимум на 10 лет (т.е. до 40 лет с момента реструктуризации), а также по решению кредитора возможно списание части долга. Так же списываются неуплаченные комиссии. Реструктуризация применяется к ипотечным кредитам, выданным не позднее 1 января 2009 г., и только для неэлитного жилья, в котором заемщик проживает постоянно⁶.

Вводится испытательный срок от 90 дней (или больше, если того требуют договоренности с инвестором), в течение которого заемщик должен произвести три выплаты по кредиту; если это ему удастся, он получает право участия в программе. Каждый кредит может участвовать в программе только один раз. Просрочка выплат по реструктуризованному кредиту более 90 дней считается повторным дефолтом и ведет к исключению заемщика из программы; после этого заемщик может использовать другие опции предотвращения обращения взыскания (короткую продажу, добровольный отказ от прав собственности). Срок приема новых заявлений от заемщиков — до конца 2012 г., при этом организации, обслуживающие кредит и намеренные участвовать в программе, должны заключить договор об участии до конца 2009 г.

Основная цель введения программы «Сделаем дом доступным» — предоставить организациям дополнительные стимулы для проведения реструктуризации ипотечных дол-

гов вместо взыскания прав на залог. Предполагалось, что программа по рефинансированию охватит 4–5 млн семей, а программа по реструктуризации займов — от 3 до 4 млн семей. Всего на проведение реструктуризаций выделено 75 млрд долл. Программа предусматривает, что за каждую проведенную реструктуризацию кредитной организации выплачивается до 1 тыс. долл. и дополнительно столько же каждый год в течение трех лет, если нет задержек выплат; выплату до 1 тыс. долл. получает в течение пяти лет и сам успешный заемщик. Кроме того, премия выплачивается, если организация обратилась к заемщику с предложением о реструктуризации либо рефинансировании до того, как последний просрочил выплаты по кредиту (1,5 тыс. долл. кредитору или инвестору и 500 долл. организации, обслуживающей кредит). Выплата премий продолжается в течение пяти лет после реструктуризации кредита.

В конце апреля 2009 г. действие программы было распространено на последующие ипотечные кредиты (вторые займы); предположительно, участие в программе позволит сократить месячные платежи для 1–1,5 млн заемщиков. По ним возможно снижение ставки до 1% на срок до 5 лет; продление срока действия до продолжительности основного займа и т.д. При модификации основного займа новые условия автоматически переносятся на вторичные займы. За каждый случай кредитор получает разовую премию в размере 500 долл. и 250 долл. в год в течение трех лет успешных выплат; заемщик будет получать 250 долл., направляемых на снижение основного долга.

Тем не менее особых успехов в этом отношении достичь не уда-

⁶ Установлены верхние границы залоговой стоимости дома: до 729 750 долл. — для одного строения, до 934 200 — для двух строений, до 1 129 250 — для трех строений и до 1 403 400 — для четырех строений.

лось: по ситуации на июль 2009 г., участие банков и прочих финансовых организаций в пересмотре займов признается недостаточным и ставящим под угрозу выполнение всей программы. Поскольку около трети попавших в затруднительное положение заемщиков смогли выплачивать ссудные проценты без реструктуризации и нет методик заблаговременного выявления таких заемщиков, банки предпочитают вообще избегать пересмотра кредитов. Финансовые стимулы не особенно значимы для банков по сравнению с ухудшением кредитного портфеля, снижением рейтингов и т.п., происходящим при пересмотре кредитов.

Результаты программы: всего с февраля по июль 2009 г. было реструктурировано немногим более 300 тыс. займов; около 40 тыс. займов были рефинансированы. Банки неохотно соглашались на модификацию займов, не желая помогать «безнадежным», а также ищущим выгоды заемщикам. По оценкам аналитиков, около половины обращающихся за помощью заемщиков подвержены высокому риску повторного дефолта, и еще 20–30% могут справиться с проблемой самостоятельно. В условиях продолжающегося падения цен на жилье дефолт после пересмотра кредита обходится кредитору дороже, чем в случае немедленного обращения взыскания⁷. В итоге за 2007–2008 гг. только 3% просрочивших выплаты заемщиков удавалось добиться реструктуризации займа в течение года после просрочки [Adelino K., Gerardi K., Willen P.S., 2009]. Эксперты полагают, что самым эффективным способом предотвратить дальнейшее распространение обращений взысканий является *щедрая краткосрочная финансовая помощь заемщикам*; долго-

срочные программы, поощряющие кредиторов помогать заемщикам через пересмотр займов, при текущих затратах неэффективны.

УПРОЩЕНИЕ ПРОДАЖИ ЗАЛОЖЕННОГО ИМУЩЕСТВА ЗАЕМЩИКОМ

В мае 2009 г. в рамках программы «Сделаем дом доступным» в случае невозможности реструктуризации займа финансовым организациям было предложено поощрять короткую продажу заложенного жилья, не прибегая к длительной процедуре наложения запрета на выкуп заложенного имущества.

Если заемщик продает дом по цене меньшей, чем сумма его долга, заимодатель получает компенсационную выплату в размере до 1 тыс. долл. Если продать заложенное жилье не удастся, остается возможность добровольной передачи прав собственности от заемщика к заимодателю, не дожидаясь дефолта и без проведения процедуры обращения взыскания (*deed in lieu of foreclosure*). В этом случае владельцу жилья выплачивается компенсация в размере до 1,5 тыс. долл. на покрытие издержек по смене места жительства. В ряде штатов введен период после обращения взыскания, в течение которого заемщик может вернуть жилье, выплатив задолженность по ипотеке и компенсировав издержки кредитора на процедуру обращения взыскания.

ПРОЧИЕ МЕРЫ

Высказываются предложения о *внесении изменений в законодательство о банкротстве* с целью защиты субъектов вторичного ипотечного рынка — об-

⁷ На защиту заимодателей (на территориях, где сокращение цен наиболее значимо) от потерь, связанных с дальнейшим снижением стоимости жилья и повторными дефолтами реструктурированных кредитов, в мае 2009 г. было дополнительно направлено 10 млрд долл.

служающих кредит организаций — от претензий инвесторов в связи со снижением доходности и о расширении их полномочий по реструктуризации займов (*safe harbor provisions*). При этом исходят из допущения о том, что банки, опасаясь нарушить обязательства перед инвесторами, реже соглашаются модифицировать займы, гарантированные основными ипотечными агентствами, и, напротив, чаще пересматривают свои портфельные займы. Однако исследования показывают отсутствие связи между типом займа и распространённостью реструктуризаций, предсказывая низкую эффективность введения подобных мер⁸.

Также выдвигалось предложение о предоставлении судьям, рассматривающим дела о банкротстве несостоятельных должников, права снижать ставку и списывать часть основного долга по ипотечному займу под основное жилье даже в случае возражения кредиторов (*cramdown*). Сейчас такая мера применяется только к менее крупным займам (на прочую недвижимость, автомобили, драгоценности и т.д.). Хотя ранее правительство США не исключало возможность изменения процедуры банкротства граждан как более дешёвого способа поддержки заемщиков (предположительно, это могло бы предотвратить до 20% обращений взыскания), в настоящий момент эта мера считается неприемлемой⁹.

Как альтернатива дорогостоящей программе реструктуризации ипотечных займов предлагается *предоставить несостоятельному заемщику право аренды заложенного имущества с лишением права собственности*, но дальше неофициальных обсуждений дело пока не продвинулось¹⁰.

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ ЗАЕМЩИКОВ В ИПОТЕЧНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

В декабре 2008 г. Правительство России приняло решение о поддержке заемщиков, взявших ипотечные кредиты (займы) и лишившихся всех или части доходов в связи со сложными жизненными обстоятельствами. Миссия оказания поддержки была возложена на ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию» (ОАО «АИЖК»), наблюдательный совет которого 18 декабря 2008 г. одобрил «Правила реструктуризации в 2009 г. ипотечных жилищных кредитов (займов) для отдельных категорий заемщиков». Также наблюдательным советом ОАО «АИЖК» принято решение о создании ОАО «Агентство по реструктуризации ипотечных жилищных кредитов» (ОАО «АРИЖК»). 30 января 2009 г. ОАО «АИЖК» в пилотном режиме провело реструктуризацию первых ипотечных кредитов. Эту дату можно считать началом работы государственной программы поддержки заемщиков ипотечных кредитов. 6 февраля 2009 г. Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы произвела государственную регистрацию ОАО «АРИЖК». 16 февраля 2009 г. на заседании совета директоров председателем совета директоров ОАО «АРИЖК» избран Семеняка Александр Николаевич. Решением внеочередного общего собрания акционеров ОАО «АРИЖК» от 16 февраля 2009 г. генеральным директором ОАО «АРИЖК» назначен Языков Андрей Дмитриевич.

В чем состоит реструктуризация согласно Стандарту реструктуризации ипотечных жилищных кредитов

⁸ Там же.

⁹ Предложение отвергнуто на слушаниях Конгресса в марте 2009 г. <http://washingtonindependent.com/51486/obama-administration-abandons-cramdown>

¹⁰ По состоянию на конец июля [Washington Post. 2009, 20 July].

(займов) (далее — Стандарт)¹¹? Если заемщик в силу ряда причин испытывает сложности и не может регулярно вносить платежи по жилищному кредиту, полученному до 1 декабря 2008 г., он может обратиться за реструктуризацией. С 29 сентября 2009 г. в круг заемщиков, которые смогут получить помощь в виде реструктуризации ипотечных кредитов, включены и заемщики, которые взяли ипотечный кредит до 1 июля 2009 г. Также к реструктурируемым были добавлены займы, предоставленные гражданам на участие в долевого строительстве, а с 29 сентября 2009 г. в их число включены кредиты, выданные на капитальный ремонт и иные неотделимые улучшения жилого помещения. Таким образом, в программу реструктуризации включены кредиты, выданные по всем ипотечным основаниям, в соответствии с Федеральным законом № 102-ФЗ «Об ипотеке». При соответствии доходов заемщика, жилого помещения и ипотечного кредита требованиям Стандарта заемщику предоставляется стабилизационный заем на срок до 12 месяцев.

Поводом обращения за реструктуризацией служит падение доходов заемщика или рост ежемесячных платежей по валютному кредиту, обусловленный ростом курса валют. Доход заемщика, его супруга(-и) и других членов семьи, а также солидарных заемщиков за вычетом платежа по ипотечному кредиту, деленный на количество указанных лиц, не должен превышать уровня трех жилищных минимумов. На первых этапах применялись другие стандарты: например, учитывался душевой доход за вычетом обязательных платежей, но в связи с высокими издержками на администрирование было принято решение применять более простой способ администрирования.

Что касается требования к жилищу, то оно должно быть единственным отдельным местом проживания, удовлетворять требованиям площади (отдельная квартира не более 30, 35, 50 м² на одиноко проживающего, семью из двух человек, для трех и более человек соответственно; отдельный жилой дом 50, 60, 70 м² соответственно). Стоимость одного квадратного метра, согласно договору об ипотеке, не должна более чем на 50% превышать стоимость аналогичного жилья в данном субъекте РФ, согласно данным Росстата на соответствующую дату. Относительно имущества заемщика требования тоже постепенно смягчались, исходя из хода процесса обращения заемщиков за реструктуризацией. На данный момент основные требования Стандарта таковы, что заемщик и члены его семьи могут иметь в собственности часть жилого помещения (до 50%), автомобиль рыночной стоимостью не более 350 тыс. руб.

В течение периода помощи платежи устанавливаются в посильном для заемщика размере и составляют не более половины от размера ежемесячного платежа, выплачиваемого ранее по ипотечному кредиту, но не менее 500 руб. По истечении льготного периода (до 12 месяцев) заемщик, восстановивший свою платежеспособность, возобновляет платежи по основной ипотеке и одновременно начинает платить по стабилизационному займу. Для предотвращения непосильности возникающих вследствие реструктуризации обязательств было принято очередное изменение в Стандарт, вступившее в силу с 15 сентября 2009 г., ограничивающее увеличение нагрузки на заемщика по окончании льготного периода — оно, как правило, не должно превышать 15%. В настоящий момент средняя нагрузка на заемщика по окончании льготного периода со-

¹¹ Сайт ОАО «АРИЖК»: www.arhtml.ru

Таблица. Меры поддержки заемщиков в США в сравнении со Стандартом «АРИЖК»

Россия, «АРИЖК»	США, программа «Сделаем дом доступным», реструктуризация кредита
1. Период поддержки не более 12 месяцев	Период государственной поддержки (премии за участие в программе) — до 5 лет, действие измененных условий займа — по договоренности с кредитором, вплоть до окончания выплаты кредита
2. Срок выдачи ипотечного кредита — до 1 июля 2009 г.	Срок выдачи ипотечного кредита — до 1 января 2009 г.
3. Доход заемщика не должен превышать величины трех прожиточных минимумов	Заемщик предоставляет полные сведения о доходах и расходах. Ежемесячные расходы заемщика на погашение кредита в сумме с прочими обязательными выплатами превышают 31% от суммарных доходов семьи до вычета налогов
4. Отсутствие у заемщика и семьи заемщика накоплений и сбережений, прав собственности на другое имущество. Допускается наличие автомобиля рыночной стоимостью не более чем 350 тыс. руб., жилья, в котором доля заемщика не превышает 50%	Для участия в государственной программе нет формальных ограничений прав собственности на другое имущество
5. Средняя стоимость м ² не превышает более чем на 50% стоимость аналогичного жилья в регионе. Размер жилья в расчете на одного проживающего не превышает следующие пороги: отдельная квартира — 30, 35, 50 м ² на одиноко проживающего, семью из двух человек, для трех и более человек соответственно; отдельный жилой дом — 50, 60, 70 м ² соответственно. Жилье должно быть единственным отдельным жильем заемщика или человека, для которого оно покупается	Установлены верхние границы залоговой стоимости дома: до 729 750 долл. для одного строения; до 934 200 — для двух строений, до 1 129 250 — для трех строений и до 1 403 400 — для четырех строений. Жилье должно быть основным, заемщик и, если есть, его семья должны проживать в нем постоянно
	В целом, поскольку решение о реструктуризации кредита принимается банками в частном порядке, к заемщикам предъявляются требования, прописанные в договоре об обслуживании кредита между обслуживающей организацией (банком) и инвестором

ставляет 15,4%; однако для кредитов, имеющих небольшой срок до погашения, нагрузка может возрасти до 40% и более даже при низкой ставке по ипотечному кредиту. Чрезмерный размер увеличения финансовой нагрузки на заемщика (более чем на 15%) негативно сказывается как на психологическом состоянии заемщиков, так и на их финансовых возможностях, в связи с чем предполагается проводить дополнительный контроль будущей финансовой нагрузки на заемщика и расчетным путем формировать новый срок возврата средств. Если увеличение срока выходит за допустимые пределы (предельный срок 60 месяцев или предельный возраст созаемщиков), допускается снижение процентной ставки по выделяемым средствам, но не более чем до ставки рефинансирования ЦБР. После внесенных в Стандарт «АРИЖК» изменений финансовая нагрузка на заемщика в постльгот-

ный период будет в среднем увеличиваться на 14,6%.

Результаты программы: по словам А.Д. Языкова, генерального директора ОАО «АРИЖК», в ходе реструктуризации обнаружилась мотивация банков решать проблемы «плохих» долгов самостоятельно на местах, предлагая заемщикам программы льготных периодов и отсрочек. В этой связи поток обращений в «АРИЖК» за истекшие 9 месяцев 2009 г. оказался меньше, чем ожидало Агентство.

ЛИТЕРАТУРА

Adelino K., Gerardi K., Willen P.S. Why Don't Lenders Renegotiate More Home Mortgages? Redefaults, Self-Cures, and Securitization. Federal Reserve Bank of Boston Public Policy Discussion Paper №. 09—4. 2009.

Mayer C., Pence K., Sherlund S. The Rise in Mortgage Defaults // Journal of Economic Perspectives. 2009. Vol. 23. № 1. P. 27—50.

SUMMARIES

Bonoli G.

Time Matters: Postindustrialization, New Social Risks, and Welfare State Adaptation in Advanced Industrial Democracies

Western welfare states were built during the postwar years, with one key objective: to protect family (male) breadwinners against the consequences of losing their ability to extract an income from the labor market. Structures of social risk, however, have changed dramatically since then, so that current social risks include precarious employment, long-term unemployment, being a working poor, single parenthood, or inability to reconcile work and family life. Changes in structures of social risk have resulted in the adaptation of welfare states only in the Nordic countries but much less in continental and southern Europe. To account for this divergence in social policy trajectories, this article argues that the reorientation of the Nordic welfare state was possible because new social risks emerged before the maturation of the postwar welfare states. The argument is demonstrated through comparative statistical analysis relating the timing of key socioeconomic developments to current levels of spending in relevant policies.

Avraamova E., Kulagina E.

The education potential as a source of an innovative economy

The authors consider the growing potential of education as a source of competitiveness in a globalizing world. They examine the amount and quality of education potential of the Russian population, focusing on the issues of access to the most demanded education institution and on the professional development of people with higher education diplomas in the innovative sectors of economy.

Chirikova A.

Health care for the middle class: institutions and practices

Health is the most important non-material resource of a worker's competitiveness and efficiency in the labor market and in other economic activities. Technically, the majority of people have an access to the health care, but in fact some social groups find it difficult to get medical service of a proper quality. This problem is usually discussed with respect to socially vulnerable groups. This paper considers whether the Russian health care system meets demands and expectations of the middle class.

The author analyses the middle class' strategies to preserve their health as assessed by the middle class and by medical workers, and discovers how the strategies depend on the kind of rules within medical institutions.

Burdyak A.

The mortgage loans in Russia: the portrait of a borrower

The mortgage credit system in Russia is relatively new and it is highly vulnerable under the circumstances of the economic crisis. The total amount of mortgage loans has decreased six times due to the lack of financial resources at the world's market and the depressed investing activity in Russia. The banks tend to tighten the eligibility criteria for mortgage borrowers because of a growing number of delinquencies. Considering the current situation, the government has decided to begin modifying mortgage loans to prevent further delinquencies and repossessions.

We examine the social and economic characteristics of mortgage borrowers (household structure, education level, employment) with regard to the program of modifying mortgage loans. In particular, we assess the demand for loan modifications by different types of borrowing households.

Knyazeva M.

The strategies of culture, the perspectives of society, the destinies of people

The investigation of an artistic culture and its relationships with the civil society and its perspectives is of specific importance now, taking into account the lack of stability and value coherence in the Russian society and the confrontation between different social groups. Among the most general features of the culture in Russia there are its apparent contrasts and contradictions.

Gorina E.

Social policy expenditures in the regions of Russian Federation with different fiscal capacities: opportunities and priorities

The article presents the comparative analysis of the budget policy of three regions with different fiscal capacities (Moscow, Tverskaya oblast, Tomskaya oblast). The data on socially significant expenditures and especially on social policy expenditures were collected during the period of an economic growth (2003–2008). The author examines changes of the share of such expenditures in consolidated budgets of the Russian Federation subjects and the tendencies of the level of spending; the priorities of regional programs of social protection with respect to targeted and non-targeted programs. The author demonstrates the growing regional inequalities in opportunities to pursue social policies and the differentiating role of the social supports system. The article also includes some prospects of the impact of the 2008–2009 economic crisis on the share of social expenditures in regional budgets.

Klepikov A., Schatalova E.

The Convention on the Rights of Persons with Disabilities: opportunities and perspectives of implementation in Russia

The article discusses the implementation of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities in Russia. The authors focus on the right of persons with disabilities to work and argue for reforming the current system of employment for persons with disabilities. The authors also touch on such important aspects of social inclusion of persons with disabilities as the decent education, inclusion into the competitive labor market; opportunity to apply their knowledge and skills at the interesting job and get decent earnings. The article also investigates the experience of the Moscow authorities to implement measures towards the integration of persons with disabilities to the social life.

Mkrtchyan N.

The migration mobility in Russia: assessment and methodological problems

The article considers the long run dynamics, incentives and barriers of migration mobility in Russia on the basis of statistical data and current literature. It is incorrect to directly compare the level of spatial mobility in Russia with that in the other countries, because the data on mobility are inconsistent. The hypothesis stated is that, besides the fact that the level of mobility is actually low, the official statistical data tend to underestimate it, because temporary forms of mobility (migration) are not taken into account. Then the author provides some estimates and characteristics of temporary migration, primarily based on the sample data. The government authorities have to face the fact that now the spatial mobility in Russia could hardly be controlled.

Burdyak A., Golovlyanitsina E.

The policy measures to support mortgage borrowers in the USA and Russia

The mortgage crisis of 2007 in USA is considered to be among the factors of the world economic crisis of 2008-2009. A number of borrowers facing defaults and repossessions grew substantially because of worsening economic situation. The review covers the basic measures taken by the USA government to prevent defaults or to minimize their negative consequences, and also describes similar measures in Russia.

SPERO

Социальная политика:
экспертиза, рекомендации, обзоры
№11

Журнал выходит 2 раза в год
Все статьи рецензируются

Электронная версия журнала <http://spero.socpol.ru/current.shtml>

Ответственный редактор М. И. Фетисова
Редактор Е. С. Трифонова
Корректоры: Л. М. Малова, Е. И. Макеева
Оригинал-макет и компьютерная верстка: И. А. Кобзев
Переводчик Е. Б. Головлиницина

Подписано в печать 14.12.2009
Формат 70×108¹/₁₆
Гарнитура NewtonС. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11. Тираж 900 экз.

Адрес редакции журнала: 125009 г. Москва,
Глинищевский пер., д. 3, подъезд 3

Тел.: +7 495 786-67-18, факс: +7 495 692-96-51
e-mail: spero@socpol.ru

Журнал распространяется бесплатно. Для получения очередного номера
обращайтесь в публикационную программу НИСП
Тел: +7 495 786-67-18, факс: +7 495 692-96-51
e-mail: m.fetisova@socpol.ru

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии им. Скворцова-Степанова ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента Российской Федерации
Генеральный директор Э.А.Галузов
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5
Контактные телефоны: 694-36-36, 694-30-20 e-mail: izd.izv@ru.net
Заказ 9471